РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

В ПОИСКАХ СОВЕТСКОГО «СОЮЗА» ФИЛОСОФИИ И БИОЛОГИИ

(дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГ
1999

Ответственный редактор *Д. В. Лебедев*

Рецензенты *А. В. Кольцов, С. А. Орлов, В. С. Соболев*

Работа выполнялась при финансовой поддержке РГНФ № 97-03-04023 и VW-Stiftung.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 98-03-16057

ISBN 5-86007-140-X

СОДЕРЖАНИЕ

«И спасенье и искус
Не приходят ниоткуда,
Каждый сам себе Иисус,
Каждый сам себе Иуда».

А. М. Уголев

ВВЕДЕНИЕ

В 20-х—начале 30-х гг. отечественная наука претерпевала громадные преобразования в отношениях с властью, которая не могла обойтись без ученых, но и не довольствовалась дореволюционными формами взаимодействия с ними. Большевики стремились использовать науку для создания мощного военно-промышленного потенциала, реорганизации сельского хозяйства, построения новых форм общественной жизни, идеологического оправдания своей политики, повышения международного престижа. Если кризис в странах Запада (в Веймарской Германии и в США в годы Великой депрессии) заставлял многих задумываться об объявлении «выходного» для науки, т. е. многолетнего моратория на исследования [1], то в СССР власть видела в науке главное средство для выхода из глобального национального кризиса. Прометеевская вера коммунистических вождей в науку побуждала их к организации новых научных учреждений, вузов, кафедр, журналов и к изданию научной литературы в таких масштабах, о которых ученые в других странах не могли и мечтать. В условиях, когда государство становилось единственным источником средств для научных исследований, их политизация и идеологизация были неизбежны.

Из естественных наук биология в наибольшей степени испытала воздействие жесткого административно-государственного управления и оказалась восприимчивой к различным политическим и идеологическим влияниям. Расовая гигиена, евгеника, антропология в Германии и мичуринская

биология в СССР показали, как ради политических целей отдельные фрагменты научного знания идеологизировались и возводились в ранг веры, что в конечном счете превращало науку в ее противоположность. Стремление понять механизмы подобного превращения и мотивы поведения ученых в этот период породили обширную литературу о биологии в нацистской Германии [2] и сталинской России [3], в которой анализируются взаимоотношения между наукой, идеологией и властью в условиях идеологического и политического господства партийной номенклатуры, осуществляющей непрерывный контроль за всеми сторонами жизни общества, каждым ее членом и проводящей массовые репрессии. При этом нередко забывается, что эти взаимоотношения эволюционировали и степень свободы отдельных ученых и отраслей знания зависела в значительной мере от государственной значимости проводимых исследований.

Сейчас ясно, что концепция тоталитаризма, сформулированная в годы холодной войны Г. Арандом, К. Фридрихом и З. Бзежинским [4], упрощала реальный ход событий и в Германии, и в СССР. В ней не учитывались такие существенные моменты в тоталитарных режимах двух стран, как экстренная модернизация экономики, быстрое и коренное преобразование социальной структуры общества, подготовка новой элиты во всех сферах общественной жизни, массовая поддержка политики правящей партии, внедрение коллективистских форм поведения и т. д. Забывалось и то, что «современный тоталитаризм является эпизодом в вечном бунте против свободы и разума» [5].

С учетом этих дополнений концепция тоталитаризма весьма полезна при анализе развития науки в Германии при Гитлере и в СССР при Сталине. Поэтому она по-прежнему широко используется в литературе [6], побуждая исследователей искать черты сходства и различия в поведении научного сообщества в целом, его отдельных групп и отдельных ученых в условиях тоталитарного режима. Особое внимание привлекает вопрос, почему ученые охотно шли на сотрудничество с тоталитарными правительствами, участвуя нередко в псевдонаучных процессах?

Для успеха сравнительных исследований науки в сталинской России и гитлеровской Германии важно выяснить исходные социально-культурные и политические условия, в которых начиналось развитие российской биологии в послереволюционный период. Иначе трудно понять, почему в отличие от Германии, где национал-социалисты быстро установили жесткую дисциплину и подчинили науку политико-административному контролю, в СССР потребовалось более трех десятилетий для установления, и то лишь на несколько лет, господства «мичуринской биологии». При анализе взаимоотношений между биологией, идеологией и властью авторы, как правило, основное внимание уделяли деятельности Т. Д. Лысенко и ее связи с общей партийно-государственной политикой, обусловившей подъем лысенкоизма и его процветание. События обычно освещались с позиции одной из групп участников дискуссий тех лет, деля их на правых и виноватых. Биологическое сообщество представлялось жертвой лысенковщины, порожденной сталинским режимом [7]. Попытки некоторых авторов возложить часть вины за лысенкоизм и на самих ученых [8], как правило, с негодованием отвергались [9]. Правда, доминировавшая в отечественной литературе апологетика сотрудничества ученых с советской властью заменяется поиском только негативных его последствий [10]. Но история науки не лучшее место для нравоучительных жизнеописаний в духе Плутарха. Даже хрестоматийные примеры свидетельствуют, что этичность ученого определяется прежде всего его верностью ценностям и нормам самой науки. Тем более нельзя о прошлых событиях судить по мифам перестроечной публицистики. Важнее понять причины сотрудничества ученых со сталинским режимом.

Ученые, пережившие ужасы первой мировой и гражданской войн, смерть близких от холода, голода, погромов и расстрелов, неизбежно были деморализованы, что сказывалось на их отношении с властями. Были они и разочарованы идеями монархизма и либеральной демократии, приверженцы которых привели к краху и междоусобной войне великую Россию. Но не только это толкало их на сотрудничество с большевиками. У них появился шанс использовать мощные государственные ресурсы для реализации своих научных планов и притязаний на активное участие в разработке и принятии правительственных программ. И они были искренне уверены, что только прогресс науки обеспечит будущее процветание страны.

Причины лысенкоизма как общественно-политического явления в науке XX в. не сводятся лишь к пристрастиям и вкусам руководителей советского государства. В трагических событиях истории нашего общества сталкивались противоречивые тенденции, в которых нашли выражение интересы весьма неоднородных социальных групп с разным уровнем образования, нравственного сознания и с разным представлением о гражданском долге. Шел непрерывный процесс

крушения все новых слоев общества, где недавние торжествующие победители в политике, экономике, культуре, науке вскоре сами становились гонимыми, подвергаясь зачастую жестоким репрессиям. Неизбежная деформация общественного сознания в условиях жесточайшего социально-политического и экономического кризиса наложила прямой или опосредованный отпечаток на многие события последующих десятилетий и на тех, кто в них участвовал. Легенда о людях в «белых одеждах» мало соответствует атмосфере постоянно инспирируемых дискуссий, многочисленных кампаний разоблачений и чисток конца 20-х—начала 30-х гг. и, наконец, последующих массовых сталинских репрессий.

Объективная реконструкция недавних событий затруднена тем, что они не только сохраняются в памяти их участников, но и вызывают эмоциональное отношение у историков науки, которые еще недавно не имели возможности рассказать о всех перипетиях отечественной истории. Важно исследовать разные аспекты социально-политических и нравственно-психологических составляющих борьбы идей в науке, проходившей в условиях бюрократической регламентации научной жизни, административной системы управления наукой, сталинских репрессий и волюнтаризма Н. С. Хрущева. Однако сами эти феномены исследованы еще слабо, не ясны причины, породившие и питавшие их. До сих пор в архивах хранятся документы, способные пролить свет на будто бы внешние по отношению к науке события, которые оказались тем не менее решающими факторами для изменений в ней, сыграли роль пусковых механизмов свершившихся трагедий. В истории науки Нового времени трудно найти примеры столь грандиозных попыток идеологизировать и политизировать научные исследования, как это было в нашей стране в 30-х—начале 50-х гг.

На пути к написанию истории представляется целесообразной попытка реконструировать реальную картину происходивших событий, выделить внутреннюю логику конкретной отрасли науки, выявить тенденции развития и его главные этапы. Объектом данного исследования выбраны философские проблемы биологии, которые оказались в центре бушевавших тогда дискуссий. Именно здесь была предпринята всеобъемлющая попытка создания некой особой пролетарской науки, методологической основой которой провозглашался диалектический материализм. И именно философские вопросы биологии были тесно связаны с лысенковщиной.

История «союза» философии и биологии в СССР далеко не исчерпана, так как основное внимание уделялось философским дискуссиям вокруг генетики или же борьбе «механицистов» со сторонниками «меньшевиствующего идеализма». Авторы этих работ, как правило, старались найти положительные моменты в становлении «союза» диалектического материализма и биологии в 20-х—начале 30-х гг. [11]. Исключение представляли лишь изданные за рубежом работы И. Яхота [12], но и здесь автор скорее скорбит об участи философов-марксистов тех лет, чем пытается оценить реальный результат их деятельности.

Не могут удовлетворить и умножившиеся в последние годы попытки вести анализ социально-политических и идеологических факторов в отрыве от реальных проблем науки, которые обсуждались в дискуссиях. А эти проблемы все-таки продолжали развиваться в нашей стране, и в их разработке были достигнуты определенные успехи. Броские определения типа «сталинская наука» или «нацистская наука» не могут скрыть тот факт, что и в либеральных англосаксонских странах, и в гитлеровской Германии, и в сталинской России наука в конечном счете оставалась одна и та же. Так, например, главные постулаты основополагающих книг по синтетической теории эволюции, написанные в Англии Дж. Хаксли, в США Ф. Г. Добржанским, Э. Майром и Дж. Симпсоном, в Германии Дж. Геберером, Б. Реншем, В. Циммерманом, Н. В. Тимофеевым-Ресовским, В. Людвигом и, наконец, Г. Ф. Гаузе, Н. П. Дубининым и И. И. Шмальгаузеном в СССР, были одинаковыми, хотя мировоззренческие и идеологические постулаты провозглашались совершенно разные. Самый рьяный сторонник приоритета социальных факторов в развитии науки не может дать вразумительного ответа на вопрос, почему даже такая идеологизированная наука, как эволюционная теория, развивалась столь сходно в самых различных социально-культурных условиях, что, по сути дела, давала одинаковый набор конкурирующих концепций: неокатастрофистские концепции О. Шиндевольфа в Германии и Д. Н. Соболева в СССР; номогенез Л. С. Берга в СССР и Д. Роза в Италии. Как признал недавно патриарх эволюционной биологии Э. Майр, методологией эволюционных исследований практически всегда является философия диалектического материализма [13], и он сам на склоне жизни неожиданно для себя обнаружил, что и его друзья, создатели СТЭ, были сторонниками диалектического материализма. Все это побуждает к дальнейше-

му, более комплексному исследованию истории «союза» философии и биологии в СССР.

В предыдущих публикациях я старался показать, что появление Т. Д. Лысенко и его сторонников в высших эшелонах науки в значительной степени связано с многочисленными попытками в 20-х—начале 30-х гг. создать некую «пролетарскую» или «диалектическую» биологию. В те годы не только, и даже не столько политическое руководство, сколько ученые были инициаторами идеологизации и диалектизации естествознания. Начинавшие диалектизаторы биологии, среди которых впоследствии оказалось немало жертв сталинских репрессий, активно способствовали созданию первых научных марксистских организаций, печатались в идеологических журналах, активно участвовали в многочисленных дискуссиях о соотношении марксизма и различных естественнонаучных концепций. Важной предпосылкой для появления лысенкоистского варианта «советской биологии» была деятельность в Ленинграде в годы «культурной революции» (1928—1932 гг.) марксистских организаций, которые возглавлял И. И. Презент, ставший затем правой рукой Т. Д. Лысенко и его главным идеологом. Анализ деятельности этих организаций позволяет лучше понять констелляцию институциональных, социально-культурных, политико-идеологических факторов, действовавших в СССР в 1922—1932 гг. и сыгравших важную роль в появлении лысенкоизма. В этих организациях и журналах отражалась борьба внутри биологического сообщества, реакция различных групп ученых на попытку насильственной диалектизации и пролетаризации биологии, воздействие этих попыток на тематику и язык биологических исследований, на ритуал научных мероприятий (конференций, съездов, обществ), на идеи, ценности, традиции научного сообщества, на его взаимоотношения с властями, на стиль поведения ученых с власть предержащими. Особенно интересны оказались следующие вопросы. Насколько эффективна была деятельность Презента и его окружения в годы «культурной революции»? Какова социальная динамика этой группы? И что заставило его искать союз с Лысенко и ему подобными?

Цель этой книги — показать начальные этапы диалектизации биологии в рамках общего социально-культурного контекста развития науки в первые годы советской власти и вскрыть причины смены доминирующих групп биологов-марксистов.

* * *

Особенность этой книги состоит в том, что работа над ней никогда не являлась главной задачей автора, а шла в течение долгих лет наряду с другими исследованиями. Сбор материала по истории философских проблем биологии в нашей стране был начат около двадцати лет тому назад в период работы над книгой «Развитие эволюционной теории в СССР» (редактор-составитель Э. И. Колчинский, ответственные редакторы С. Р. Микулинский и Ю. И. Полянский), опубликованной в 1983 г. Не желая ставить под угрозу выход в свет этого коллективного труда, я отложил публикацию написанного тогда текста до лучших дней. Он был опубликован в 1990 г. в совместной книге с С. А. Орловым «Философские проблемы биологии в СССР (1920—1960 гг.)», в которой мной описаны события до августовской сессии ВАСХНИЛ. Последующая работа в государственных и личных архивах, многочисленные беседы и интервью с непосредственными участниками борьбы с лысенкоистами позволили лучше представить сложную историю диалектизации биологии в нашей стране. Становились очевидны многие мифы, сложившиеся в истории науки. Особенно важны для меня были беседы разных лет (будь то специальные интервью или короткий обмен мнениями по данному вопросу) с М. Адамсом, А. Д. Александровым, В. Я. Александровым, В. М. Алексеевой, Н. Н. Воронцовым, А. Е. Гайсиновичем, С. М. Гершензоном, Л. Грэхемом, М. М. Голлербахом, И. С. Даревским, Е. С. Зайчук, А. В. Ивановым, Л. З. Кайдановым, М. М. Камшиловым, И. И. Канаевым, В. С. Кирпичниковым, Ф. И. Кричевской, Е. И. Лукиным, А. С. Мамзиным, Ю. В. Наточиным, К. Л. Паавером, Н. С. Ростовой, З. М. Рубцовой, Л. Н. Серавиным, Л. П. Татариновым, Л. А. Фирсовым, А. Г. Юсуфовым, Е. С. Якушевским, М. Г. Ярошевским и др.

Судьба дала мне уникальную возможность в течение многих лет сотрудничать с К. М. Завадским, Д. В. Лебедевым, Ю. И. Полянским, А. М. Уголевым, что сказалось на многих моих научных взглядах, в том числе и на обсуждаемые здесь проблемы. На разных этапах этой работы я пользовался советами и помощью Я. М. Галла, А. Б. Георгиевского, М. Д. Голубовского, А. В. Кольцова, М. Б. Конашева, К. В. Манойленко, С. Р. Микулинского, Н. Л. Кременцова, Э. Н. Мирзояна, А. В. Куприянова, А. В. Лапо, М. И. Микешина, Е. Б. Музруковой, В. И. Назарова, С. А. Орлова, Г. А. Савиной, Г. И. Смагиной, В. С. Соболева, Л. Г. Строгоновой, Д. А. Строгонова, Л. В. Чесновой. В последние два года я не

раз обсуждал с Д. А. Александровым и Д. Бойрау некоторые положения книги, что способствовало их кристаллизации.

Выражая искреннюю признательность всем, кто прямо или косвенно способствовал написанию этой книги, и принимая полностью на себя ответственность за ее недостатки, я особенно благодарен одному из главных идеологов и организаторов борьбы с лысенковщиной в 50—60-х гг., «антилысенковцу с довоенным стажем» Даниилу Владимировичу Лебедеву. На протяжении всех лет работы над этой книгой он не только постоянно помогал мне советами, но и взял на себя тяжелый труд по ее редактированию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993; *Forman P.* Weimar Culture, Causality and Quantum Theory, 1918—1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment // Historical Studies in the Physical Sciences. 1971. Vol. 3. P. 1—115; *Kevles D.* The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America. New York, 1977; *Dupree A. H.* Science in the Federal Government: A History of Policies and Activities. Baltimore, 1986; *Harwood J.* Weimar Culture and Biological Theory: A Study of Richard Woltereck (1877—1944) // History of Science. 1996. Vol. 34. P. 347—377.
2. *Breitling R.* Die nationalische Rassenlehre. Entstehung, Ausbreitung, Nutzen und Schaden einer politische Ideologie. Meisenheim, 1970; *Weiss Sh.* The Race Hygiene Movement in Germany, 1904—1945 // Osiris. 1987. No 3. P. 193—236; *Weingart P.* German Eugenics between Science and Politics // Osiris. 1989. № 5. P. 260—262; *Mehrtens H., Richter S.* (Hrgs). Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie. Beitrage zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs. Frankfurt am Main, 1990; *Proctor R.* Racial Hygiene: Medicine under the Nazis. Cambridge (Mass.), 1988; *Weindling P.* Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism. 1870—1945. Cambridge, 1989; *Deichmann U.* Biologen unter Hitler. Vertreibung, Karrieren, Forschung. Frankfurt; New York, 1992.
3. *Joravsky D.* Soviet Marxism 1917—1932. New Haven, 1961; *Graham L.* Science and Phylosophy in the Soviet Union. New York, 1966; *Adams M.* Science, Ideology and Structure: the Kol'tsov Institute (1900—1970) // The Social Context of Soviet Science. Boulder, 1980. P. 173—204; *Александров Д. А., Кременцов Н. Л.* Опыт путеводителя по неизведанной земле. Очерк социальной истории советской науки (1917—1950-е годы) // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 67—80; *Колчинский Э. И., Орлов С. А.* Философские проблемы биологии в СССР (1920—1960 гг.). Л., 1990; The Welborn Science. Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia / Ed. M. Adams. New York, 1990; Репрессированная наука / Под ред.

М. Г. Ярошевского. Т. 1. Л., 1991; Т. 2. СПб., 1993; *Сойфер В. Н.* Власть и наука. М., 1993; *Weiner D.* Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington, 1988; *Rossmanith W.* Darwinismus, Kommunismus, Lysenkoismus // Darwin und Darwinismus: Eine Ausstellung zur Naturgeschichte. Dresden, 1994. S. 192—200; *Löther R.* Lyssenkoismus contra Genetik // Biol. Zent. bl. 1996. Bd. 115. S. 171—176; *Колчинский Э. И.* Диалектизация биологии // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 39—64; *Krementsov N. L.* Stalinist Science. Princeton, 1997; На переломе: Советская биология в 20-х—30-х годах / Под ред. Э. И. Колчинского. Вып. 1. СПб., 1997.
4. *Arand H.* The Origin of Totalitarianism. New York, 1952; *Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.
5. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 74.
6. *Graham L.* Science and Values: The Eugenics Movement and Russia in the 1920s // American Historical Review. 1978. Vol. 83. P. 1135—1164; *Ахундов М. Д., Баженов Л. Б.* У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90—99; *Beyrau D.* Bildungsschichten unter totalitaren Bedingungen: Überlegungen zu einem Vergleich zwischen NS-Deutschland und der Sowjetunion unter Stalin // Archiv für Sozialgeschichte. 1994. Bd. 34. S. 36—41; *Винер Д.* Экологическая идеология без мифов // ВФ. 1995. № 5. С. 82—97; *Beyrau D.* Intelligenz und Dissens: Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1993; *Rabkin Ja.* Science, Scientists and the End of the Soviet Union // Europe: Central and East / Ed. M. Mendell, K. Nielsen. London, 1995. P. 111—129; *Josephson P.* Totalitarian Science and Technology. New Jersey, 1996; *Daniel R.* The End of the Communist Revolution. London, 1993; *Александров Д. А.* Наука и нацизм // Фашизм в Европе — прошлое и настоящее: Материалы семинара. СПб., 1996. С. 98—123.
7. *Гайсинович А. Е.* У истоков советской генетики. 1. Борьба с ламаркизмом: 1922—1927 гг. // Генетика. 1968. № 6. С. 158—175; *Gaissinovich A. E.* Origin of Soviet Genetics and the Struggle with Lamarkism // J. Hist. Biol. 1980. № 13. P. 1—51; *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988; *Резник С.* Н. И. Вавилов. М., 1968; *Фролов И. Т.* Генетика и диалектика. М., 1968; *Medvedev Zh.* The Rise and Fall of T. D. Lysenko. New York; London, 1969; *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Cambridge (Mass.), 1970; *Бляхер Л. Я.* Проблема наследования приобретенных признаков. М., 1971; *Lecourt D.* Proletarian science? The case of Lysenko. London, 1977; *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб., 1992; *Филатов В. П.* Об истоках лысенковской «агробиологии» (опыт социально-философского анализа) // ВФ. 1988. № 8. С. 3—23; Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 113—125; 1988. № 1. С. 121—132; *Soyfer V.* Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunscwick, 1992; *Левина Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресов-

ский... Биология в СССР: История и историография. М., 1995; и мн. др.
8. *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1973; *Берг Р.* Суховей. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983; *Поповский М.* Дело академика Вавилова. [Б. м.] 1986.
9. *Левина Е. С.* Трагедия Н. И. Вавилова // Репрессированная наука. Л., 1991. Вып. 1. С. 223—239; *Лебедев Д. В.* Помогают ли опыты на простейших понять трагические события в отечественной биологии // На переломе. СПб., 1997. Вып. 1. С. 165—170.
10. *Сорокина М. Ю.* Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. Материалы научн. конф. СПб., 1997. С. 248—255.
11. *Алексеев А. П.* Марксистско-ленинская философия и медицина в СССР. М., 1970; *Ксенофонтов В. И.* Диалектический материализм и научное познание. Л., 1981; *Ильин А. Я., Мамзин А. С., Капралова Т. И.* Биология // История философии в СССР. М., 1985. Т. 5. Кн. 1; *Галл Я. М., Колчинский Э. И.* Общая характеристика развития эволюционной теории в СССР // Развитие эволюционной теории в СССР. Л., 1983. С. 62—78; *Георгиевский А. Б., Колчинский Э. И.* Дарвинизм и диалектический материализм // ФН. 1985. № 1. С. 36—43; и др.
12. *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20—30 годы). New York, 1988.
13. *Mayr E.* Roots of Dialectical Materialism // На переломе: Советская биология в 20-х—30-х годах / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. Вып. 1. С. 12—18.

1. РАЗВИТИЕ «СОЮЗА» ФИЛОСОФИИ И БИОЛОГИИ В СССР В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 20-х гг.

1.1. Основные периоды в развитии «союза» философии и биологии

Становление «союза» между теоретической биологией и марксистско-ленинской философией шло весьма противоречиво и неравномерно. Периоды бурного обновления доминирующих концепций сменялись длительными десятилетиями стагнации и канонизации отдельных положений и концепций, отход от которых расценивался как ревизия марксизма.

Анализ внедрения диалектико-материалистической методологии в биологию может осуществляться под разными углами зрения. Можно исходить из особенностей социально-экономического и культурного развития страны, из специфики разработки общефилософской проблематики, из общего состояния исследований в области философских вопросов естествознания и, наконец, из уровня развития самой биологии. Последний путь был бы наиболее предпочтителен, так как при всей важности прочих обстоятельств смена методологии происходит прежде всего в недрах самой науки и не может быть объяснена «прививками» извне. Однако данная закономерность сказывается лишь на крупных этапах истории науки. В пределах же относительно коротких периодов удельный вес социально-экономических, общефилософских и общенаучных факторов может неизмеримо возрастать. Особенно справедливо это для нашей страны, где в течение полувека шла не только насильственная диалектизация естествознания, но и культивировались весьма жесткие административные способы управления наукой. Поэтому предлагаемая периодизация строится на комплексе критериев.

В качестве основных периодов предлагаются следующие:

1917—1922 гг.	1932—1939 гг.
1922—1925 гг.	1939—1948 гг.
1925—1928 гг.	1948—1964 гг.
1928—1932 гг.	1964—1989 гг.

На первом этапе (1917—1922) биологическое сообщество в целом не принимало большевистский режим. Занятые гражданской войной руководители Советской России основное внимание уделяли задачам административного подчинения научных и учебных заведений и не предпринимали серьезных мер для установления идеологического контроля над естествознанием.

Начало нэпа ознаменовало следующей этап (1922—1925), когда создавались марксистские журналы и учреждения, в задачи которых входило установление провозглашенного В. И. Лениным «союза воинствующих материалистов с естествоиспытателями». Вначале поисками этого союза занялись люди, имевшие весьма смутные представления о современной биологии, но вскоре к ним подключились биологи, по разным причинам воспринявшие философию диалектического материализма и старавшиеся внедрить его методологию в научные исследования. При этом главное внимание уделялось философскому анализу конкретных естественнонаучных концепций и зачастую смешивались теоретические обобщения биологии и ее философские проблемы. Задачи философии в биологии понимались прежде всего как внедрение диалектико-материалистической методологии в ее исследования и борьба с различными проявлениями метафизики, механицизма и идеализма.

В начале 1925 г. с созданием секции естественных и точных наук при Коммунистической академии (Комакадемия) начинается третий этап (1925—1928). Возникают различные кружки и общества, призванные объединить марксистов-естественников, усиливается накал борьбы между сторонниками различных направлений в биологии. Все чаще диалектическая фразеология использовалась для опровержения взглядов оппонентов. Делались попытки запретить некоторые направления в эволюционной теории, психологии. При этом философии отводилась роль обобщения основных результатов теоретической биологии. Утверждалось, что тем самым обогащается содержание таких категорий, как причина и следствие, необходимость и случайность, прогресс, целесообразность и т. д.

Первые шаги в разработке философских проблем биологии с позиций диалектического материализма совпали с преодолением кризиса в эволюционной теории, обусловленного

крупными успехами в познании законов наследственности и изменчивости, на первых порах противопоставленных дарвинизму. Поиск методологических путей преодоления этого кризиса, философское осмысление сложного процесса складывающегося синтеза генетики и дарвинизма предопределили содержание большинства философских работ данного периода. В них делались попытки раскрыть философские основы конкурирующих эволюционных концепций в биологии. В эти же годы предлагались диалектико-материалистические трактовки таких фундаментальных проблем, как сущность и происхождение жизни, многоуровневый характер организации жизни, особенности пространства и времени в биологических системах, биосоциальная сущность человека и мн. др.

Начавшаяся в 1928 г. «культурная революция» и последовавший вскоре «великий перелом» (1928—1932) коренным образом изменяют процессы диалектизации биологии. Предпринимаются усилия положить конец относительной свободе дискуссий по философским вопросам биологии. Создаются массовые марксистские организации, призванные насильственно внедрить диалектический материализм в практику биологических исследований и подчинить их задачам социалистического строительства. Начинаются аресты и ссылки неугодных ученых. Однако к лету 1932 г. становится очевидным провал этих планов, что побуждает одного из главных «диалектизаторов» этого периода И. И. Презента выбрать Т. Д. Лысенко в качестве лидера придуманной им «мичуринской» биологии.

В последующие предвоенные годы (1932—1939) в условиях бюрократизации всех сфер общественной жизни, беззакония и массовых репрессий шло становление и неуклонное усиление антинаучных концепций в биологии, выразителями которых стали Т. Д. Лысенко и его сторонники. Причем их взгляды все чаще объявлялись воплощением диалектико-материалистического метода. К концу этого периода генетика была провозглашена буржуазной наукой, а многие ее выдающиеся представители погибли.

Великая Отечественная война на время сняла противостояние в биологии, но уже вскоре после нее начался период, связанный с установлением безраздельной монополии Лысенко в биологии (1948—1964). По времени он совпал с общим походом И. В. Сталина против советской науки и культуры, преследующим цель окончательно отгородить их от остального мира и преобразовать в соответствии со своими взглядами и вкусами [1]. Решающим моментом этого периода стала августовская сессия ВАСХНИЛ (1948 г.). На

ней причудливая смесь механоламаркизма, телеологии и сальтационизма была провозглашена единственной концепцией эволюции, всецело соответствовавшей принципам диалектического материализма. Генетика была окончательно заклеймена как лженаука, вредная для строительства коммунизма, и дальнейшее продолжение генетических исследований было признано вредным. Серьезный удар был нанесен по научным исследованиям во всех разделах биологии. Работы философов превращались в комментирование высказываний Сталина и Лысенко, в сумму примеров, в навязывание биологам субъективных схем. Не меньший вред развитию биологии нанесла и «Павловская сессия» АН СССР и АМН СССР (1950 г.), а также насильственное внедрение «клеточной теории» О. Б. Лепешинской.

Частичное преодоление лысенковщины стало возможным только в ходе ожесточенных дискуссий, в которых участвовали генетики, биогеоценологи, геоботаники, систематики, показавшие фактическую и философскую несостоятельность «советского творческого дарвинизма». Эти дискуссии постепенно создавали предпосылки для освобождения философских исследований в области биологии от догматизма и схоластики.

В октябре 1964 г. монополии Лысенко в биологии был положен конец, и исследования по философским вопросам биологии сконцентрировались на мировоззренческих и методологических аспектах эволюционной теории, генетики, молекулярной биологии, биофизики. Проблемы сущности и происхождения жизни, системного характера организации живого, взаимодействий между процессами, протекающими на разных уровнях жизни, и т. п. стали предметом большого числа философских работ. На передний план выдвигаются также вопросы, связанные с анализом функций биологического знания, закономерностей его генезиса, функционирования, развития и взаимодействия методов биологического познания с методами других наук. Философия диалектического материализма рассматривается как интегративная система, в рамках которой на базе единой методологии и единого мировоззрения должны быть синтезированы данные разных наук. Интеграция биологических наук все чаще выходит за пределы самой биологии, вовлекая в синтез данные и обобщения других отраслей естествознания, а также общественных и даже технических наук.

Крах коммунистической системы в конце 80-х гг. привел к всеобщему отказу от диалектического материализма как одной из идеологических основ прежнего режима. Вместе с

диалектико-материалистической методологией, охаянной в первую очередь ее догматическими приверженцами, фактически исчезли работы, связанные с философским осмыслением биологии. Образовавшийся вакуум быстро заполнился спиритуалистами, экстрасенсами, уфологами, сторонниками реинкарнации и т. д. На постдиалектико-материалистическом пространстве недавние атеисты занялись наведением мостов между естествознанием и православием, а книжный рынок заполнился переводными трудами «научных креационистов».

В данном разделе мы рассмотрим некоторые характерные черты первых четырех этапов в диалектизации биологии, завершившихся созданием мичуринской биологии.

1.2. Большевики, философы и биологи в первые годы Советской власти

Создание нацистской биологии в Германии и пролетарской биологии в СССР начиналось в различном социально-культурном контексте. Многие немецкие ученые задолго до 1933 г. усвоили идеологию имперского национализма [2]. Патриарх эволюционизма в Германии Э. Геккель был инициатором проведения в 1900 г. конкурса на тему об использовании дарвинизма для внутриполитического развития государства. Приз за доклад «Наследственность и отбор в жизни людей» получил В. Шальмайер, который вместе с А. Плоетцем считается основателем расовой гигиены [3]. Вскоре сторонники расовой биологии образовали прочный союз с консервативными и праворадикальными кругами. До прихода Гитлера к власти сложились научные взгляды главных представителей расовой гигиены (Е. Фишера, Ф. Ленца, Отто фон Вершуера и др.), установился их союз с праворадикальными кругами, возникли институты по расовой гигиене, евгенике и антропологии типа Института генеалогии и демографии в Мюнхене или Института Кайзера-Вильгельма по антропологии, наследственности человека и евгенике в Берлине [4].

Но не только «расовые гигиенисты», для которых победа национал-социалистов открывала возможности для практической реализации своих научных взглядов, но и специалисты в других отраслях биологии приветствовали приход Гитлера к власти. Так, например, крупный палеонтолог К. Бойрлен уже в публикациях 1933 г. оценивал это событие как «национальную революцию», «духовное возрождение

нации» и «возвращение немецкого народа к своим истокам» [5].

В России, где материалистические и дарвинистские воззрения, составляющие философскую и естественнонаучную основу марксизма, хотя и были весьма популярны, пройдет немало лет прежде, чем аналогичные славословия по поводу Октябрьской революции станут непременным местом в трудах ведущих биологов. В первые же послереволюционные годы из авторитетных биологов только К. А. Тимирязев доказывал конгениальность дарвинизма и марксизма [6].

Как и подавляющее большинство научной интеллигенции, захват власти большевиками биологи оценивали как национальную катастрофу. В отчетном докладе за 1917 г. непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга сказано: «Россия стала на край гибели» [7]. Вскоре стали раздаваться официальные призывы уничтожить прежние научные учреждения «как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества». Их авторы были убеждены: «Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное трудовое жизненное дело, а не как волхование в неприступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию классовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства» [8]. В годы гражданской войны ученые в полной мере испытали тяготы времени: аресты, голод, холод, отсутствие элементарных условий для проведения исследований. Многие из биологов постарались эмигрировать за границу или попасть на территории, контролируемые белыми властями, как это сделал, например, основатель биогеохимии и будущий создатель учения о биосфере В. И. Вернадский. Часть будущих диалектизаторов биологии служила в белой армии: К. М. Быков, провозглашенный в 1950 г. лидером советской физиологии, служил в армии Колчака, а орнитолог П. В. Серебровский в армии Врангеля.

Другие же, не признавая идей новой власти, тем не менее старались наладить сотрудничество с нею и требовали безотлагательно принять меры, «дабы не гибла русская наука и не гибли напрасно русские ученые» [9]. В качестве таких мер назывались сохранение преемственности научной работы, обеспечение мысли ученых «от всякого рода посягательств на их свободный труд и формы их внутренней организации», сохранение «рассадников знания», создание «прочного научного фундамента народнохозяйственной жизни». Говорилось и о необходимости тесного единения между прикладными и «чистыми» знаниями, привлечения

ученых к участию в работе в высших государственных органах, бережного отношения к высшей школе, развития научного издательства. Один из главных путей преодоления кризиса государства ученые видели в росте науки, обозначая пути и условия такого роста.

И их призыв был услышан. Начался диалог политиков и ученых. Партнерами коммунистических властей стали ученые с мировым именем: И. П. Павлов, С. Ф. Ольденбург и В. Н. Тонков. Посредником в установлении контактов ученых с властями выступал Максим Горький. Убежденными сторонниками сотрудничества с учеными были сам председатель Совнаркома В. И. Ленин и его секретарь Н. П. Горбунов, а также главы Наркомпроса А. В. Луначарский и Наркомздрава Н. А. Семашко. В результате в начале 20-х гг. установились прочные личные контакты части научной элиты с большевистскими лидерами, что создавало возможность видным ученым влиять на научную политику, а большевикам через них воздействовать на умонастроение и поведение научного сообщества. Начинались структурные и институциональные перестройки в науке, приведшие вскоре к ее всеобщей «советизации». Уже в 1923 г. была проведена реформа сельскохозяйственных опытных учреждений, призванная усилить практическую отдачу научных исследований и отделить прикладную науку от фундаментальной, сконцентрированной в элитных и хорошо финансируемых учреждениях [10].

Довольно скоро обнаружилась тенденция ограничить свободу исследований и дискуссий в науке. Были предприняты меры для ликвидации плюрализма мнений, подлинной свободы дискуссий. Отъезд за границу значительной части творческой интеллигенции, не принявшей революцию и ужаснувшейся жестокостью гражданской войны, нанес урон интеллектуальному потенциалу страны.

Для утверждения гегемонии марксизма использовались прежде всего административные меры. В начале 20-х гг. от преподавательской работы были освобождены С. А. Аскольдов (Алексеев), Н. А. Бердяев, А. И. Введенский, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, Э. Л. Радлов, С. Л. Франк, П. А. Сорокин и др. Некоторым из них была первоначально предоставлена работа в качестве переводчиков и библиографов, но в августе 1922 г. в числе других видных ученых, философов, писателей, художников они были насильственно высланы за границу. Многие из них в молодости отдали дань увлечению марксизмом, но, разочаровавшись в последнем, стали создателями новых течений и школ в философии

и пользовались огромной популярностью среди студенчества. Преследованиям и арестам подвергались участники ассоциации «Вольфил» (Вольная философская ассоциация), созданной в 1919 г. Р. В. Ивановым-Разумником, К. А. Сюннербергом, А. З. Штейнбергом и ставшей вскоре массовым объединением философов и деятелей культуры, оппозиционных властям. Репрессивные акции обескровливали отечественную философию и оказывали влияние на ее дальнейшее развитие.

Опубликованная 21 августа 1922 г. в газете «Правда» статья «Первое предупреждение» давала понять оставшимся, что лишь принадлежность к сторонникам материализма позволит продолжать научные исследования. Такое сужение диапазона творческих поисков не могло не влиять негативно и на судьбы исследований в области философских проблем биологии. Внешний напор был столь сильным, что даже ученые, стоящие на иных философских позициях, объявляли себя сторонниками материализма.

Были предприняты меры для установления контроля над доступом ученых к научной информации. В июне 1922 г. создается Главное управление литературы и издательств (знаменитый Главлит), которое вместе с органами ГПУ/ОГПУ обеспечивало надежный заслон на пути проникновения в советское государство зарубежной литературы. Об этом свидетельствуют «Секретные бюллетени Главлита», которые с 1923 г. рассылались для политического и идеологического руководства страны.

В начале 1922 г. был установлен контроль за работой частных издательств с целью ограничить публикации немарксистской литературы. Так, из ста девяноста рукописей, представленных в цензуру Политотдела при Государственном издательстве в Петрограде, было разрешено к печати только десять [11]. Правда, из-за безграмотности цензоров нередко публиковались книги действительно антисоветской направленности [12]. Постепенно перестали выходить философско-общественные журналы «Мысль», «Экономист», «Утренники», «Начала», «Литературные записки», «Литературная мысль» и др. Образовавшийся вакуум пытались заменить пропагандистско-агитационным материалом в журналах «Под знаменем марксизма» (ПЗМ), «Книга и революция», «Борьба классов», «Пламя», «Коммунистический университет на дому», «Армия и революция» и т. п. В 1924 г. прекратили свое существование Философское общество, «Вольфил» и другие центры немарксистской мысли, на месте которых спешно создавались различные организации, находившиеся

под партийным контролем, типа коммунистических университетов, высших военно-политических и военно-педагогических школ, объединений левой профессуры, Общества бывших политкаторжан, Союза безбожников и т. д. Судьба руководителей этих обществ зависела от вышестоящих партийных органов, состав которых, в свою очередь, зависел от хода внутрипартийной фракционной борьбы.

Бесцеремонное вмешательство коммунистов в общественные науки вызывало негативную реакцию у естественников. Взгляды биологов на действия большевиков точно выразил В. И. Вернадский в 1921 г.: «Все изгажено и ухудшается, ничего сделать не удается. ...В факультеты и советы вводятся чиновники и коммунисты, и им даже не дают права выбора, а все сосредоточивается в канцеляриях комиссариата! В Москве были студенческие волнения на этой почве, быстро подавленные: главари избиты в Ч.К., а затем все студенты распущены и в короткий срок высланы на родину, и все успокоилось. Высшая школа переживает тяжелый кризис, и она надолго искалечена» [13]. Рассказывая о тяжелом положении Академии наук и ее сотрудников, об ухудшении питания и нерегулярной выдаче пайков, он замечает: «В общем сильнейшее чувство рабства и полное отсутствие какого бы то ни было улучшения» [14]. Но арестами и обысками будущих корифеев советской биологии (В. И. Вернадский, физиолог А. А. Ухтомский, генетик Н. К. Кольцов, гидробиолог К. М. Дерюгин и др.) власти внедряли в сознание научной интеллигенции необходимость соблюдать лояльность к советской власти и ее идеологии [15].*

Эта лояльность была необходима самим коммунистическим вождям, прометеевская вера которых в возможность использования научных достижений для построения нового общества побуждала к организации новых учреждений и институтов в таких масштабах, о которых ученые до революции не могли даже мечтать. В этом отношении коммунистическая политика идентична нацистской. Следует учитывать и общность взглядов немецких и российских ученых на науку как способ служения государству, на необходимость ее использования в практических целях для улучшения общества. Но в отличие от Германии, где неарийцы отстранялись от работы, в Советской России в годы нэпа практически всем крупным биологам, независимо от их происхожде-

* О том, сколь сложен был путь налаживания сотрудничества крупных ученых с большевистским режимом, подробно рассказывается в напечатанной в приложении к книге статье о причинах возвращения Вернадского в Советскую Россию после пяти лет фактической эмиграции.

ния и политических взглядов, была представлена возможность не только продолжать научную деятельность, но и руководить лабораториями, кафедрами, институтами, готовить научные кадры. У научной интеллигенции, издавна считавшей, что царское правительство практически игнорировало нужды науки, были основания полагать, что большевики создали обстановку, стимулирующую научные исследования, вовлечение в них талантливой молодежи. Не случайно 20-е—30-е гг. стали периодом наивысших достижений отечественных ученых в эволюционной теории, генетике, экологии, этологии и т. д.

Вот почему российские ученые не меньше, чем немецкие, ценили государственную поддержку своих исследований. В том же 1921 г. Вернадский оправдывал сотрудничество с большевиками своих учеников А. Е. Ферсмана, Я. В. Самойлова, В. Г. Хлопина, рассматривая их научную работу «как залог всего будущего и доказательства роста и силы будущего России» [16].

Позднее, находясь за границей, Вернадский постоянно получает письма от своих друзей и учеников, в которых с воодушевлением описывались благоприятные изменения для научных исследований в Советской России [17]. Так, Я. В. Самойлов в конце 1922—начале 1923 г. не раз писал об увеличивающемся притоке студентов-рабфаковцев, о способной молодежи, которая учится с энтузиазмом, о создании новых научно-исследовательских институтов и кафедр при Московском университете. Под влиянием писем учеников Вернадский пришел к выводу: «Сейчас результаты научной работы в пределах России очень велики и с ними приходится считаться здесь всем. Русские ученые, оставшиеся там (т. е. в Советской России. — *Э. К.*), делали и делают большую мировую работу... Сейчас работы Павлова, Ферсмана, Баха, Лазарева, Кольцова, Иоффе, Зелинского, Курнакова, Марра, Карпинского и очень многих других оказывают влияние на человеческую мысль» [18]. Вскоре и самому Вернадскому пришлось убедиться в справедливости слов Ферсмана о том, что в Петрограде для работы возможности в десять раз больше, чем в Париже. После неудачных попыток получить длительную и масштабную финансовую поддержку для своих работ по биосфере Вернадский вернулся в Россию, усматривая уже в большевиках некую внутреннюю связь с русским народом. Вернадский выражал типичную для русского ученого веру, что наука сама по себе является важнейшей целью бытия человека, и искренне верил, что научная деятельность неизбежно преобразит коммунистический

режим. По сходным соображениям остался на родине и лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов [19].

1920—1925 гг. характеризовались беспрецедентным ростом научных учреждений [20]. Создавались новые научные учреждения в рамках КЕПС и АН СССР, при наркоматах и ведомствах.

Большинство новых институтов создавались по инициативе ученых, которые еще до 1917 г. разрабатывали проекты организации многих из них. Создание сети небольших институтов, комиссий, бюро и лабораторий обеспечивало быстрое развитие науки благодаря множественным источникам финансирования [21].

Казалось, что мощный интеллектуальный потенциал отечественной науки, созданный в предреволюционные десятилетия, оказался востребованным только в 20-е гг. Большевики покровительствовали прежде всего прикладным исследованиям, которые изымались из ведения политизированных вузов и проходили реорганизацию под наблюдением Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). Аналогичная политика осуществлялась в области медицины и сельского хозяйства, где наблюдалось оживление исследований. Но «буржуазные» ученые должны были воздерживаться от политической деятельности.

Ученые были нужны большевикам и по соображениям международной политики. Поддержка Академии наук, поездки ученых за границу и приглашение иностранных ученых считались важными для укрепления престижа советского правительства. Из биологов главным «полпредом» советской науки за рубежом вначале был Н. И. Вавилов, позднее его сменил В. И. Вернадский.

Сциентистская политика советского правительства привлекала внимание крупных зарубежных биологов. Только из генетиков здесь побывали патриарх генетики У. Бэтсон, С. Харланд, ученики Т. Моргана Г. Мёллер и К. Бриджес, и мн. др. Будущий лауреат Нобелевской премии Г. Мёллер проработал в СССР несколько лет. На формирование взглядов советских биологов большое влияние оказали немецкие биологи-марксисты, эмигрировавшие в СССР в 20—30-е гг.: бывший комиссар Баварской республики М. Л. Левин и ученик Геккеля Ю. Шаксель, «первый марксист среди биологов и первый биолог среди марксистов» [22]. Считается, что «черты идеологической воинственности и бескомпромиссности» у первого поколения биологов-марксистов были «следствием свойственной их учителям-немцам прямолинейности и твердости» [23].

Понимая свою зависимость от государственного финансирования, ученые стремились к сотрудничеству с властями. Они обзаводились покровителями среди партийных лидеров, используя их в решении организационных и административных вопросов. Такими патронами для лауреата Нобелевской премии И. П. Павлова был член Политбюро Н. И. Бухарин, для Н. К. Кольцова — нарком здравоохранения Н. А. Семашко и нарком просвещения А. В. Луначарский, для Н. И. Вавилова — председатель Совнаркома А. И. Рыков и секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов, для В. И. Вернадского — член Политбюро, а с 1930 г. Председатель Совнаркома В. М. Молотов. Ученые прекрасно понимали, что без подобной поддержки трудно добиваться нужных решений в Научно-техническом управлении ВСХН, Главнауке Наркомпроса, в соответствующих структурах наркоматов здравоохранения и земледелия, созданных для руководства научно-исследовательскими и научно-учебными заведениями.

Союз большевиков и старорежимных специалистов, казалось, был закреплен в середине 1925 г., когда постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля Академия наук была признана высшим научным учреждением страны [24]. В приветственном послании ее 200-летнему юбилею, напечатанном 8 сентября 1925 г. в «Правде», руководители СССР выражали уверенность, что в будущем столетии Академия наук сможет с блеском развернуть научную работу и достигнуть блестящих достижений. И, наконец, 11 сентября 1925 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о работе специалистов, в котором отмечалась необходимость их вовлечения в социалистическое строительство, улучшения условий деятельности, быта, отказа от огульного охаивания. Фактически провозглашался курс на сотрудничество и указывалось на недопустимость оценки их лишь с точки зрения классового происхождения. В постановлении предписывалось создавать благоприятные условия для научно-технических обществ, научных учреждений, наладить издание специальных журналов, облегчить контакты с зарубежными учеными и т. д.

Так формировался симбиоз науки и власти в условиях тотальной национализации. Негосударственными оставались только некоторые естественнонаучные и технические общества. Строгий контроль был установлен и над высшей школой. Прием студентов осуществлялся по классовому принципу.

В отличие от Германии, где к моменту прихода нацистов к власти уже были организованы институты и кафедры по расовой гигиене, антропологии и евгенике, большевикам с

первых дней советской власти пришлось создавать лаборатории, институты и кафедры для отраслей биологии, признанных стать базовыми для марксистской идеологии и реализации их грандиозных планов. В старых научных учреждениях в системе АН, а также в новых структурах ВАСХНИЛ, Наркомзема, Наркомпроса, Наркомздрава, ВСНХ организовывались кафедры по новейшим отраслям биологии, вводились обязательные курсы по эволюционному учению в университетах, сельскохозяйственных, медицинских и педагогических институтах, основывались новые журналы по теоретической и экспериментальной биологии, по философским проблемам естествознания, на русский язык переводились сочинения классиков биологии и крупнейших западных биологов. Особое внимание уделялось эволюционной биологии и генетике, на которые возлагались большие надежды в преобразовании общества, сельского хозяйства и природы. Не случайно генетик и эволюционист Н. И. Вавилов стал первым президентом созданной в 1929 году Всесоюзной сельскохозяйственной академии наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ).

Возглавляемый Н. К. Кольцовым Институт экспериментальной биологии в Москве, основанные Ю. А. Филипченко кафедра экспериментальной биологии и генетики и Бюро по евгенике в Петрограде, реорганизованное Н. И. Вавиловым Бюро по прикладной ботанике, созданная Академией наук по предложению В. Л. Комарова Комиссия по экспериментальной биологии, в которую входил цвет российской науки (И. П. Бородин, Н. В. Насонов, И. П. Павлов, В. И. Палладин, А. Н. Северцов, В. М. Шимкевич, Н. И. Вавилов, Ю. А. Филипченко и др.), положили начало созданию научно-исследовательской базы для советской биологии [25]. О масштабах этого процесса свидетельствует данные, приведенные в статье начальника Главнауки старого большевика Ф. Н. Петрова. Так, из восьмидесяти восьми научно-исследовательских институтов, функционировавших в РСФСР в 1925 г., после революции было организовано семьдесят три, и только девятнадцать из них были ориентированы на разработку проблем общественных наук, остальные занимались естественнонаучными и прикладными проблемами [26].

В годы нэпа ученые испытывали двойственные чувства по отношению к властям. С одной стороны, они были явно в привилегированном положении. У них были свои санатории, комиссии помощи ученым, секции научных работников. В среднем ученый, работая в двух-трех местах, получал от 200 до 350 рублей в месяц, тогда как зарплата сельского

учителя равнялась 30 рублям, а рабочего — 55. Настроенное на сотрудничество с интеллигенцией партийное руководство позволяло ученым объединяться в профессиональные союзы, научные общества и воздерживалось от прямого вмешательства в научную жизнь. Наука управлялась государственными чиновниками, а отделы агитации, пропаганды и печати в ЦК ВКП(б) непосредственно управляли лишь партийными школами и комвузами. Казалось, руководство признало незаменимость научных исследований, и борьба за относительную автономность научных исследований увенчалась успехом.

В то же время ученые чувствовали себя в ущемленном положении, их квартиры «уплотнялись», к ним подозрительно относились в правительственных учреждениях, они подвергались критике со стороны студентов, выходцев из пролетарских кругов. Правда, последние, несмотря на студенческие чистки, по-прежнему составляли меньшинство в вузах. Большинство молодых преподавателей были также выходцами из привилегированных и интеллигентных семей, из старой профессуры, так как рабочая молодежь все еще неохотно шла в аспирантуру.

В этих условиях ученые, находившиеся в зависимости от государственного финансирования, стремились к сотрудничеству с властью и старались эффективно использовать социально-политическую и идеологическую обстановку послереволюционных годов для развертывания биологических исследований в СССР в масштабах, обеспечивавших лидирующее положение во многих отраслях науки. Они стремились напомнить властям о своих заслугах в решении задач, поставленных советским правительством. Так, вице-президент АН СССР В. А. Стеклов и ее непременный секретарь С. Ф. Ольденбург в феврале 1925 г. подчеркивали: «Едва ли можно указать какое-либо предприятие, преследующее полезные и практические цели, в котором бы Академия наук не принимала ближайшего участия, давая ему то или иное научное обоснование, а иногда и прямо практическое осуществление» [27].

1.3. Создание «философского фронта»: дискуссия механицистов и диалектиков

Монополизация права на истину за определенными кругами научной, а впоследствии ненаучной и даже антинаучной общественности проявилась далеко не сразу. Огосударствление и бюрократизация творческой жизни затянулись на несколько лет. Более того, в начале 20-х гг. наблюдалась вспышка творческой активности. Возникли десятки кружков, семинаров, обществ, творческих объединений как в науке, так и в искусстве. По всей стране шли дискуссии о путях использования буржуазной культуры при построении нового общества. На страницах советских журналов печатались крупнейшие зарубежные ученые, в том числе и сторонники немарксистской философии. Массовыми тиражами выходили произведения классиков философии.

Первоначальное знакомство советских философов с достижениями биологии нередко вело к попыткам объяснить общественные явления в терминах биологических наук. Это выражалось в отождествлении закономерностей общественного развития с биологическими законами (социал-дарвинизм), в поисках физиологических путей для решения проблем общественного поведения (социальная рефлексология), в выработке методов применения законов генетики для совершенствования человека (евгеника), в установлении границ использования обобщений фрейдизма в марксистской философии. Вместе с тем и явления живой природы пытались объяснить в понятиях социологии (фито- и зоосоциология).

Становление «союза» биологии с философией шло также в условиях ожесточенных дискуссий между самими философами-марксистами, по-разному понимавшими взаимодействие философии и естествознания, предмет, задачи и цели исследований в области философских проблем биологии.

Вначале все они были объединены в Обществе воинствующих материалистов (ОВМ), созданном в 1924 г. для пропаганды диалектического материализма, для борьбы с его извращениями и идеализмом [28]. Несмотря на грозные формулировки прием в ОВМ был очень либерален, так как его учредители были заинтересованы в привлечении естественников, «идущих» к материализму. Единый фронт материалистов стал быстро дифференцироваться вслед за насильственным искоренением из советской биологии виталистических и идеалистических концепций. Борьба в дальнейшем шла между механицистами и «диалектиками». Механицисты — Л. И. Аксельрод, А. И. Варьяш, В. Н. Сарабьянов, И. И. Скворцов-Степанов и др. — отрицали «философствование», отделенное и обособленное от естествознания. Философия, по их мнению, должна представлять наиболее общие выводы науки, в качестве идеала которой усматривалось естествознание, базирующееся на отождествлении различных форм движения, на редукционизме как ведущем методе по-

знания явлений жизни, на абсолютизации лапласовского детерминизма и количественных закономерностей. Так, Скворцов-Степанов писал: «Понять какое-нибудь явление жизни для современной науки означает свести его к относительно простым химическим и физическим процессам» [29].

В сборнике материалов дискуссии по поводу опубликованной им книги «Исторический материализм и современное естествознание» такая позиция получила поддержку. Авторы сборника отмечали, что «механистическое естествознание само есть необходимый элемент диалектико-материалистического мировоззрения и одна из необходимейших предпосылок марксистского мышления» [30]. К механицистам примкнули и многие естествоиспытатели, принявшие марксизм уже после революции. Нетерпимость к схоластическим рассуждениям и стремление к философским обобщениям на базе достоверных выводов естествознания приводили к утверждению, что философия не должна вмешиваться в естествознание (Скворцов-Степанов) и к призывам освободить науку от всякой философии, так как «наука — сама себе философия» [31].

Лозунг ректора Коммунистического университета в Ленинграде С. К. Минина «Философию за борт» [32] был поддержан во многих работах первой половины 20-х гг. Философия рассматривалась Мининым как стадия в развитии религиозного сознания, и соответственно рекомендовалось полностью освободить от нее науку социалистического общества. У пролетариата не должно быть никакой философии. У него должна остаться только наука. Близкие взгляды высказывал И. А. Боричевский, непримиримый противник гегелевской философии. Он утверждал, что Гегель не нужен ни марксизму, ни естествознанию, что стремление к установлению гегемонии одной школы в философии и биологии — «научный империализм» [33]. Его лозунг «Вперед — вместе с Эпикуром» призывал к слиянию естествознания с истинной философией науки, которое возможно на базе единства логического и эмпирического [34].

Еще дальше в своих выводах пошел Э. С. Енчмен, выступивший в начале 20-х гг. с «теорией новой биологии». По его мнению, низвержение эксплуататорских классов неизбежно приведет к отмиранию «высших ценностей» прежней культуры, в том числе «знания» и «познания», к ликвидации сотен «научных понятий и теорий» [35]. Прежде всего «гибнут все теории логики, теории познания, научной методологии, все вообще теории социальные и социологические, фигурирующие еще под именем гуманитарных, все вообще

старобиологические теории» [36]. В этих условиях неизбежен возврат человечества «к единой системе органических движений», которая понималась как эпоха равенства биологических организмов. Идеи Енчмена встретили резкую критику со стороны Н. И. Бухарина, К. Н. Корнилова и др., которые заклеймили их за антимарксизм, нигилизм и вульгарный материализм [37].

В целом призывы освободить науку от посягательств философии на идейное лидерство пользовались популярностью среди естествоиспытателей, но вызвали критику со стороны диалектиков, представленных А. М. Дебориным и его сторонниками (Н. А. Карев, И. К. Луппол и др.). В гегелевской диалектике они усматривали методологическую и мировоззренческую основу естествознания. В работах диалектиков высказывалась мысль о необходимости создания некой специальной «марксистской теории естествознания». Подводя итоги деятельности журнала «Под знаменем марксизма» за первые пять лет, Деборин утверждал: «Материалистическая диалектика как высшая форма теоретического мышления может дать значительный толчок развитию самого естествознания, открыв подчас новые пути, может помочь естествоиспытателям поднять естествознание на новую высшую ступень» [38]. Более того, некоторые философы высказывали соображения о целесообразности построения нового единого «диалектического естествознания», где философия должна играть ведущую роль [39]. В 1927 г. наряду с ОВМ сторонниками А. М. Деборина организуется Общество материалистических друзей гегелевской диалектики.

В то же время, о чем будет сказано ниже, некоторые сторонники Деборина, хорошо знакомые с новейшими достижениями биологии и даже активно участвовавшие в изучении конкретных вопросов генетики и эволюционной теории, своими трудами ясно показывали, что для установления союза философии с естествознанием нужны «не мнимо материалистические формулы, не терминологический псевдомарксизм, а добросовестная, самостоятельная, включающая проникновение в самые специальные вопросы науки, упорная работа, направленная на расширение области применения материализма в естествознании» [40]. И. И. Агол предупреждал: «Особым видом вульгаризации диалектического материализма являются попытки заменить им конкретное знание, что неизбежно ведет к формализму и схоластическим разглагольствованиям на тему, каким должно то или иное явление быть. Между тем задача науки — исследовать природу так, как она есть» [41]. Диалектический метод, подчеркивал

Агол, не может и не должен заменить ни одной науки. У него нет готовых ответов на вопросы. Об опасности скатывания в пустую схоластику при философствовании, оторванном от реальных проблем науки, предупреждал в те годы и В. И. Вернадский [42].

Вопреки сложившимся стереотипам дискуссии по философским проблемам естествознания нельзя сводить лишь к спорам механицистов и диалектиков. Были и сторонники других подходов, проявившихся прежде всего при обсуждении задач Комакадемии. Если Деборин рассматривал диалектический материализм как главную методологию науки и важное звено между наукой и советской идеологией и считал занятие эпистемологическими основаниями революционных изменений в XX в. главной задачей марксистов, то Д. Б. Рязанов был убежден, что ни естествознание, ни точные науки не могут помочь марксистам в выполнении их главной задачи — познании структуры и динамики общества. По мнению Рязанова, нет нужды в поведении собак искать обоснования исторического материализма [43]. Неоправданное увлечение философией естествознания ведет лишь к усилению позитивизма в марксистской философии. Он негодовал против осквернения диалектического материализма естественнонаучными положениями и концепциями. В этой охоте на естествознание, по мнению Рязанова, повторится известная ситуация, когда не охотник (диалектический материализм) обхватит медведя, а медведь (естествознание) его не отпустит. И «эти признаки заражения не естествознания марксизмом, а марксизма естествознанием все больше и больше усиливаются» [44].

И, наконец, в прокрустово ложе дилеммы механицисты— деборинцы не укладываются взгляды О. Ю. Шмидта и его сторонников, ведавших разработкой философских проблем естествознания в Комакадемии. Не принимая ни преклонения механицистов перед стихийной диалектикой естествознания, ни диктаторского тона деборинцев по отношению к последнему, сторонники «шмидтовского» направления, как справедливо подчеркнул В. И. Ксенофонтов, ориентировались на такой «союз» философии и естествознания, при котором сознательное применение материалистической диалектики в естествознании определялось бы прежде всего степенью потребности в ней самого естественнонаучного знания. Шмидт высоко оценивал генетические концепции, теорию относительности, психоанализ З. Фрейда. И такая позиция импонировала многим крупным советским естественникам, которые ничего не имели против призыва Шмидта к совместной работе философов и ученых при разработке конкретных проблем естествознания. Не возражали они и против его обещаний дать им со временем «надлежащую философскую установку» [45]. Сам Шмидт прекрасно понимал, что для выработки подобной установки потребуется многолетняя совместная работа естественников и марксистов. К этому призывал и харьковский философ С. Ю. Семковский (двоюродный брат Л. Д. Троцкого), который считал важнейшей задачей концентрацию совместных усилий марксистов-философов и марксистов-естественников.

Такая позиция в годы нэпа была одобрена руководством Комакадемии. Председатель ее президиума М. Н. Покровский поддерживал курс О. Ю. Шмидта на создание институтов и лабораторий, где ученые и марксисты работали бы вместе. Чрезвычайно важным он считал совместные исследования в физиологии и биологии, где «особенно остро сталкиваются буржуазное и наше мировоззрение в области естествознания» [46]. Заместитель Покровского по Комакадемии В. П. Милютин оценивал позицию на изоляцию марксизма от естествознания как вредную и антимарксистскую. Он призывал марксистов идти в лаборатории, вступать в дискуссию по конкретным естественнонаучным проблемам [47]. Не получило его поддержки провозглашение деборинцами своих взглядов единственно верными в марксистском подходе к естествознанию. Возражая утверждениям С. Л. Гоникмана об отсутствии принципиальной позиции Комакадемии в споре механицистов и деборинцев, Милютин подчеркнул, что в Комакадемии сталкиваются и должны сталкиваться разные точки зрения и нельзя говорить, что сторонники механицистов или деборинцев отошли от марксизма.

Таким образом, поиск путей взаимодействия между философией и естествознанием начался в ожесточенных дискуссиях между самими философами-марксистами. Различные перипетии этой борьбы анализировались в литературе, что избавляет от необходимости вновь останавливаться на них. Отметим только сильную тенденцию игнорировать философию, растворить ее содержание в выводах теоретического естествознания. Сторонники этой точки зрения наталкивались на рецидивы натурфилософского навязывания естествознанию умозрительных схем. Встречались и попытки опровергнуть некоторые выдающиеся открытия в области естествознания, если их интерпретации казались несовместимыми с диалектическим материализмом. Были и стремления отсечь подобные открытия, если их авторы приходили к идеалистическим или агностическим выводам в мировоззренческих

2 Зак. 3008

и гносеологических проблемах. От естественников философы требовали безусловной приверженности материализму. Все это мало способствовало содружеству биологов и философов.

Озлобленная вражда механицистов и диалектиков, в ходе которой оппоненты стремились довести до абсурда и тем самым исказить взгляды противников, мешала понять естествоиспытателям суть дискуссии. Создавалось впечатление, что дискуссии порождены не разными оценками современных естественнонаучных концепций, а какими-то причинами, находящимися вне науки. Заверения Деборина о том, что философия является высшим достижением человеческой мысли на каждом этапе развития науки и общества, напоминали старый тезис о философии как «царице всех наук». Ход борьбы определялся не столько аргументированностью этой точки зрения, сколько тем, что группа Деборина была более сплоченной и агрессивной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ярошевский М. Г.* Выступление на «круглом столе» «Павловская сессия» // ВИЕТ. 1988. № 4. С. 147—157.
2. *Weiss Sh.* Wilhelm Schallmayer and the Logic of German Eugenics // Isis. 1986. Vol. 77. P. 33—46.
3. *Weindling P.* Health, Race and German Politics: Between National Unification and Nazism, 1870—1945. Cambridge, 1989; *Weindling P.* Darwinism and Social Darwinism in Imperial Germany: The Contribution of Cell Biologist Oscar Hertwig (1849—1922). Stuttgart; New York, 1991.
4. *Weingart P., Kroll Ju., Bayertz K.* Rasse, Blut und Gene. Geschichte der Eugenik und Rassenhygiene in Deutschland. Frankfurt/M., 1988; *Schmuhl H.-W.* Rassenhygiene, Nationalismus, Euthanasie. Von der Verhutung zur Vernichtung «lebensunwerten Lebens». Göttingen, 1992.
5. *Beurlen K.* Das Gesetz der Überwindarkeit der Todes in der Biologie. Breslau, 1933.
6. *Тимирязев К. А.* Наука и демократия. М.; Пг., 1920. С. 464—475.
7. Отчет о деятельности РАН за 1917 г. Пг., 1917. С. 5.
8. О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6—8. С. 69.
9. Документы по истории Академии наук СССР. 1917—1925 гг. М., 1986. С. 174—177.

10. *Елина О. Ю.* Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг: Советский вариант реформы // На переломе. Вып. 1. СПб., 1997. С. 27—87.
11. Печать и революция. 1922. № 6. С. 130.
12. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923. С. 80—81.
13. Письмо В. И. Вернадского сыну. 1921 г. (без даты). Columbia University, Bachmeteff Archive, Vernadsky Collection. Box 11.
14. Письмо В. И. Вернадского А. В. Гольштейн. 1 мая 1921 г. Ibid. Box 3.
15. *Перченок Ф. Ф.* Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 236—252.
16. Письмо Вернадского сыну. 12 июня 1921 г. Columbia University, Bachmeteff Archive, Vernadsky Collection. Box 11.
17. Например, письма Я. В. Самойлова В. И. Вернадскому. 20 октября 1922 г., 26 апреля 1922 г. Ibid. Box 85; Письма А. Е. Ферсмана В. И. и Н. Е. Вернадским. 20 октября 1922 г. 26 апреля 1923 г., 7, 30 июля, 8 августа 1924 г. Ibid. Box 86.
18. Письмо В. И. Вернадского дочери. 5 мая 1924 г. Ibid. Box 11.
19. *Todes D.* Pavlov and the Bolsheviks // History and Philosophy of the Life Sciences. 1995. № 17. P. 379—419.
20. *Петров Ф. Н.* Научно-исследовательские институты СССР // Молодая гвардия. 1925. № 10—11. С. 146—149.
21. *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: История и современность. М., 1990.
22. *Krausse E.* Julius Schaxel an Ernst Haeckel (1906—1917). Leipzig; Jena; Berlin, 1987. S. 9.
23. *Музрукова Е. Б., Чеснова Л. В.* Советская биология в 30—40-е годы // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб., 1994. С. 49.
24. Известия. 1925. 28 июля.
25. *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973; Документы по истории Академии наук (1917—1925). М., 1986; Исследования по генетике (К 75-летию кафедры генетики и селекции С.-Петербургского университета). Вып. 10. СПб., 1994.
26. *Петров Ф. Н.* Научно-исследовательские институты СССР // Молодая гвардия. 1925. № 9—11. С. 146—149.
27. Документы по истории Академии наук СССР. 1917—1925. М., 1986. С. 311.
28. *Троцкий Л. Д.* Приветствие общему собранию членов-учредителей «Общества воинствующих материалистов» // ПЗМ. 1924. № 6—7. С. 314—316.
29. *Степанов И. И.* (Скворцов-Степанов). Исторический материализм и современное естествознание. М., 1925. С. 26.
30. Механистическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925. С. 7.

31. Там же. С. 49.
32. *Минин С. К.* Философию за борт // ПЗМ. 1922. № 5—6. С. 122—126.
33. ПФА РАН, ф. 238, оп. 1, д. 126, л. 69.
34. *Боричевский И. А.* Введение в философию науки. Пг., 1922; *он же.* У древнейших истоков идеалистической легенды об Эпикуре и Платоне // Книга и революция. 1922. № 7—9. С. 5—8, 8—12.
35. *Енчмен Э. С.* Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Пг., 1923. С. 31.
36. *Енчмен Э. С.* Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии»: Проект организации Революционно-научного совета Республики и введение системы физиологических паспортов. Пятигорск, 1920. С. 33.
37. *Бухарин Н. И.* Енчмениада: К вопросу об идеологическом вырождении // Красная новь. 1923. № 6. С. 145—178; *Корнилов К. Н.* Современная психология и марксизм. Л., 1924; Очередное извращение марксизма в «теории Енчмена». М., 1924.
38. *Деборин А. М.* Энгельс и диалектика в биологии // ПЗМ. 1926. № 1. С. 14—15.
39. См., например: *Сапожников П.* Новая победа диалектического материализма // Большевик. 1925. № 16. С. 90; *Милонов К.* Диалектика и философия: Споры с механицистами вокруг «Диалектики природы» Энгельса // Молодая гвардия. 1926. № 6. С. 168—182.
40. Наши задачи // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 15.
41. *Агол И. И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М., 1930. С. 5—6.
42. *Вернадский В. И.* Записка о выборе члена Академии по отделу философия // Коммунист. 1988. № 18. С. 72.
43. Первая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских учреждений (22—25 марта 1928). Стенографический отчет // ВКА. 1928. № 26 (2). С. 252—253.
44. Там же. С. 252.
45. Там же. С. 256.
46. Там же. С. 268.
47. Там же. С. 285.

2. НАЧАЛО ДИАЛЕКТИЗАЦИИ БИОЛОГИИ

2.1. Первые попытки диалектизации биологии

Нуждаясь в дореволюционных специалистах, правительство не доверяло им и установило контроль над деятельностью научно-исследовательских институтов, музеев, лабораторий, высших учебных заведений. С этой целью были созданы Научно-технические управления ВСНХ в 1918 г., Главнаука в Наркомпросе в 1921 г., соответствовавшие структуры в Наркомздраве и Наркомземе. В 1922 г. организуется Секция научных работников при Союзе работников просвещения, контролируемая партийной организацией. Если во время гражданской войны большевики фактически не обращали внимании на университеты, ограничившись выпуском ряда декретов и взяв их под административный контроль, то с осени 1920 г. началось решительное наступление на высшую школу [1]. Во многих вузах ректоры заменялись временными президиумами или ревкомами, назначаемыми Наркомпросом. В 1921 г. был принят новый устав высшей школы, вводивший классовый принцип приема в высшую школу и отстранявший от преподавания многих представителей общественных наук. Студенты, принятые по классовому признаку, нередко выступали и против преподавателей естественных дисциплин, жалуясь на недоступность лекций из-за их «буржуазной» направленности.

Предпринимались и первые шаги по идеологизации естествознания. Для пропаганды марксизма и подготовки марксистских кадров создавалась сеть марксистских учреждений и организаций. Еще в годы войны, в мае 1918 г. в Москве группа ведущих партийных лидеров организует Социалистическую академию. Эта инициатива была одобрена на заседаниях Совнаркома (25 мая, 10 и 15 июня) и ВЦИК (25 июня), утвердивших положение и устав этой организа-

ции [2]. 1 октября 1918 г. состоялось торжественное открытие новой академии. К 1924 г. в ее составе оказались все лидеры большевиков (Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. М. Молотов, А. И. Рыков, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий). 17 апреля 1924 г. Социалистическую академию переименовали в Коммунистическую (Комакадемия), и сразу начался быстрый рост ее численности. Если в 1924 г. она насчитывала сто тридцать, то уже в 1925 г. выросла до трехсот пятидесяти шести, а в 1926 г. до четырехсот семи человек [3].

Первоначально ее интересы ограничивались лишь проблемами общественных наук. Однако в резолюции XII съезда РКП(б) в 1923 г. ставилась задача превратить Социалистическую академию в центр коммунистической мысли, тесно связанный с научно-исследовательской деятельностью различных организаций и вузов, университетов и постепенно объединяющий всю научную работу в стране. В ее задачи включалась и разработка естественнонаучных проблем. Комментируя эту резолюцию на собрании членов Социалистической академии 11 октября 1923 г., М. Н. Покровский призвал к прямому вмешательству в преподавание математических и естественных наук, которое, по его мнению, «прямохонько подводит к идеалистическому пониманию» и поэтому нужна «борьба с влиянием буржуазной профессуры не только в области общественных наук, ...но и в области наук точных и естественных: фронт в настоящее время расширяется» [4].

В том же году в академии была создана методологическая секция на базе Института научной методологии, ранее существовавшего при Наркомпросе. Из бывших работников института в секции осталось только восемь человек, в основном сторонники механицистов (А. К. Тимирязев, Г. Г. Боссе и др.). Однако по признанию Е. А. Преображенского на собрании 29 ноября 1924 г. работы членов секции по методологии науки носят ученический характер, что обусловлено некомпетентностью марксистов в вопросах естествознания, а естественников в вопросах марксистской философии.

По мере укрепления своих позиций и создания сети научных учреждений лидеры Комакадемии стремились превратить ее в главное научное учреждение страны, понизить статус Академии наук, лишить ее важных правительственных заданий и даже ликвидировать ее как единую организацию с передачей отдельных институтов в ведение Комакадемии и соответствующих наркоматов [5].

В 1919 г. возникает Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, а двумя годами позже Институт красной профессуры (ИКП), имевший отделения во многих городах [6]. Первоначально в этих учреждениях готовилась партийная молодежь для общественно-политической деятельности, а естественные дисциплины преподавались только для формирования научного мировоззрения. Однако вскоре им вменили в обязанность и подготовку марксистских кадров для работы в области естественных наук. В Комуниверситете возникла Биологическая лаборатория во главе с Б. М. Завадовским, которая должна была разрабатывать проблемы биологии с позиций марксизма. В 1921 г. Завадовский создает здесь и Биологический музей им. К. А. Тимирязева, в котором формируются отделы экспозиции доказательств эволюции, происхождения человека, экологии и т. д. [7]. Научная же работа сосредоточивалась на изучении желез внутренней секреции, внешних факторов формообразования, генетики и экспериментальной эмбриологии.

Как позднее вспоминал лауреат Нобелевской премии физик И. Е. Тамм, преподавателей здесь не загружали работой. За «паек, комнату, жалование, в общем материальную обеспеченность и занятие своей научной работой» ставилось лишь одно условие — «материалистическое мировоззрение в философии, науке и общественных вопросах» [8]. Но недостаток квалифицированных кадров не позволял еще строго выполнять это требование. Если приглянувшийся кандидат не соглашался с этим условием, его все равно брали преподавателем, объявляя, правда, при этом нейтральным или даже черносотенцем [9].

В сентябре 1923 г. была основана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН) для консолидации марксистов и подготовки кадров для высшего образования. Однако вскоре выяснилось, что ориентированные на сотрудничество с правительством ученые предпочитают работать в Комакадемии и учреждениях ВСНХ. Проиграв битву на научном фронте, руководители РАНИОН сконцентрировали усилия на травле ученых и преподавателей, обвиненных в оппозиции правительственным реформам.

В 1924 г. создается Тимирязевский научно-исследовательский институт изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма. Его руководителем формально числился известный цитолог С. Г. Навашин, но фактически распоряжались механицисты — сторонники механоламаркистской версии дарвинизма (Г. Г. Боссе,

В. А. Обух, А. К. Тимирязев) [10]. В утвержденном Ф. Н. Петровым регламенте этого учреждения впервые вводились идеологические ограничения для работы по естественнонаучной тематике. Сотрудниками института могли быть только «лица, обладающие строго материалистическими взглядами в области естествознания», а от сотрудников отделения истории и методологии естествознания и отделения естественнонаучных факторов социальных явлений требовалось даже «диалектико-материалистическое мировоззрение» [11].

Выступая 29 ноября 1924 г. на общем собрании Комакадемии, математик и астроном О. Ю. Шмидт, член коллегий Наркомпрода, Наркомфина и Наркомпроса и один из организаторов высшего образования и издательской деятельности в Советской России, призвал к «созданию серьезного научного мировоззрения в естественных науках на основе марксизма» [12]. По мнению Шмидта, такая работа должна вестись при содействии Комакадемии, что позволит уберечь «начинающих ученых-коммунистов от начетничества и поверхностно огульного отношения к трудам буржуазных ученых». Вместе с тем он признавал необходимым «готовиться к перестройке науки на чисто материалистических началах». Работу Комакадемии в этом направлении Шмидт сравнивал с неким «центральным утилизационным заводом, чтобы все отдельные элементы, которые остались от буржуазной науки, после проверки и чистки были использованы, а не выбрасывались со всеми отбросами». Он был уверен, что «марксистская разработка естественных наук должна получить гораздо большее развитие в работах Коммунистической академии в наступающие годы».

В целом это предложение было поддержано руководством Комакадемии. При этом Покровский отметил, что Комакадемия не должна ограничивать свои задачи в области естествознания лишь пропагандой его достижений среди рабочих масс. Основная задача — «это методологическая научная работа». И надо «все западные науки воссоздать под руководством нашей Комакадемии» [13].

11 декабря 1924 г. на заседании Бюро Президиума Комакадемии было принято решение о создании секции естественных и точных наук, которая будет субсидировать исследования, наиболее важные для борьбы за материализм, для критики «противоматериалистических учений», для «построения чисто материалистической системы знаний», для «отбора материалистического зерна истины... от идеалистической шелухи» [14]. Предполагалось, что секция должна со временем стать идеологическим центром всех естественнонаучных учреждений страны, задавая им темы исследований и способствуя публикации отобранной научной продукции. Фактически речь шла о создании конкуренции ранее существовавшим академическим структурам с целью их дальнейшего подчинения или ликвидации.

Заведующим секции стал Шмидт. В ее плане, утвержденном Президиумом Комакадемии, отмечалось, что главной задачей является «отражение нападок на материализм и содействие построению материалистической науки, для которой в современной общераспространенной (т. е. буржуазной науке) имеются элементы...» [15]. Для этого предполагалось организовать просмотр всех научных теорий на предмет выявления в них элементов идеализма и материализма, синтез последних в некие «чисто материалистические общие теории» [16], очищение истории науки от фальсификаций и т. д. Инициаторы подобных идей понимали, что достижение этих целей возможно лишь в результате длительной, кропотливой работы.

Прежде всего было решено создать в Комакадемии Институт по изучению высшей нервной деятельности (Институт мозга) [17] и включить в его состав Лабораторию им. И. П. Павлова в Твери [18]. 28 ноября 1925 г. Совнарком СССР утвердил положение об Институте по изучению высшей нервной деятельности [19], который стал первым научно-исследовательским институтом по естествознанию в Комакадемии. В январе 1926 г. в штате секции естественных наук вместе с ее руководителем Шмидтом числилось всего десять человек: в Институте высшей нервной деятельности (ВНД) пять (Д. С. Фурсиков — директор, А. А. Богомолец, Воскресенский, М. О. Гуревич, Сирейский), в физико-математическом отделе два (Л. М. Лихтенбаум, Л. А. Люстерник) и в психоневрологическом отделе два (С. Г. Левит, А. Н. Залманзон) [20]. В мае 1926 г. было принято решение создать биологическое отделение в составе Ю. М. Вермеля, Б. С. Кузина, Е. С. Смирнова и предложить австрийскому механоламаркисту П. Каммереру руководить их работой [21].

Тематика биологического отделения была прежде всего связана с поиском экспериментальных доказательств наследования приобретаемых признаков и влияния внешних факторов на процессы формообразования. Эти исследования осуществлялись Смирновым и Вермелем, но в них участвовали также Р. И. Белкин, Б. М. Завадовский, Д. Л. Рубинштейн и др. М. С. Навашин вместе с Е. Н. Герасимовой проводил цитологические исследования.

В психоневрологическом отделе исследовались проблемы психоанализа, психопатологии, зоопсихологии, физиологии нервной системы, взаимоотношений психологии и марксизма. Вскоре Комакадемия стала субсидировать и генетические работы, проводимые в Московском зоотехническом институте А. С. Серебровским, И. И. Аголом, Н. П. Дубининым, М. А. Гептнером, С. Г. Левитом и др. [22]. В декабре 1927 г. М. Л. Левин организует и возглавляет кабинет по истории естествознания, где в основном разрабатывалась история биологических проблем и был подготовлен ряд книг по истории эволюционной теории и генетики.

Возникали и так называемые общественные организации, призванные способствовать пропаганде марксизма среди естествоиспытателей. В 1924 г. в 1-м Московском университете по инициативе С. Г. Левита создается Кружок врачей-материалистов. Вскоре в секции естественных и точных наук Комакадемии стали проводиться дискуссии по злободневным вопросам биологии. Часть из них проходила совместно с Кружком врачей-материалистов. Первая дискуссия состоялась 28 ноября 1925 г. по докладу Б. М. Завадовского на традиционную тему «Дарвинизм и марксизм». В прениях выступили Банин, Крановский, Рахметов, В. Н. Ральцевич, А. С. Серебровский и В. Н. Слепков [23]. 12 января 1926 г. состоялась ожесточенная дискуссия по докладу А. С. Серебровского «Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты», в которой участвовали Г. А. Баткис, Н. К. Кольцов, Б. С. Кузин, М. Л. Левин, С. Г. Левит, О. Б. Лепешинская, С. Г. Навашин, Е. С. Смирнов, А. К. Тимирязев, О. Ю. Шмидт и др. [24]. В прениях по докладу Е. С. Смирнова (27 мая 1927 г.) «Проблема наследственного влияния среды и эволюция» выступили Ю. М. Вермель, М. В. Волоцкой, А. Н. Лебедев, С. Г. Левит, П. А. Новиков, А. С. Серебровский, С. С. Четвериков [25].

Ниже мы подробнее остановимся на сути обсуждаемых проблем. Здесь же только отметим, что с самого начала эти дискуссии, отличавшиеся исключительным накалом и резкими высказываниями в адрес оппонентов, привлекли внимание биологического сообщества, так как в них обсуждались актуальнейшие проблемы науки. Практически каждый доклад становился поводом для взаимных обвинений ламаркистов и генетиков в отказе от диалектического материализма.

Столь успешный старт в диалектизации биологии побудил к созданию в сентябре 1926 г. Кружка биологов-материалистов (ОБМ) [26]. Его организаторы (И. И. Агол, М. С. Навашин, А. С. Серебровский, Е. С. Смирнов и

Г. А. Шмидт) в ноябре этого же года обратились в Президиум Комакадемии с просьбой принять их на правах общества [27]. К их заявлению был приложен проект устава, подписанный примерно ста пятьюдесятью биологами и философами, в том числе и из других городов помимо Москвы. В числе «подписантов» были Э. Бауэр, Р. И. Белкин, Г. Г. Боссе, И. И. Бугаев, Б. Э. Быховский, П. И. Веласкалн, Ю. М. Вермель, М. В. Волоцкой, М. А. Гремяцкий, В. Н. Давыдов, Ф. Ф. Дучинский, И. И. Ежиков, А. Н. Залманзон, С. Т. Крыжановский, Б. С. Кузин, А. А. Любищев, А. А. Машковцев, М. М. Местергази, И. И. Месяцев, М. С. Навашин, И. Д. Сапир, С. Л. Соболь, Г. Г. Щеголев и др. Несмотря на острые идейные разногласия по ключевым проблемам биологии, все они готовы были вести борьбу с «виталистическими, идеалистическими течениями, а также со всякими извращениями диалектического материализма в биологии, участвовать в борьбе против использования достижений биологии в классовых интересах» [28].

Предложение о создании ОБМ было поддержано О. Ю. Шмидтом. Однако Президиум Комакадемии явно не спешил сделать новую организацию, прославившуюся уже острыми дискуссиями и взаимными обвинениями в антимарксизме, полноправной структурой [29]. Этот вопрос рассматривался в ноябре дважды. В итоге было принято решение оставить ее в виде кружка.

Отказ не обескуражил диалектизаторов биологии. Одна за другой проходят бурные дискуссии по докладам М. М. Местергази «Эпигенез и генетика» (23 ноября 1926 г.) [30], М. В. Волоцкого «Спорные вопросы генетики» (7 декабря 1926 г.) [31], Е. С. Смирнова «Проблема систематики организмов» (18 ноября 1927 г.) [32], И. И. Агола «Диалектический метод и эволюционная теория» (1 февраля 1927 г.) [33], А. И. Опарина «Химическая теория происхождения жизни» (15 февраля 1927 г.) [34], И. И. Бугаева «Дарвинизм как частный случай эволюционизма» (29 марта 1927 г.) [35], М. О. Гуревича «Биологическое исследование антисоциального поведения» (11 мая 1927 г.) [36].

28 мая 1927 г. Шмидт вновь доказывал на Бюро Президиума Комакадемии необходимость преобразования кружка в общество [37]. Он говорил, что это большая и активно работающая организация, проведшая только за полгода десять крупных дискуссий. По мнению Шмидта, дальнейшее затягивание официальной регистрации научного центра, активно участвовавшего в подборе тем научно-исследовательских работ, может произвести неблагоприятное впечатление

на биологическое сообщество. Однако руководители Комакадемии (например, Л. Н. Крицман), по-прежнему были не уверены, могут ли они «взять ответственность за содержание работы» [38]. После длительных дискуссий вопрос был решен положительно, однако Президиум потребовал представить на утверждение программу, устав, руководство и состав будущего общества [39].

Сообщение о создании ОБМ было опубликовано в специальном информационном бюллетене Комакадемии [40]. В состав временного бюро ОБМ были включены И. И. Агол, М. Л. Левин, С. Г. Левит, М. М. Местергази, Е. С. Смирнов, А. С. Серебровский, Г. А. Шмидт [41]. Наконец 30 июня 1928 г. Президиум ЦИК СССР утвердил устав ОБМ, в котором на его членов возлагалась обязанность пропаганды методов диалектического материализма и борьба с идеалистическими и виталистическими течениями в современной биологии [42]. По традиции в общество входили действительные члены и член-корреспонденты, причем действительными членами могли стать лишь лица, имевшие печатные работы и преподававшие в вузах. Здесь квалификационные требования к членам общества были намного выше, чем в других марксистских научных организациях.

Задачи ОБМ были сформулированы следующем образом: а) разработка вопросов биологии с точки зрения диалектического материализма; б) критическое освещение биологической литературы на основе диалектического материализма; в) пропаганда среди биологов диалектического материализма [43]. Общество работало очень интенсивно. Доклады, как правило, проходили два раза в месяц и охватывали практически всю проблематику тогдашней биологии и ее истории. Особый интерес вызывали доклады по дискуссионным проблемам биологии и психологии, на содержании которых мы подробнее остановимся в следующем разделе.

Сторонники генетики и дарвинизма предпринимали попытки для отстранения от руководства ОБМ приверженцев механоламаркизма. Однако их усилия были тщетными. В состав Президиума ОБМ, избранного после утверждения устава общества ЦИК СССР, вошли И. И. Бугаев, Ф. Ф. Дучинский, А. И. Опарин, Е. С. Смирнов, а В. Н. Слепков был забаллотирован. С трудом прошел и И. И. Агол, которого терпеть не могли механицисты. Правда, руководящие посты остались за генетиками и дарвинистами. Председателем Президиума был утвержден М. Л. Левин, его заместителем С. Г. Левит, а секретарем Г. А. Шмидт. В состав

Президиума были избраны также М. М. Местергази и А. С. Серебровский [44].

Я столь подробно остановился на организационных трудностях в создании ОБМ, чтобы документально подтвердить, что инициатива диалектизации биологии в середине 20-х гг. все еще принадлежала биологам, которые стремились к институционализации своих марксистских исследований, преодолевая сопротивление со стороны руководства Комакадемии, не желавшего принимать в свой состав оппонентов, столь яростно спорящих о марксистской чистоте биологических концепций.

Эти споры выливались и на страницы общенаучных, биологических, философских и общественно-политических журналов («Спутник коммуниста», «Пролетарская культура», «Вестник знания», «Коммунистическая мысль», «Книга и революция» и др.). Там печатались статьи по философским проблемам эволюционной теории, физиологии, генетике, евгенике, психологии. О росте интенсивности исследований по философским проблемам биологии можно судить по журналу «Под знаменем марксизма» (ПЗМ). В год выхода журнала (1922) в нем не было ни одной статьи по данной тематике. В 1923 г. опубликованы статьи Б. Э. Быховского и К. Н. Корнилова о психологии. В 1924—1925 гг. появляются статьи А. Н. Бартенева, Д. Г. Гульбе, Ф. Ф. Дучинского, М. М. Завадовского по эволюционной теории и генетике. С 1926 г. в течение последующих пяти—шести лет число статей биологической тематики — больше десяти.

В 1925 г. «Вестник Коммунистической академии» (ВКА) статьей Ю. Шакселя о витализме начал публикацию работ по философским проблемам биологии. В следующем году вышли статьи Б. Бирмана о гипнотизме, Д. Л. Рубинштейна о физико-химической среде и М. С. Навашина о происхождении жизни с цитологической точки зрения. Начиная с этого же года в практику входит публикация докладов и дискуссий, происходивших в секции естественных и точных наук, о соотношении дарвинизма и ламаркизма, наследовании приобретаемых признаков, генетике и евгенике, о психоанализе и т. д. Но, как будет показано, после осуждения механицистов тематика дискуссий и статей практически ограничилась лишь проблемами высшей нервной деятельности и психологии.

Так постепенно в годы нэпа создавалась организационная основа для наступления на старорежимную интеллигенцию и внедрения марксизма в биологию. В целом были все основания для вывода в резолюции ЦК РКП(б) от 18 июля

1925 г. о начале «проникновения диалектического материализма в совершенно новые области (биологию, психологию, естественные науки вообще)» [45]. Это «проникновение» прежде всего шло в Москве. Ниже мы подробнее остановимся на диалектизации биологии в Ленинграде. Здесь же отметим, что во всех других крупных центрах (Харьков, Киев, Минск), где уже в начале 20-х гг. возникли марксистские организации и учреждения, доминировали проблемы истории, экономики, права и т. д. Так, хотя Украинский институт марксизма возник уже в 1923 г., работы В. И. Берковича, Н. И. Перлина, С. Ю. Семковского, в которых обсуждались категории случайности и причинности в биологии, психофизиологическая проблема и т. д., составляли ничтожную часть в марксистской литературе, публикуемой на Украине.

Первоначально диалектизацией биологии занялись марксисты, имевшие весьма смутные представления о современной науке и подразделявшие биологические концепции на диалектические и метафизические, сравнивая их положения с законами диалектики: А. Н. Бартенев, Л. Боголепов, Г. А. Гурев, М. Попов-Подольский, В. Рожицын, М. Равич-Черкасский, В. Н. Сарабьянов и др. [46]. Осужденные за вульгаризацию марксизма и невежество в биологии, они уступили место биологам, спешившим уведомить власти о принятии официальной идеологии. Почти одновременно публикуются работы ботаника Б. М. Козо-Полянского, систематика А. А. Любищева, психоневролога В. М. Бехтерева, генетика А. С. Серебровского, эмбриолога М. М. Завадовского и др., в которых заявлялось о соответствии взглядов автора основным положениям диалектического материализма [47].

Дискуссии стали политизироваться, когда к ним подключились, часто через Институт Красной профессуры (ИКП) и Комвузы, биологи и философы, получившие высшее образование после революции. Появляются книги молодых биологов, изначально обсуждавших научные проблемы с позиций диалектического материализма, например, ботаника И. М. Полякова и физиолога Б. М. Завадовского [48]. Они были убеждены в преимуществах методологии марксизма и боролись «с монополией стариков», не дававших рабочим и крестьянам приобрести знания [49].

Особое значение имела деятельность генетика И. И. Агола, врача и генетика С. Г. Левита, философа М. Л. Левина в Москве, эмбриолога Е. А. Финкельштейна в Харькове, философа и генетика В. Н. Слепкова в Казани и др. Вскоре они возглавили основные марксистские организации, связанные с разработкой философских проблем

биологии. Имея за плечами опыт гражданской войны, партийных и студенческих чисток, они хорошо знали политическую терминологию, используемую для изгнания неугодных. Вначале они были уверены, что признание наследования приобретаемых признаков необходимо для марксистов, что даже зафиксировалось в курьезной опечатке «ламарксизм» [50]. Знакомство с генетикой изменило их взгляды. Отныне они доказывали, что только теория естественного отбора и хромосомная теория наследственности соответствуют диалектическому материализму [51]. Такое изменение во взглядах главных диалектизаторов биологии не могло не отразиться на ходе дискуссий, в которые начинавшие биологи-коммунисты внесли дух непримиримости ко взглядам оппонентов, обвиняя их в витализме, мистицизме, идеализме, телеологии и других смертных грехах.

Подобный стиль стал усваиваться и другими участниками дискуссий. Возрастала агрессивность формулировок. Выступая 23 ноября 1926 г. в Комакадемии при обсуждении доклада М. М. Местергази «Эпигенезис и генетика», ученик Н. К. Кольцова генетик А. С. Серебровский заклинал присутствовавших рассеять туман ламаркизма в стане марксистов-эпигенетиков. Оценивая свою позицию «как синтез неодарвинизма и менделизма в сочетании с революционно-марксистским подходом», он призывал к борьбе с ламаркизмом «под знаменем революционного марксизма всюду и, в первую очередь, здесь, в стане нашей Коммунистической академии» [52]. Как вспоминал Ф. Добржанский, уже в 1926 г. аргументом в биологических спорах все чаще становилась апелляция к диалектическому материализму [53].

В условиях становящегося тоталитаризма идеологические дискуссии и проработки завершались оргвыводами и кадровыми перестановками. Идейной формой часто прикрывали откровенный карьеризм. Поэтому во многих случаях трудно установить подлинные мотивы действия отдельных лиц. И здесь мало помогают архивные материалы, так как уже в те годы было известно, что частная переписка просматривается и в любой момент возможен неожиданный обыск.

Молодые биологи и философы объективно воспринимали традиционные научные школы как конкурентов и не возражали против университетских чисток в 1924 г., реорганизации Академии наук в 1929 г. и т. д. [54]. Они старались ускорить профессиональную карьеру, обвиняя своих учителей и коллег в приверженности к буржуазной науке, к идеализму и механицизму к биологии. Но и биологи старшего поколения участвовали в марксистских организациях и жур-

налах, стараясь сохранить или повысить свой статус, получить финансовую поддержку, низвергнуть конкурентов, защититься от нападок. Как показал Марк Уолкер, аналогичными мотивами руководствовались и немецкие физики при нацизме [55].

Эти первые этапы диалектизации биологии шли на фоне идейной борьбы между представителями различных школ и направлений в самой биологии, например, между сторонниками дарвинизма и механоламаркизма, приверженцами И. П. Павлова, В. М. Бехтерева и А. А. Ухтомского в физиологии и т. д. Провозглашенный Л. Д. Троцким и В. И. Лениным в первых номерах журнала «Под знаменем марксизма» лозунг о союзе «воинствующих материалистов» с естествоиспытателями еще не ограничивал исследования по теоретической биологии. При отсутствии ясных представлений о диалектической методологии в биологических исследованиях каждый мог объявлять близкие ему теории и концепции соответствующими марксизму, а взгляды своих оппонентов и конкурентов несоответствующими.

В обстановке постоянных ожесточенных дискуссий по общетеоретическим и методологическим проблемам биологии, в непрерывной борьбе с так называемыми «павловщиной», «бехтеревщиной», «райковщиной», «корниловщиной» и т. д. формировалась практика навешивания ярлыков на научных оппонентов, которые шельмовались как реакционеры и пособники классового врага и мировой буржуазии. Все ощутимей становилось стремление не столько убедить оппонента, сколько указать власть предержащим на вредность его взглядов.

Напрасно крупный физиолог А. Ф. Самойлов предупреждал, что навешиванием ярлыков и другими «приемами такой ожесточенной полемики вряд ли можно будет водрузить знамя диалектики в современном естествознании», и предлагал марксистам, воодушевленным «верой в силу диалектического метода в познании природы, если они специалисты-естественники в какой-нибудь определенной области естествознания», доказать на деле, «что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут другим путем» [56]. Однако не многие столь открыто выступали против насильственной диалектизации биологии, как это делали не раз И. П. Павлов и В. И. Вернадский. Большинство представителей «буржуазной» интеллигенции ограничивалось формальным заявлением о материалистической направленности своих исследований и даже об

их близости к диалектическому материализму. Это вполне устраивало большевистское руководство. Например, руководители Наркомпроса пока требовали от естественников в подведомственных им учреждениях лишь материалистической ориентации работ, а в Академии наук вопросы о философской основе той или иной работы вообще не поднимались. Более требовательными были биологи, начавшие выносить идеологические вердикты отдельным научным направлениям.

Эпицентром идеологических бурь, сотрясавших биологию в годы нэпа, была Москва, где находились основные марксистские учреждения и общества, а близость к правящим кругам обостряла конкуренцию за покровительство. Здесь к концу 1927 г. сложилась сеть научных учреждений и обществ, входящих в состав Комакадемии или финансируемых ею. Эти общества были достаточно многочисленны. Около двухсот человек состояло только в ОБМ. И среди них было немало первоклассных ученых (И. И. Агол, Л. Я. Бляхер, С. Н. Боголюбский, А. Е. Гайсинович, И. И. Ежиков, Н. П. Кренке, С. Т. Крыжановский, П. П. Лазарев, С. Г. Левит, М. М. Местергази, А. И. Опарин, А. В. Румянцев, А. С. Серебровский, В. Н. Слепков, Е. С. Смирнов и др.) [57].

Но были здесь и те, кто позднее выступил в поддержку Лысенко (например, Г. Г. Боссе, С. С. Перов), а также будущий автор концепции живого вещества, старая большевичка О. Б. Лепешинская, которая уже тогда тратила много сил на искоренение «чуждых» элементов из советской науки. В этом отношении показательна ее роль в формировании советской делегации на 2-й Международный конгресс по изучению клетки, который планировался в Амстердаме. Один из организаторов этого конгресса проф. Р. Эрдман обратился в советское посольство в Берлине с просьбой разрешить участвовать в конгрессе А. Г. Гурвичу и А. Д. Тимофеевскому. Наркомпрос в целом был согласен, но считал, что делегация должна быть усилена «идеологически близкими учеными» В. М. Дончаковой, С. Г. Навашиным, А. В. Немиловым [58].

Это намерение Наркомпроса возмутило О. Б. Лепешинскую, которая нашла список Наркомпроса неудачным, так как выбор «не сопровождался надлежащей оценкой умонастроений кандидатов, в большинстве случаев прямо враждебных нам», что принесет только вред советской науке [59]. Она считала своим долгом информировать Президиум Комакадемии: А. Г. Гурвич не просто виталист, а убежденный

антисоветчик, озлоблен и может остаться за границей; А. Д. Тимофеевский, которого она лично не знает, но, по имеющимся у нее сведениям, также «не советский человек»; С. Г. Навашин — узкий специалист; поездка В. М. Дончаковой будет бесполезной в научном отношении. Ее одобрение заслужил лишь А. В. Немилов за выступления в печати против Кольцова и в поддержку социалистического строительства. Ратует она и за Б. П. Токина. Характерно, что без тени смущения Лепешинская предлагает собственную кандидатуру, уверяя, что ее работы привлекают внимание зарубежных ученых, а как старый большевик она сможет этой поездкой принести максимальную пользу стране. И хотя сама Лепешинская не была включена в состав делегации, по-видимому, ее влияние уже тогда было достаточно велико, так как для поездки на этот конгресс секция естественных и точных наук Комакадемии рекомендовала 1 марта 1929 г. А. В. Немилова, Г. И. Роскина и Б. П. Токина, отвергнув кандидатуры А. Г. Гурвича, В. М. Дончаковой, С. Г. Навашина и А. Д. Тимофеевского.

2.2. Диалектизация биологии и марксистские учреждения в городе на Неве

В отличие от Москвы в Ленинграде прочнее оказались традиции дореволюционной научной интеллигенции, что объяснялось наличием здесь мощных научных школ, возглавляемых всемирно признанными лидерами. И хотя созданное здесь еще 27 декабря 1919 г. Научное общество марксистов (НОМ) по существу было первым в стране обществом преподавателей и ученых, интересовавшихся марксизмом, его влияние на биологическое сообщество города на Неве было незначительным. Инициаторами создания НОМ были профессора, преподаватели, научные сотрудники и студенты факультета общественных наук (ФОН) университета, которые составляли три четверти его действительных членов [60].

В марте 1920 г. НОМ было утверждено Главнаукой и зарегистрировано Отделом управления губисполкома. НОМ сперва размещалось на Садовой 18, а затем по инициативе ректора университета историка Н. С. Державина переехало на Университетскую набережную. Важнейшей формой работы общества были публичные лекции, которые проходили сначала в Аничковом дворце, а после переезда в актовом зале университета. С ноября 1921 г. выходили нерегулярно

«Записки Научного общества марксистов» [61], где печатались доклады, сделанные на общих собраниях и секционных заседаниях.

Согласно уставу общества, его действительными членами могли быть марксисты, зарекомендовавшие себя в какой-либо области знаний или практической деятельности, а членами-корреспондентами лица, еще не определившиеся как марксисты, но близко подошедшие к нему [62]. Сколь неопределенным был этот критерий, видно из того, что среди последних был и П. А. Сорокин, подавший в 1920 г. заявление о вступлении в общество, а вскоре оказавшийся в числе высланных из страны властями [63]. В докладной записке, направленной в Совнарком в 1924 г., говорилось, что в задачи НОМ входит объединение марксистов в разных областях знаний, разработка идеи марксизма и распространение марксистского мировоззрения [64].

Первоначально создатели НОМ надеялись честно конкурировать с Философским обществом при Петроградском университете, насчитывавшем более двухсот членов. Среди них были звезды русской философии — А. И. Введенский и Э. Л. Радлов. В НОМе же число членов в те годы не превышало семидесяти человек, из них только тридцать два удосужились заполнить анкеты. На пленарные заседания общества, как отмечалось в отчетном докладе 26 января 1923 г., приходило обычно восемь—двенадцать его действительных членов, а актовый зал университета заполнялся слушателями из учреждений, где преподавал докладчик, и военными, направляемыми, возможно, на лекции по наряду [65].

Первым председателем НОМ был декан ФОНа Е. А. Энгель, бывший школьный учитель, пришедший в университет в послереволюционные годы. Большинство членов НОМ имело смутное представление о марксизме, за что не раз критиковались на страницах «Петроградской правды». Доставалось руководителям общества и от читателей ПЗМ за мягкость по отношению к ученым-немарксистам. В специальном постановлении Петроградской контрольной комиссии РКП(б) от 8 августа 1921 г. руководителям НОМ предписывалось следить за тем, чтоб доклады «носили действительно марксистский характер», а не напичкивались терминологией марксизма [66]. Вскоре беспартийный Энгель был заменен на посту председателя НОМ М. В. Серебряковым, членом партии с 1904 г., присланным в Петроградский университет с Балтийского флота. В 1922 г. он стал деканом ФОНа, проректором, а в 1927 г. и ректором университета.

Смена руководства была связана прежде всего с тем, что Петроградский губком был недоволен как самой работой общества, так и наличием в его составе лиц, печатавшихся в немарксистских изданиях. Особенно досаждал им профессор университета И. А. Боричевский, который в отличие от многих других не старался подыгрывать властям, а, напротив, имея дореволюционный партийный стаж, после революции отошел от политической деятельности, посвятив себя всецело проблемам истории и методологии науки. В докладе 22 октября 1922 г. он отрицал связь научного творчества с другими видами общественной деятельности и доказывал, что научное познание в конечном счете определяется его семантикой. 22 февраля 1923 г. Боричевский выступил с докладом «Диалектика и марксистская легенда о Гегеле», где резко отрицательно отозвался о возможности философии вообще и особенно философии Гегеля как-то помочь науке. Позднее он писал: «Положительная наука не нуждается ни в каких услугах школьной мудрости. В самом ходе собственного победного развития она неизбежно создает действительный орган самопознания» [67]. Более того, Боричевский считал, что общественным дисциплинам еще предстоит войти в стадию научного развития, что было явном вызовом утверждениям о научном характере марксистского обществоведения. Боричевский призывал марксистов не вмешиваться в естественнонаучные споры [68]. Такая позиция импонировала ученым Петроградского университета, не желавшим усваивать гегелевскую схоластику в марксистском облачении.

Взгляды Боричевского по существу совпадали с позицией видного деятеля партии, бывшего члена Реввоенсовета и ЦК КП(б) Украины С. К. Минина, который с 1923 г. был ректором Коммунистического университета им. Г. Е. Зиновьева и членом Северо-Западного бюро РКП(б). Его лозунг «Философию за борт» всполошил первых диалектизаторов естествознания, которые увидели в нем угрозу всей своей деятельности.

После одного из очередных выступлений Боричевского 25 октября 1922 г. коллегия Агитационно-пропагандистского отдела губкома РКП(б) заслушала доклад М. В. Серебрякова о деятельности НОМ [69]. Как позже говорилось в отчетном докладе за 1922 г., вначале было намерение закрыть НОМ, но затем ограничились требованием переизбрания президиума, исключения из общества его «реакционных членов». Для усиления партийного руководство в общество специально были направлены руководящие деятели губкома партии и Наркомпроса.

Губком не доверял НОМ и старался опираться на созданные им партийные учебные заведения. В сентябре 1920 г. в Петрограде создается шестимесячная Высшая партийная школа, ученый совет которой по предложению Петроградского губкома РКП(б) обсудил в 1921 г. вопрос о создании в городе на Неве Коммунистического университета. И такой университет был создан. Тогда же возникла идея организовать Коммунистический научно-исследовательский институт в Ленинграде. Как говорилось в записке в ЦК РКП(б), эта мысль появилась у группы лекторов Коммунистического университета им. Г. Е. Зиновьева, попытка которых участвовать в работе научно-исследовательских институтов (Экономического и Исторического) при Петроградском государственном университете не увенчалась успехом из-за отказа старой профессуры включить этих лекторов в состав сотрудников научных институтов [70]. Создатели Коммунистического института были уверены, что «в чуждой, нередко враждебной атмосфере, созданной профессурой, не только далекой от идей коммунизма, но в огромном большинстве немарксистской», не может успешно идти работа «в желательном духе революционного марксизма» [71].

Наказание строптивой интеллигенции последовало быстро. Экономический и Исторический институты университета были закрыты, а их тематика передана вновь созданному учреждению. При этом тридцать восемь человек (в подавляющем большинстве члены партии), собравшиеся 11 июня 1922 г. на организационное собрание, хорошо понимали, что уровень научных работ у сотрудников вновь созданного марксистского института будет гораздо ниже, чем у представителей старой профессуры. Так, если в уставе от действительных членов института требовались какие-то работы по основам коммунистического строительства, то научные сотрудники должны были иметь трехлетний партийный стаж и знания в объеме, установленном для поступления в ИКП. Но и такие требования к знаниям показались чрезмерными пропагандистской коллегии Северо-Западного отделения бюро РКП(б) и Петроградского комитета РКП(б), где 1 декабря 1922 г. слушался вопрос о создании института. Было предложено к действительным членам с большим партийным стажем не предъявлять «общих требований, касающихся объема знаний» [72]. Несмотря на столь низкий образовательный ценз и невысокий уровень исследований, создатели института претендовали на дополнительный академический паек за научную работу. Таковой призывали считать представление за два года письменной работы объемом около

сорока страниц. Но и это требование никогда не выполнялось. Не заслушивалось и большинство запланированных докладов «просто по причине их неподготовленности» [73].

Это не мешало институту пользоваться расположением партийных властей Петрограда. Руководители НОМ были в числе сотрудников Коммунистического института. Но в отличие от НОМ этот институт с самого начала создавался под строгим контролем губернских партийных органов. В состав правления института входил представитель Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), а председателем правления всегда был ректор Коммунистического университета, который утверждался в ЦК РКП(б). Таковым мог быть только влиятельный деятель Петроградской партийной организации. Первым председателем правления стал С. И. Канатчиков, в 1923 г. его сменил С. К. Минин, а в 1926 г. Институт возглавил будущий создатель и руководитель Ленинградского отделения Комакадемии (ЛОКА) Б. П. Позерн. В период с октября 1924 г. по июнь 1926 г. численность сотрудников института резко увеличилась с двадцати трех действительных членов и девятнадцати научных сотрудников до сорока пяти действительных членов, одиннадцати членов-корреспондентов и сорока семи научных сотрудников [74], причем более 60 процентов составляли члены партии с дореволюционным стажем, в том числе двое были в партии с момента ее основания в 1898 г.

Сосредоточенная в институте элита старых большевиков была далека от философских проблем естествознания. Далеки от них были и преподаватели Высшей военно-политической школы им. Толмачева. Лишь в декабре 1926 г. при секции исторического материализма Коммунистического НИИ, возглавляемой членом партии с 1907 г., участником гражданской войны и выпускником ИКП М. Л. Ширвиндтом [75], стали группироваться врачи, интересовавшиеся философскими проблемами биологии. Сам Ширвиндт занимался историей современной философии и психологии, но вскоре принял участие в институционализации исследований по философским проблемам естествознания в Ленинграде.

В начале 20-х гг. идея диалектизации естествознания в целом и биологии в частности не находила серьезной поддержки в Петрограде. Вероятно, только бывший член ЦК партии кадетов, товарищ председателя первой Государственной Думы, видный юрист, профессор Политехнического и Психоневрологического института в дореволюционном Петрограде Н. А. Гредескул [76] настойчиво искал пути синтеза дарвинизма и марксизма. Примкнув сразу после революции

к большевикам, Гредескул уже в 1919 г. опубликовал книгу «Освобожденный труд», а вскоре вошел в петроградскую группу красной профессуры и стал одним из главных диалектизаторов биологии в Ленинграде, специалистом по энгельсовской концепции происхождения человека. В своих первых работах по философским проблемам эволюционной теории Гредескул шел по пути «прикладывания» положений дарвинизма к законам и категориям диалектики [77]. Смычку дарвинизма и марксизма Гредескул видел прежде всего в возможности прямого переноса идей дарвинизма в социологию. Он утверждал, что «теория Энгельса не рабская копия, а теоретическое развитие теории Дарвина, в духе марксизма», а выдвинутое марксизмом понятие «непосредственного способа производства жизни... в точности соответствует дарвиновскому понятию борьбы за существование, но только правильнее его формулирует» [78]. Однако Гредескул был юрист по специальности. Общественными проблемами занимались и другие первые диалектизаторы биологии в Ленинграде, будь то критик номогенеза с позиций марксизма А. П. Омельченко или первый председатель НОМ Е. А. Энгель, выступивший 20 июля 1923 г. с докладом на традиционную тему «Дарвинизм или марксизм». Их выступления не оказывали особого воздействия на умы естественников.

Гораздо серьезнее воспринимались попытки крупнейшего психиатра и невропатолога В. М. Бехтерева доказать, что созданная им рефлексология должна стать основой марксистской социологии. Этому и был посвящен доклад Бехтерева «Рефлексология и диалектический материализм», сделанный 11 апреля 1925 г. на пленарном заседании НОМ. По этому докладу развернулись острые прения. Среди выступавших были и крупные физиологи, и философы-марксисты. Оказалось, что представители четырех соперничествующих в физиологии поведения школ (И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, А. А. Ухтомского, В. А. Вагнера) предлагали свои услуги марксистской социологии, доказывая, что каждая из них лучше всего может быть использована для объяснения общественных и психических процессов. В то же время выступавшие воздерживались от диалектической риторики и наклеивания ярлыков [79]. Сейчас трудно сказать, насколько был искренен сам Бехтерев в своих попытках опереться на диалектический материализм. Возможно, он действительно считал, что это будет полезно для созданного им Психоневрологического университета, где еще до революции были начаты широкомасштабные комплексные исследования человека [80].

Начиная с 1923 г. доклады по биологической проблематике стали регулярно заслушиваться и на пленарных заседаниях НОМ, где доминировала проблематика общественных наук. В год биологи обычно делали один-два доклада. Как правило, они посвящались дискутируемым тогда в печати вопросам о соотношении дарвинизма и марксизма, теории номогенеза Л. С. Берга, о соотношении инстинкта и поведения, о рефлексологии, доминанте, о современном положении дарвинизма. В НОМ выступали физиологи Л. Л. Васильев, А. А. Ухтомский, орнитолог П. В. Серебровский, ботаник и будущий президент Академии наук В. Л. Комаров, гистолог А. В. Немилов, генетик Н. И. Вавилов, антрополог Б. Н. Вишневский. Авторитетные биологи приглашались для докладов и на заседания естественнонаучной секции НОМ, начавшей функционировать в 1923 г. Пик ее деятельности пришелся на 1928 г., когда было сделано десять докладов по биологии. Часть докладов была опубликована в журнале «Под знаменем марксизма» и в «Записках НОМ». И хотя в них также нередко звучали псевдодиалектические нотки, в целом доклады носили сугубо научный характер. Даже в самых острых выступлениях отсутствовали обвинения оппонентов в отходе от марксизма и в приверженности к буржуазной науке. За время своего существования естественнонаучная секция провела тридцать пять заседаний [81].

Сама секция была малочисленной и вплоть до 1928 г. насчитывала несколько человек. Возглавляла секцию старая большевичка Э. С. Гайказова, которая числилась физиологом в университете. Из биологов здесь были также П. В. Серебровский, П. Н. Овчинников и один из Рюриковичей по отцовской линии и потомок Чингизхана по материнской линии — будущий академик князь А. А. Ухтомский. Последний около года был председателем секции во время отсутствия Гайказовой. Несмотря на усилия руководителей секции привлечь авторитетных ученых к постоянному сотрудничеству, а в списках его актива числилось немало крупных биологов (например, сотрудник И. П. Павлова К. М. Быков, будущий главный противник Лысенко в 50-х гг. геоботаник В. Н. Сукачев), на ее заседания, проходившие чаще всего в кабинете ректора университета, приходило не более десяти—пятнадцати человек [82].

С 1925 г. в естественнонаучной секции появился И. И. Презент, закончивший юридическое отделение факультета общественных наук, но считавший себя специалистом в диалектике живой природы. Решив посвятить себя философии наук о жизни, Презент организовал семинар по изучению диалектики природы для студентов и преподавателей биологического, филологического и математических факультетов университета. Он собрал группу студентов и с их помощью не раз пытался дестабилизировать работу секции, заседания которой, согласно уставу НОМ, носили закрытый характер, чтобы докладчик учился, не стыдясь неудачных формулировок, использовать марксистскую терминологию при изложении специальных вопросов и чтобы оградить его от обвинений со стороны догматически настроенных студентов. Презент же стремился дать бой старой профессуре и тем самым набрать очки в глазах молодого поколения. Однако подобные попытки встречали твердый отпор со стороны руководства секции и правления НОМ [83].

К концу 1927 г. стало ясно, что НОМ не справляется с задачами пропаганды марксизма среди ученых и внедрения диалектико-материалистической методологии в научные исследования. Не раз в документах партийных и государственных органов отмечалось, что недостаточно «выяснена физиономия общества», а в публикациях НОМ «нет отражения современных проблем, а само общество не может считаться марксистским» [84].

Да и состав общества вызывал подозрение у партийных руководителей. Подобно традиционным научным обществам НОМ носило достаточно кастовый характер. К началу «культурной революции» все девяносто три его действительных члена были с высшим образованием [85], что уже резко отличало его от других марксистских обществ, созданных после революции. К тому же членов партии было меньше половины — всего сорок два. По воспоминаниям свидетелей тех событий, председатель общества М. В. Серебряков был хорошо образованным и культурным человеком, весьма уважительно обращавшийся с учеными-немарксистами и не допускавший резких политических и идеологических выпадов в их адрес. Это в глазах партийных властей выглядело как недостаток. Его обвиняли в беспринципности и примиренчестве в теоретических вопросах и даже в проявлении правого уклона. Все время руководителям общества приходилось в Главнауке, ВЦИКе и ЦК ВКП(б), губкоме и губисполкоме отстаивать право на существование и выбивать скудное финансирование [86].

Положение НОМ усложнилось после создания в начале 1927 г. Института по изучению марксизма-ленинизма (ЛИМ) [87], возникновение которого связано с прибытием в Ленинград большого числа выпускников ИКП [88], в том числе и

интересовавшихся философией естествознания (Р. Э. Яксон, Г. С. Тымянский, М. Л. Ширвиндт и др.). В положении, утвержденном на заседании научно-политической секции ГУСа 12 апреля 1927 г., в число задач института входила и «пропаганда марксистской методологии среди научных работников различных областей знания» [89]. Эта задача была возложена на философскую секцию. Был установлен жесткий контроль за кадрами института, его сотрудники утверждались в правительственных учреждениях столицы. В начале существования ЛИМа большинство его сотрудников не имело высшего образования и печатных трудов [90], но почти все были членами партии.

С осени 1927 г. в ЛИМе начинают функционировать секция философии и естественнонаучный семинар. Их руководители С. Л. Гоникман и Г. С. Тымянский были последователями А. М. Деборина, возглавлявшего тогда Институт философии и журнал «Под знаменем марксизма». Актив естественнонаучного семинара первоначально составляли биологи из Института усовершенствования врачей, обсуждавшие проблемы внутриорганизменного обмена веществ в свете диалектики. Как вспоминал Тымянский, в 1929 г. на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений, их призыв к работникам в области естественных наук заняться совместно вопросами методологии естествознания был встречен большинством ученых равнодушно и даже враждебно. Нашлось лишь восемнадцать человек, заинтересовавшихся этими проблемами, но и из них вскоре осталось только десять.

Среди них оказался и Презент, ставший весной 1928 г. внештатным сотрудником института. В соответствии с идеями А. М. Деборина Презент свою задачу видел в «построении внутренней логики биологического процесса» и «в исследовании логической структуры различных биологических теорий» [91].

В ЛИМе Презент проявляет поразительную активность и работоспособность. Он входит в группу по подведению итогов дискуссии с механицистами, выступает с докладом «Философия и естественные науки», публикует компилятивную книгу о происхождении языка. По словам Д. В. Лебедева, под псевдонимом Даров Презент издал книгу о бахаизме, религиозном течении в странах Ближнего Востока, в котором развивалась идея о необходимости соединения науки и религии. Существует мнение, что в эти годы Презент некоторое время работал в ВИРе у Н. И. Вавилова, однако документальных подтверждений этой версии никто не привел. Его

вмешательство в различные отрасли науки все чаще встречало отпор [92], это побуждало его сузить круг своих интересов.

В рамках семинара по естествознанию Презент за короткий срок делает несколько докладов по различным проблемам биологии: «Роль случайности в формировании видов», «Логика биологии», «Роль изменчивости в филогенезе», «Борьба против механистической ревизии в марксизме», «Категории развития и телеологии в биологии», «Методологическое значение теории наследственности». Судя по отчетам института, эти доклады привлекали внимание естественников и вызывали длительные дискуссии. Правда, в семинаре участвовало только десять человек. Судьба Презента в институте была непростой. Ему потребовалось около года, чтобы стать штатным сотрудником. 1 октября 1928 г. его назначают ученым секретарем секции философии, но ГУС не утверждает это назначение до изучения научных трудов Презента [93]. Но и после такого утверждения он вскоре переводится на полставки. Презенту удается добиться, чтобы среди внештатных сотрудников, допущенных к научно-исследовательской работе, находились его ученики-студенты.

С самого начала руководство института (Б. П. Позерн, С. Л. Гоникман), опиравшееся на поддержку обкома, стремилось поглотить НОМ [94]. Против этого возражал Ширвиндт, который говорил, что в настоящее время ЛИМ не ведет реальной работы, а числящиеся в его штате и в активе сотрудники существуют только на бумаге и не могут заниматься наукой из-за чрезмерной загруженности преподавательской, партийной и общественной работой [95]. 18 января 1928 г. состоялось совместное заседание правления ЛИМа и президиума НОМа. Сторонам не удалось договориться. Представители ЛИМа (Позерн, Зайдель, Беленко) ратовали за объединение, доказывая, что это приведет к консолидации сил марксистов, ликвидации параллелизма в работе и т. д. Серебряков и другие члены НОМ доказывали, что общество должно сохраниться как научная «ассоциация, ведущая работу среди полу- и четвертьмарксистов, развивая среди них марксистскую идеологию» [96]. Выступая от имени Агитационного отдела обкома, А. И. Стецкий поддержал сторонников создания единого учреждения, заявив, что НОМ в недалеком прошлом не вызывал радужных надежд и надо приступить к постепенному объединению двух организаций. 4 февраля собрание НОМ пыталось оспорить эти предложения. Предлагалось разграничить сферы действия института и общества [97].

Однако 28 мая 1928 г. научно-политическая секция ГУСа приняла решение о «реорганизации НОМ и объединении его с работой Института» [98]. Полтора года ушло на попытки в высших инстанциях доказать разницу в задачах общества и института. Но все было тщетно. 20 декабря 1929 г. фракция ВКП(б) НОМ выступила с предложением ликвидировать НОМ в связи с существованием аналогичной марксистской организации в Ленинграде, снять общество с госбюджета и передать его имущество в Комакадемию [99]. Такое решение и было принято Главнаукой 5 января 1930 г. [100]. Естественнонаучная секция НОМ вошла в недавно созданное Ленинградское отделение Общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД), став основой будущего Ленинградского отделения Общества биологов-марксистов (ОБМ) [101]. Из ее членов только П. Н. Овчинников и И. И. Презент участвовали в последующей диалектизации биологии.

Одновременно Ленинградский облисполком закрыл и другие общества, разрабатывавшие тематику, близкую к планам ЛИМа, например, Историко-этнографическое общество или Общество по распространению просвещения среди евреев. Началась ликвидация обществ, считавших себя марксистскими, но деятельность которых не укладывалась в становящуюся жесткую структуру идеологического управления наукой.

Ликвидация НОМ связана с «культурной революцией» и «великим переломом», призванных окончательно подчинить науку задачам социалистического строительства. До этого партийные руководители использовали внутринаучную конкуренцию для продвижения своих сторонников, не вмешиваясь при этом в научные дискуссии. Еще не ставилась задача тотального контроля над планами научных исследований. Выдвиженцы хотя и оккупировали важные посты в управлении наукой, однако в самой науке лица, получившие образование до 1917 г., как и прежде, занимали ведущие позиции. Система подготовки «пролетарских» кадров для высшего образования и науки в Комакадемии и в ИКП не обеспечивала вытеснение «буржуазных» специалистов. Во всех организациях РАНИИОН, несмотря на все привилегии членам партии и выходцам из рабочих и крестьян, с 1924 по 1928 г. удалось поднять среди аспирантов долю членов партии с 11,4 до 33,4 процентов, а рабочих и крестьян с 22,5 до 41,3 процентов (102). В естественнонаучных учреждениях, где требования к знаниям были выше, партийная и пролетарская прослойка составляла ничтожное меньшинство.

В целом сохранялась свобода исследований в области естествознания, и содержание происходящих там дискуссий определялось прежде всего внутринаучными причинами. А социальные факторы лишь создавали определенный фон этих дискуссий, которые шли под лозунгом выяснения отношений между марксизмом и биологий в целом и ее конкретными исследованиями. На содержании этих дискуссий мы подробнее остановимся в следующем разделе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в годы Советской власти (1917—1925). М., 1984.
2. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 83. Л. 12.
3. Там же. Л. 16—17.
4. Протокол общего собрания членов Социалистической академии // Вестник Социалистической академии. 1923. № 6. С. 417—437.
5. *Удальцов А.* Очерк истории Социалистической академии (1918—1922) // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 13—37; *Покровский М. Н.* 10 лет Коммунистической академии // ВКА. 1928. № 28. С. 7—20; *Graham L.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party (1927—1932). Princeton, 1967; *Vucinich A.* Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR (1917—1970). Berkeley, 1984. P. 72—122; *Fox M.* Rival Academies and the Bolshevization of the Soviet Academy of Sciences: Paper presented at the AAASS Convention Philadelphia. 20 November 1994; *Fox M.* The Emergence of a 1920s Academic Order in Soviet Russia: Paper presented at Halle (Germany). May, 1996.
6. Вступительное слово т. Покровского на торжественном заседании, посвященном 10-летию существования ИКП // ВКА. 1932. № 1. С. 79—86; *Токсер А.* Десять лет философского ИКП (Посмертная статья) // ВКА. 1932. № 1. С 87—97; *Алымов А.* Десять лет ИКП // ВКА. 1931. № 12. С. 13—19; *Леонова Л. С.* Из истории подготовки партийных кадров в советских партийных школах и коммунистических университетах (1921—1925 гг.). М., 1972; *Fox M.* Memory, Archives, Politics: The Rise of Stalin in Avtorkhanov's Technology of Power // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No 4. P. 988—1003.
7. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 271. Л. 5.
8. И. Е. Тамм в дневниках и письмах к Наталии Васильевне // Природа. 1995. № 7. С. 148.
9. Там же. С. 191.
10. *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988.
11. Там же. С. 392.
12. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.
13. Там же. Л. 26.

14. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—1 об; Протокол общего собрания Коммунистической академии от 2-го июня 1925 г. // ВКА. 1925. № 12. С. 363—389; Краткий отчет о деятельности Коммунистической академии за 1925 г. // ВКА. 1926. № 15. С. 325—338.
15. План работ Секции естественных и точных наук Коммунистической академии на 1925 год, доложенный зав. секцией О. Ю. Шмидтом и принятый в заседании Президиума Комакадемии 28 марта 1925 года // ВКА. 1925. № 12. С. 390—392.
16. Там же. С. 391.
17. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 32. Л. 89—91, 102—122; Д. 50. Л. 142—153; Д. 51. Л. 49—74.
18. Там же. Д. 33. Л. 135.
19. Там же. Д. 37. Л. 115—117.
20. Деятельность Коммунистической Академии за январь—июнь 1926 г. (краткий обзор) // ВКА. 1926. № 17. С. 301—319; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 83. Л. 5.
21. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.
22. Краткий отчет о деятельности Коммунистической Академии за 1925 г. // ВКА. 1925. № 15. С. 325—338; Деятельность Коммунистической Академии // ВКА. 1929. № 31. С. 229—247.
23. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 48. Л. 1—63.
24. Там же. Д. 112. Л. 1—58.
25. Там же. Д. 115. Л. 1—70.
26. Там же. Д. 83. Л. 6.
27. Там же. Д. 51. Л. 162.
28. Там же. Л. 189—192.
29. Там же. Л. 180.
30. Там же. Оп. 2. Д. 93. Л. 1—68.
31. Там же. Д. 68. Л. 1—71.
32. Там же. Д. 208. Л. 1—50.
33. Там же. Д. 136. Л. 1—60.
34. Там же. Д. 196. Л. 1—59.
35. Там же. Д. 146. Л. 1—65.
36. Там же. Д. 153. Л. 1—46.
37. Там же. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.
38. Там же. Л. 7.
39. Там же. Л. 10—12.
40. Информационный бюллетень Коммунистической Академии при ЦИК СССР. 1927. № 6. Апрель—июнь. С. 27—32; Там же. 1928. № 8. С. 14—21.
41. Архив РАН. Ф. 350. Оп 1. Д. 103. Л. 108.
42. Там же. Д. 163. Л. 6—9.
43. Там же. Д. 51. Л. 189—192.
44. Там же. Д. 172. Л. 33; Д. 183. Л. 26—30.
45. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 152.

46. *Попов-Подольский М.* Пробный камень диалектики // Коммунистическая мысль. 1923. № 6—7. С. 31—45; *Рожицын В.* Дарвинизм и современный марксизм // Дарвинизм и марксизм. Харьков, 1923. С. 203—252; *Боголепов Л.* Роль труда в изменчивости организма (к вопросу о диалектическом методе в биологии) // Спутник коммуниста. 1923. № 22. С. 231—238; *Гурев Г. А.* Дарвинизм и марксизм. Гомель, 1924; *Бартенев А. Н.* К вопросу о старых и современных путях в биологии // ПЗМ. 1925. № 12. С. 72—88.
47. *Козо-Полянский Б. М.* Диалектика в биологии. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1925; *Любищев А. А.* Понятие эволюции и кризис эволюционизма // Известия биологического НИИ при Пермском государственном университете. 1925. Т. 4. Вып. 4. С. 137—153; *Бехтерев В. М.* Психология, рефлексология и марксизм. М., 1925; *Смирнов Е. С., Леонов Н. Д.* Преформация или эпигенезис // Преформизм или эпигенез. Вологда, 1926. С. 1—24; *Серебровский А. С.* Теория наследственности Моргана, Менделя и марксисты // ПЗМ. 1926. № 3. С. 98—117.
48. *Поляков И. М.* Происхождение животных и растений. Чему учит Дарвин? Харьков, 1924; *Завадовский Б. М.* Дарвинизм и марксизм. М., 1926.
49. И. Е. Тамм в дневниках и письмах к Наталии Васильевне // Природа. 1995. № 7. С. 150.
50. *Слепков В. Н.* Наследственность и отбор у человека // ПЗМ. 1925. № 4. С. 102—122; *Левит С. Г.* Эволюционные теории в биологии и марксизм // Медицина и диалектический материализм. 1926. Вып. 1. С. 15—32.
51. *Слепков В. Н.* Диалектический материализм в биологии // ПЗМ. 1927. № 10—11. С. 249—262; *Левит С. Г.* Диалектический материализм в медицине: Некоторые итоги и перспективы // Вестник современной медицины. 1927. Т. 23. С. 1481—1490.
52. *Местергази М. М.* Эпигенезис и генетика // ВКА. 1927. № 19. С. 231, 232.
53. *Dobzhansky Th.* The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 230.
54. *Fox M.* Political Culture, Purges, and Proletarianization at the Institute of Red Professors, 1921—1921 // The Russian Review. 1993. Vol. 52. № 1. P. 22—42; *Козлова Л. А.* Институт Красной профессуры // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96—107.
55. *Walker M.* German National Socialism and the Quest for Nuclear Power, 1939—1949. Cambridge, 1989.
56. *Самойлов А. Ф.* Диалектика природы и естествознание // ПЗМ. 1926. № 4—5. С. 81.
57. Информационный бюллетень Коммунистической академии при ЦИК СССР. 1928. № 8. С. 14—21.

58. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 311. Л. 135.
59. Там же. С. 138—139.
60. *Клушин В. И.* Научное общество марксистов // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л., 1968. С. 125—137.
61. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 83. Л. 4, 24, 36.
62. Там же. Д. 86. Л. 1—2.
63. Там же. Д. 44. Л. 11.
64. Там же. Д. 5. Л. 58.
65. Там же. Д. 40. Л. 44—49.
66. Там же. Д. 82. Л. 1.
67. *Боричевский И. А.* Сущность науковедения и его отличие от школьной философии // Записки НОМ. 1927. № 7. С. 175.
68. ПФА РАН. Ф. 238. Д. 126. Л. 79; *Боричевский И. А.* Введение в философию науки. Пг., 1922.
69. *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 117—118.
70. ПФА РАН. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—3.
71. Там же. Л. 1.
72. Там же. Д. 7. Л. 18.
73. Там же. Д. 3. Л. 8 об.
74. Там же. Л. 3.
75. Там же. Оп. 2. Д. 168.
76. Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 24.
77. *Гредескул Н. А.* Происхождение и развитие общественной жизни. Т. 1. Л., 1925.
78. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 2. Д. 109. Л. 11.
79. Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 126.
80. *Ярошевский М. Г., Даниличева Н. А.* Первый в мире научно-исследовательский центр: К истории Петербургского психоневрологического университета // ВИЕТ. 1995. № 4. С. 88.
81. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 7—18.
82. Там же. Д. 165. Л. 1—15.
83. Там же. Д. 20. Л. 14; Д. 98. Л. 12—13.
84. Там же. Д. 90. Л. 10.
85. Там же. Д. 45. Л. 37.
86. Там же. Д. 83. Л. 36; Д. 96. Л. 25—28; Д. 7. Л. 21; Д. 2. Л. 27; и др.
87. За три года институт несколько раз менял свое название. Последнее из них — Ленинградский институт марксизма (ЛИМ). На его базе было создано Ленинградское отделение Коммунистической академии (ЛОКА).
88. Первая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений 22 марта 1928 г. Стенографический отчет // ВКА. 1928. № 26. С. 292.
89. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1. Л. 13—14.
90. Там же. Д. 44 (анкеты научных сотрудников).
91. Там же. Д. 7. Л. 22.

92. *Аптекарь А. Б., Быковский С. Н.* Современные положения на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 8—9. С. 37.
93. ПФА РАН. Ф. 235. Д. 41. Л. 47.
94. Там же. Д. 13. Л. 5.
95. Там же. Л. 9.
96. Там же. Д. 28. Л. 4.
97. Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 100. Л. 25—26.
98. Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.
99. Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 100. Л. 42—43.
100. Там же. Л. 41.
101. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.
102. Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 58. Л. 21.

3 Зак. 3008

3. БИОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ

3.1. Эволюционная теория и диалектический материализм

3.1.1. Эволюционная теория в социально-культурном контексте 20—30-х гг.

В анализируемый нами период действовал ряд социальных и научных факторов, способствовавших успехам русского эволюционизма [1]. Прежде всего это национальные традиции отечественной биологии. Выражение «Россия — вторая родина дарвинизма» стало клише. Но, как и большинство других клише, оно отражает истину. Задолго до революции дарвинизм стал важнейшим компонентом мировоззрения русской интеллигенции [2].

Столь быстрое включение дарвинизма в культурную традицию России обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего дарвинизм не встретил серьезной оппозиции со стороны православного духовенства, которое всегда было далеко от естественнонаучных проблем и в отличие от официальных представителей католической церкви, как правило, не вмешивалась в дискуссии ученых.

Эволюционные исследования были всегда популярны в российской биологии. Члены Петербургской Академии наук в XVIII—XIX вв. (Г. В. Стеллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, Х. И. Пандер, К. Ф. Вольф, К. М. Бэр) были среди тех, кто подготовил основу для возникновения теории эволюции [3]. Уникальная территория России с ее разнообразным климатом давала возможность русским биологам изучать органическое разнообразие в самых различных экосистемах и анализировать удивительную приспособленность органических структур к жизни в различных средах. Уже первые исследования по естественной истории России, сделанные И. Г. Гмелиным, Г. В. Стеллером, П. С. Палласом

и С. П. Крашенинниковым, показали значительную географическую изменчивость видов и заставляли задумываться над проблемой эволюции. Усвоенная многими русскими биологами, обучавшимися в Германии, склонность к широким теоретическим обобщениям также была стимулом к исследованию эволюции.

На границе XVIII и XIX вв. сформировалось натурфилософское направление в развитии эволюционной идеи в России, сторонники которого (П. Ф. Горянинов, Я. К. Кайданов, Э. И. Эйхвальд) высказывали самые общие соображения о прогрессивном развитии органического мира [4]. Идеи Ж.-Б. Ламарка и Э. Жоффруа Сент-Илера были привнесены в Россию К. Ф. Рулье, который считал, что организмы могут приспосабливаться к новым абиотическим и биотическим факторам и возникающие под воздействием среды функциональные приспособления наследственно закрепляются [5]. Дарвинизм был с готовностью воспринят в России в значительной степени из-за отсутствия здесь сильных антиэволюционных традиций, а также наличия ряда крупных биологов — учеников и последователей К. Ф. Рулье (А. П. Богданов, Я. А. Борзенков, С. А. Усов, Н. А. Северцов, А. Н. Бекетов и др.). Большинство русских биологов не только поддержало доктрину эволюции, но и пыталось ее далее развить как путем обоснования новыми фактами, так и выдвижением собственных оригинальных концепций эволюции (например, телеологическая концепция эволюции К. Бэра, учение К. Ф. Кесслера и П. А. Кропоткина о взаимопомощи как факторе эволюции, гипотеза С. И. Коржинского о гетерогенезисе, доктрины А. С. Фаминцына и К. С. Мережковского о симбиогенезе) [6]. Братья А. О. и В. О. Ковалевские, И. И. Мечников были среди тех ученых, которые начали использовать дарвиновские идеи в эмбриологии и палеонтологии и достигли здесь блестящих результатов, основав новые отрасли эволюционной биологии.

Русские биологи не только усвоили дарвиновские идеи, но и стремились адаптировать их к условиям национальной интеллектуальной традиции. Структура высшего образования в России была такова, что узкая специализация в одной какой-либо области биологии была практически невозможной. Как правило, культивировался широкий подход. Не только все биологическое сообщество, но и каждый биолог фактически комбинировал два различных научных подхода, которые в западной историко-биологической литературе обычно характеризуются как натуралистический и экспери-

ментальный. Биологи, работавшие только в лаборатории, в те годы составляли меньшинство. Экспериментальная работа нередко сочеталась с полевыми исследованиями.

Существенно было и то, что не только большинство ученых, но и широкие круги общественности очень интересовались проблемами эволюции, что стимулировало биологов делать общебиологические выводы из конкретных исследований. Статьи по проблемам эволюции часто публиковались в популярных литературных журналах «Отечественные записки», «Русский вестник», «Русская мысль», «Русское богатство», «Русское слово», «Северный вестник», «Современник», на страницах которых разворачивались длительные дискуссии как между сторонниками и противниками идеи эволюции, так и между представителями различных эволюционных концепций. За этими дискуссиями внимательно следили образованные слои Российской империи, чьи симпатии обычно были на стороне эволюционистов. Центрами эволюционных исследований в дореволюционной России были университеты, но с 80-х гг. XIX в. все чаще биологи-эволюционисты избирались членами Академии наук. Общественный «заказ» на эволюционистов резко усилился после революции, показателем чего служит избрание крупных эволюционистов А. Н. Северцова (1920), В. Л. Комарова (1920), В. Н. Сукачева (1920), В. М. Шимкевича (1920), Н. И. Вавилова (1923), П. П. Сушкина (1923), М. А. Мензбира (1926), Г. А. Надсона (1928), А. А. Ухтомского (1932), А. С. Серебровского (1933), Л. А. Орбели (1935), И. И. Шмальгаузена (1935) академиками и членами-корреспондентами Академии наук СССР.

Однако расцвет эволюционных исследований в 20-е гг. в значительной степени обусловлен партийной политикой. Биология в целом и дарвинизм в особенности занимали привилегированное положение в партийных планах. Партия рассматривала дарвинизм как одну из главных научных основ марксистского взгляда на общество, и это имело исторические корни. Известно, что вскоре после выхода в свет основного труда Дарвина К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу от 19 декабря 1860 г. утверждал, что «эта книга дает естественноисторическую основу для наших взглядов» [7]. Позднее вопрос о взаимоотношении марксизма и дарвинизма не раз затрагивался Энгельсом в работах «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», «Наброски надгробной речи на могиле Маркса», «Похороны Маркса» и т. д. Эти высказывания еще не забыты соотечественниками, так как входили во все философские курсы.

Начиная с 60-х гг. на Западе сложилась обширная литература об отношении учений Маркса и Дарвина. Практически каждый из крупных марксистов конца XIX—начала XX в. (А. Бебель, И. Дицген, Ф. Ланге, П. Лафарг, К. Каутский, В. Либкнехт и др.) затрагивал этот вопрос в своих произведениях, а многие посвятили ему специальные статьи и даже книги [8].

Особое место дарвинизм занял в культурной и общественно-политической жизни России. Начиная от русских радикалов 60-х гг. прошлого века (Д. И. Писарев, М. А. Антонович, В. А. Зайцев, Н. Д. Ножкин) и Г. В. Плеханова, давшего первую марксистскую интерпретацию дарвинизма в России, дарвинизм рассматривался как краеугольный камень марксистской философии [9]. Плехановское выражение «марксизм есть дарвинизм в его приложении к социальным наукам» было повторено в многочисленных публикациях. Русские марксисты искали аналогии между дарвинизмом и историческим материализмом, стремясь доказать научный характер последнего. Первые вожди и идеологи коммунистического правительства (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин) искренне верили, что дарвинизм поможет им в строительстве социализма. Никто из них не желал замечать, что марксизм, планируя общество, свободное от классовой борьбы, фактически отказывался от дарвинизма, признававшего борьбу за существование важнейшей предпосылкой эволюции.

Желая заменить религию авторитетом науки, партия заботилась о благоприятных условиях для эволюционных исследований и их популяризации. На первых порах партийные лидеры не вмешивались в сами эволюционные дискуссии. В 20-е гг. от представителей различных теорий эволюции требовались только декларации о том, что их концепции согласуются с диалектическим материализмом.

Политика тоталитарного контроля проявилась далеко не сразу, как и не сразу выявились все негативные стороны столь повышенного внимания государства к вопросам эволюционной теории. Более того, первое послереволюционное десятилетие оказалось, как ни странно, даже благоприятным для биологии в целом и для эволюционной теории в особенности. На биологию возлагались большие надежды в реализации планов переустройства общества. Возникновение мощной сети биологических институтов в 20—30-х гг. было результатом такой ориентации советского правительства. Не случайно и то, что руководителями этих институтов, как правило, назначались крупные эволюционисты — А. А. Борисяк (Палеонто-

логический институт), Н. И. Вавилов (Институт прикладной ботаники и новых культур и Институт генетики), В. И. Вернадский (Биогеохимическая лаборатория), Н. К. Кольцов (Институт экспериментальной биологии), Б. А. Келлер (Ботанический институт), Л. А. Орбели (Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности и Институт физиологии), А. А. Сапегин (Генетико-селекционный институт в Одессе), А. Н. Северцов (Институт эволюционной морфологии животных), И. И. Шмальгаузен (Институт зоологии и биологии в Киеве), каждый из которых к тому времени был основателем крупных научных школ в различных отраслях эволюционной биологии: прежде всего генетики, экспериментальной зоологии, систематики, прикладной ботаники, палеонтологии, эмбриологии, биохимии, биогеохимии и т. д. Основание этих институтов, насчитывавших уже в начале 30-х гг. сотни сотрудников, создавало необходимые условия для институционализации эволюционных исследований в необычайно широких масштабах.

Кроме того, в ведущих университетах и других высших учебных заведениях страны формировались кафедры, лаборатории, институты, разрабатывавшие проблемы как самой эволюционной теории, так и тесно связанных с нею биологических дисциплин. Особо важные исследования велись на кафедрах экспериментальной биологии, генетики, дарвинизма и в лаборатории экологии Московского университета, а также в лаборатории генетики и экспериментальной биологии и в Петергофском биологическом институте Петроградского университета, где первым ректором в советский период стал один из авторитетнейших дарвинистов В. М. Шимкевич, на многих биологических и геолого-палеонтологических кафедрах Киевского, Пермского, Томского и Харьковского университетов.

Уже к началу 30-х гг. в нашей стране фактически не было таких проблем биологии, имевших прямое отношение к эволюционной теории, которые не разрабатывались бы в научно-исследовательских институтах и университетах страны. К этому времени дарвинизм был определен как обязательный предмет при высшем биологическом образовании.

В эти же годы был налажен выпуск новых биологических журналов. В них публиковались статьи не только русских, но и иностранных биологов по главным проблемам эволюции. В свою очередь, многие советские биологи-эволюционисты печатались в зарубежных изданиях, где были опубликованы книги Л. С. Берга, Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, А. Н. Северцова, И. И. Шмальгаузена и др. Постоянно переводились на русский язык и публиковались

книги ведущих зарубежных генетиков и эволюционистов: П. Каммерера, Ш. Депере, Дж. Холдейна, Гуго де Фриза, Т. Моргана, Л. Плате, Р. Гольдшмидта. Наши биологи имели возможность читать на русском языке многие работы западных классиков биологии, интенсивно издаваемые в 20—30-х гг.: К. Бэра, А. Вейсмана, Дж. Джэда, А. Дорна, Т. Гексли, Ф. Мюллера, Э. Геккеля, Ж. Кювье, О. Перье, М. Неймара, К. Циттеля. Переиздавались избранные сочинения Ж.-Б. Ламарка, Ч. Дарвина, а в 1935 г. вышел первый том академического издания Дарвина.

В 20—30-х гг. текущая научная литература на главных европейских языках не только была доступна, но, как свидетельствовал Ф. Добржанский, читалась в России более систематически, чем в США [10]. В то время, когда многие зарубежные биологи относительно мало интересовались проблемами эволюции, их русские коллеги, как правило, пытались связать результаты собственных исследований с эволюционной проблематикой.

Важным фактором прогресса эволюционных исследований в 20-е гг. было сохранение достаточно тесных научных контактов с зарубежными коллегами. Продолжались длительные научные командировки (И. И. Агол, В. В. Алпатов, В. И. Вернадский, А. Р. Жебрак, Г. Д. Карпеченко, С. Г. Левит, М. С. Навашин, Д. Н. Насонов, Л. А. Орбели, П. П. Сушкин) в Германию, США, Францию. Только на Международном генетическом конгрессе в Берлине в 1927 г. присутствовало около пятидесяти советских генетиков. Правда, иногда из зарубежных командировок не возвращались: Ф. Г. Добржанский остался в США навсегда [11], Н. В. Тимофеев-Ресовский и С. Р. Царапкин работали в Германии до конца войны [12].

В эти годы многие крупные зарубежные генетики и палеонтологи (О. Абель, У. Бэтсон, Ш. Депере, Л. Долло, Ф. Хюне, Дж. Холдейн, В. Иоганнсен, Т. Морган, Г. Осборн, А. Вудворт) избирались иностранными членами Академии наук СССР. Большие средства тратились на организацию и финансирование экспедиций в различные регионы СССР и в другие страны. Только Н. И. Вавилов в эти годы посетил около сорока стран.

3.1.2. Дарвинизм и марксизм

В 1922 г. начал выходить журнал «Под знаменем марксизма» (ПЗМ). Благословление журнал получил от двух главных лидеров послеоктябрьской России: «вождя револю-

ции», председателя Совнаркома В. И. Ленина и «вождя Красной Армии» председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого. В первых двух номерах журнала были напечатаны письмо Л. Д. Троцкого, получившее впоследствии название «Внимание к теории», и статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» [13].

Троцкий лишь в самом общем виде сформулировал задачу журнала, определяемую его вкладом в материалистическое воспитание молодежи и прежде всего в усвоение ею естественнонаучных концепций. Для борьбы с религией и идеализмом Троцкий считал необходимым вскрыть связь человеческого общества со всем предшествующим естественноисторическим развитием. В свойственной ему яркой, публицистической манере Троцкий писал: «Кто научился таким ясным оком оглядываться на прошлое всего мира, включая сюда человеческое общество, животное и растительное царство, солнечную систему и бесконечные системы вокруг нее, тот не станет в ветхих „священных книгах", в этих философских сказках первобытного ребячества искать ключ к познанию тайн мироздания» [14].

Статья Ленина содержала ряд тезисов о принципах взаимодействия философии марксизма с естествознанием. Впоследствии она была признана программой в области философских проблем естествознания, благоговейно цитировалась и разбиралась в неисчислимом множестве работ по диалектическому материализму. В ней декларировалась необходимость создания союза «воинствующих материалистов» с представителями современного естествознания. Подчеркивая необходимость овладения марксистами конкретной научной аргументацией из области естественных наук и основательного знания ими материала конкретных наук, Ленин вместе с тем призывал философов-марксистов помочь естествоиспытателям овладеть методом диалектического материализма. Формой подобной помощи должно было стать философское объяснение проблем современного естествознания с позиций материалистически истолкованной диалектики Гегеля. С самого начала предполагался неравноправный характер этого союза. «Союзников»-естествоиспытателей надо было критиковать за непоследовательный материализм. Им следовало объяснять принципы классовости, политической партийности философских исследований, нацеливать на резкое противопоставление философии диалектического материализма всем другим философским системам. Марксисты должны были показать естествоиспытателям классовые корни каждой философской системы, ее место в идеологической борьбе и

классовый характер философских дискуссий. В соответствии с программами Троцкого и Ленина философы-марксисты должны были заниматься практически всеми крупными концепциями современного естествознания, будь то теория относительности А. Эйнштейна, теория условных рефлексов И. П. Павлова или психоаналитические воззрения З. Фрейда [15].

Однако в центре внимания оказалась проблема взаимодействия дарвинизма и марксизма. Это объясняется целым рядом причин, частично отмеченных уже выше: во-первых, известным замечанием К. Маркса об учении Ч. Дарвина как естественнонаучной основе развиваемых им взглядов на общество; во-вторых, сложившейся в марксизме традицией постоянного обращения к дарвинизму; в-третьих, широкой популярностью дарвинизма в нашей стране. Философское осмысление проблем эволюционной теории стимулировала и ситуация, сложившаяся к тому времени вокруг проблем эволюционной теории.

Поиск «союза» философии и биологии шел в условиях кризиса, обусловленного прежде всего противопоставлением крупных открытий в области генетики дарвиновскому учению о естественном отборе. Многие из них трактовались в механистическом и автогенетическом духе. В этих условиях стали популярными и некоторые финалистические и телеологические теории эволюции [16]. Основной причиной оживления таких гипотез была недостаточная изученность вопроса о природе генов, о причинах наследственной изменчивости и ее роли в эволюции, о селективной ценности мелких изменений при возникновении сложных органов, отсутствие экспериментальных доказательств для конкурирующих концепций эволюции. Поэтому выработка взаимодействия диалектического материализма и биологии проходила в условиях резких дискуссий между представителями различных естественнонаучных концепций эволюции, многие из которых действительно включали элементы витализма и механицизма. Трудности обусловливались и тем, что наведением мостов между философией и биологией занимались нередко, с одной стороны, философы-марксисты, не знавшие самой биологии, а с другой стороны, биологи, представления которых о марксистской философии складывались из популярных работ.

В том же 1922 г. была посмертно издана книга К. А. Тимирязева «Исторический метод в биологии», в которой был обобщен его многолетний опыт дискуссий по проблемам факторов и движущих сил эволюции и приводи-

лись доводы в пользу дарвиновского учения. Как и предшествующие биологи, воспитанные в значительной степени на тимирязевском «Кратком очерке учения Дарвина» (1865), многие советские ученые, пришедшие в науку в 20-е гг., становились дарвинистами прежде всего под влиянием его нового труда. Свойственная Тимирязеву резкость суждений, нетерпимость к оппонентам, публицистичность, склонность к умозрительным решениям эволюционных проблем наложила отпечаток и на стиль научной деятельности его последователей. К тому же Тимирязев критиковал менделизм, что впоследствии дало возможность сторонникам Лысенко провозгласить его предтечей советского творческого дарвинизма.

Уже на следующий год после публикации статей Ленина и Троцкого вышел сборник «Дарвинизм и марксизм». В предисловии к книге М. Равич-Черкасский писал: «...Едва ли можно считать изучение марксизма не только законченным, но и вообще серьезным и достаточно глубоким, если не постичь хотя бы элементарно исторической и философской связи марксизма с дарвинизмом и последнего с гегельянством» [17]. Поскольку разработка философских вопросов биологии с позиций марксизма в нашей стране еще только начиналась, в сборнике были опубликованы в основном работы Энгельса, лидеров 2-го Интернационала и некоторых авторов несоциалистической ориентации. Этих авторов больше волновал вопрос о значении теории Дарвина для решения политических и социологических проблем, чем вопрос о ее диалектичности. Тем не менее содержание их работ в какой-то степени предопределило тематику дискуссий 20-х гг.

Советские авторы были представлены двумя публикациями К. А. Тимирязева [18] и статьей В. Рожицына «Дарвинизм и марксизм». Патриарх отечественного дарвинизма К. А. Тимирязев усматривал не только хронологическое совпадение, но и много сходственных черт в содержании революции, произведенной К. Марксом в общественных науках публикацией в 1859 г. работы «К критике политической экономии», и революцией в естествознании, связанной с выходом в том же году книги Дарвина «Происхождение видов». Прежде всего это сходство связывалось с объяснением явлений общественной жизни и органической эволюции сугубо материалистическими факторами, изгнанием теологии и телеологии из наук об обществе и биологии, опорой на актуалистический метод исследования исторических процессов. Аналогия усматривалась Тимирязевым и в процессах выработки новых признаков организмов и изобретении орудий труда как форм приспособления и живого, и общества к внешним условиям существования. Вот почему и Марксу, и Дарвину, по мнению Тимирязева, удалось «встряхнуть до самой глубины и „сознание“, и „бытие“ всего человечества» [19]. Сциентизм и прометейство Тимирязева уже явно были пронизаны духом пролетарской непримиримости. По мнению Тимирязева, в науке, в естествознании, а не в «пережитках позорно издыхающей буржуазной культуры, должна быть заложена основа идущей ей на смену культуры пролетарской — культуры будущего» [20].

В центре первых публикаций по философским проблемам эволюционной теории стал вопрос о соответствии дарвинизма марксизму и о возможности применения теории Дарвина к объяснению общественных явлений [21].

С первых публикаций наметились диаметрально противоположные оценки дарвинизма. В соответствии со взглядами основоположников марксизма весьма высоко оценил его Троцкий, подчеркнув, что «биология немыслима ныне вне дарвинизма со всеми, конечно, дальнейшими его завоеваниями» [22] и что «только внутренняя связь между марксизмом и дарвинизмом дает возможность понять поток бытия в его первичной связи с неорганической природой, в его дальнейшей обособленности, развитии, динамике, в дифференциации потребностей, в существовании первых, элементарных растительных и животных видов, в их борьбе, в их изменениях, в нарастании и усложнении их форм, в появлении „первого“ человека или человекоподобного существа, вооруженного первыми подобиями орудий труда, в появлении простейшей кооперации, пользующейся искусственными органами, в дальнейшем расчленении общества на основе развития средств производства, т. е. орудий, подобных природным органам, в классовой борьбе, и наконец, в борьбе за упразднение классов» [23].

Следуя высказываниям Плеханова и Тимирязева, Троцкий отождествлял роль марксизма в общественных науках с ролью дарвинизма в биологии. Подобное тождество как бы повышало научный статус марксизма, вводя его в ранг точных наук. Такими аргументами Троцкий пытался убедить участников Первого Всероссийского съезда научных работников в важности марксизма. Через несколько лет уже сторонники дарвинизма, защищая себя от обвинений в механицизме, плоском эволюционизме и т. д., в апелляциях к партийным инстанциям уже использовали аналогию между марксизмом и дарвинизмом для доказательства диалектического характера учения о естественном отборе. В советской

литературе большой популярностью пользовалось высказывание Ленина о том, что именно учение Дарвина поставило биологию на научную почву и в этом смысле оно сходно с учением Маркса, впервые поставившего на научную почву социологию [24].

Выше уже отмечалось, что диалектизацией биологии занимались сперва обществоведы, имевшие поверхностные представления о современном естествознании [25]. Первый доклад на тему «Дарвинизм и марксизм» в НОМ сделал в середине 1922 г. президент этого общества социолог Е. А. Энгель. Через полтора года там же и с докладом под тем же же названием, но нацеленным уже на критический разбор книги Энгеля, выступил бывший юрист Н. А. Гредескул [26]. Зарождались тенденции некомпетентного вмешательства в науку философов-марксистов.

Стремление доказать значимость диалектического материализма для эволюционной теории вело к преувеличению аналогий, а иногда и к стиранию граней между дарвинизмом и марксизмом [27]. Вместе с тем ряд философов (А. Н. Бартенев, Л. Боголепов, М. Попов-Подольский, В. Рожицын и др.) не согласились с оценками дарвинизма как диалектико-материалистической концепции. Дарвинизм трактовался ими как метафизическая, плоскоэволюционная и даже идеалистическая концепция. В их аргументах не было ничего нового по сравнению с прежними критиками Дарвина. Теория естественного отбора критиковалась за абсолютизацию количественных изменений и случайности в эволюции, за отрицание скачков и закономерного характера эволюции, непризнание диалектики прогрессивных и регрессивных преобразований организмов, за идеализм в трактовке происхождения человека и даже за скрытую телеологичность. Один из инициаторов поворота официальной идеологии к естествознанию, работавший в те годы в редакции «Правды», В. Н. Сарабьянов уверял, что у Дарвина много положений, подталкивающих «его читателей к телеологическому мировоззрению» [28]. В качестве концепций, более соответствовавших марксизму, он называл мутационную теорию Г. де Фриза, номогенез Л. С. Берга и механоламаркизм.

Эта группа марксистов была уже готова к переработке «метафизического и идеалистического дарвинизма» на диалектико-материалистической основе. Такой основой чаще всего объявлялся механоламаркизм. Подобные призывы и попытки «диалектизировать биологию» сразу встретили резкую отповедь [29]. Они были названы вульгаризацией марксизма, обусловленной неумением за словами рассмотреть подлинную философскую основу той или иной концепции эволюции. Выступая против замены дарвинизма мутационизмом или номогенезом, И. И. Скворцов-Степанов саркастически заметил, что Сарабьянов и другие марксисты, «вообразив, что дело со скачками в современных биологических науках обстоит очень плохо, искали спасение у де Фриза и Берга» [30]. Усомнился в правильности высокой оценки теории де Фриза и видный деятель большевистской партии, издатель и комментатор классиков марксизма Д. Б. Рязанов [31].

Среди первых авторов, попытавшихся проанализировать отношения марксизма к дарвинизму, был Н. А. Гредескул. Будучи одним из главных диалектизаторов биологии в Ленинграде, сущность теории Дарвина он усматривал в причинном объяснении целесообразности, в признании прогрессивного усложнения организмов и их взаимодействий с окружающей средой, в объяснении эктогенетического характера эволюции под влиянием отбора полезных изменений и борьбы за существование.

«Смычку» дарвинизма и марксизма Гредескул видел прежде всего в возможности прямого переноса идей дарвинизма в социологию. Для Гредескула теория Энгельса об «очеловечении обезьяны» была безукоризненна с точки зрения эволюционных представлений, так как содержала в себе не больше элементов ламаркизма, чем теория Дарвина. Он утверждал, что «теория Энгельса — не рабская копия, а теоретическое развитие теории Дарвина, в духе марксизма», а выдвинутое марксизмом понятие «непосредственного способа производства жизни... в точности соответствует дарвиновскому понятию борьбы за существование, но только правильнее его формулирует» [32]. Аналогичной позиции придерживались и эмбриолог М. А. Бубликов и марксист Г. А. Гурев, механически перенося борьбу за существование в общество и усматривая в ней ключ к развитию органов животных — «естественных технологий» и производительных сил — «искусственных технологий» [33].

Молодыми марксистами Р. Выдра и В. Н. Слепковым подобные попытки выяснить «внутреннюю преемственную связь» между марксизмом и дарвинизмом оценены как проявление социал-дарвинизма, подаваемого «под соусом марксизма и диалектического материализма» [34].

Характер дискуссии изменился, когда в нее включились биологи (В. М. Бехтерев, Ф. Ф. Дучинский, М. М. Завадовский, Б. М. Козо-Полянский, А. А. Любищев, М. М. Мес-

тергази, А. С. Серебровский, Е. С. Смирнов) и прежде всего ученые, получившие высшее образование в первые годы после революции и уже знакомые с основами марксистской философии (И. И. Агол, Н. П. Дубинин, С. Г. Левит, И. М. Поляков, В. Н. Слепков). Их труды, как и разнообразная деятельность одного из руководителей Баварской республики М. Л. Левина, проживавшего в СССР с 1923 г., оказали громадное влияние на поиски «союза» биологии и диалектики.

Начиная с 1924 г. вышло несколько изданий учебника Ф. Ф. Дучинского «Эволюционное учение», в котором основные проблемы эволюционной теории излагались с позиций диалектического материализма. Традиционно особое внимание уделялось поиску сходных черт и различий между дарвинизмом и марксизмом. Дучинский заявлял, что марксизм является продолжением дарвинизма, начиная с истории первобытного общества, где Дарвин закончил свои исследования. Однако Дучинский не отождествлял процессы органической эволюции с развитием общества. Верно его замечание, что в обществе «выживают часто не более талантливые, сильные, здоровые, а более изворотливые, хитрые, бесчестные» [35]. Дарвинизм Дучинский понимал шире, чем только учение о естественном отборе. По его мнению, Дарвин осуществил грандиозный синтез законов изменчивости и движущих сил эволюции, что позволило изобразить ее как «единый, целостный, закономерный процесс» [36]. В состав современного дарвинизма входят и многие принципы ламаркизма, мутационизма и других концепций эволюции.

На дальнейшую дискуссию о соотношении дарвинизма и марксизма оказала влияние публикация в 1925 г. рукописи Ф. Энгельса «Диалектика природы». На следующий год в нескольких номерах журнала «Под знаменем марксизма» вышла большая статья А. М. Деборина «Энгельс и диалектика природы». Рассуждения Деборина о диалектическом характере многих положений дарвинизма (доказательство относительной целесообразности, всеобщее обоснование принципа причинности, единство структуры и функций, регрессивных и прогрессивных изменений, влияние организации на последующее развитие и т. д.) хорошо было усвоено рядом его учеников в ИКП, занявшихся потом философскими проблемами биологии. Да и биологи, стремящиеся по разным соображениям к усвоению диалектического материализма, естественно, обращались прежде всего к трудам Деборина как официального главы отечественных философов.

Появляются и первые книги по философским проблемам эволюционной теории, написанные биологами. Среди них особое место занимает небольшая работа Б. М. Козо-Полянского, где известный профессор ботаники из Воронежского университета не только отказался от свойственного биологам враждебного отношения к марксизму, но и подверг критике декларации первых диалектизаторов биологии, не знавших конкретного материала и обвинявших дарвинизм в устарелости и старомодности [37]. Особенно досталось Деборину, Сарабьянову и Рожицыну за их обвинения дарвинизма в плоском эволюционизме и попытке представить номогенез Берга и мутационную концепцию как естественнонаучную основу марксизма. Козо-Полянский был категоричен в своих суждениях. Создатель теории естественного отбора, вероятно, был бы удивлен, если бы мог прочесть, что «всю великую мощь своего ума Дарвин всецело отдал созданию и пропаганде материалистической диалектики» и что «Дарвин сделал диалектику могучим орудием биологии» [38].

У истоков диалектизации биологии в СССР стоял и авторитетный немецкий эмбриолог Ю. Шаксель — ученик и преемник Э. Геккеля, приезжавший в СССР на длительные сроки в 20-е гг. и поселившийся здесь после прихода к власти нацистов в Германии. Его книга «Биологические теории и общественная жизнь» (1926) в значительной степени способствовала проникновению дарвиновских идей в умы многих молодых советских биологов. Высоко оценивая исторический метод, Шаксель призывал не забывать «за историей жизни... ее настоящей действительности» и «создавать новые расы» на основе знаний и методов частной генетики [39]. Особую неприязнь у Шакселя вызывал витализм и автогенетические концепции эволюции [40]. Разбор данных Дриша в пользу витализма приводит Шакселя к выводу, что регулятивное образование — лишь кажущаяся проблема, обусловленная недостаточным развитием экспериментальных исследований в области эмбриологии. Шаксель настаивал на неизбежности перехода механистического по своей природе механоламаркизма в телеологию, которая в свою очередь оценивалась им как попытка в капиталистических странах сберечь биологию от проникновения материализма.

В отличие от Шакселя один из первых диалектизаторов биологии, а впоследствии активный критик генетики Б. М. Завадовский в книге «Дарвинизм и марксизм» (1926), анализируя теоретические положения дарвинизма и ламаркизма с позиций диалектического материализма, выступил против эпигонского отношения к дарвинизму и призвал к

необходимости дополнить его рядом ламаркистских принципов. К середине 20-х гг. стало ясно, что вопрос об отношении дарвинизма и ламаркизма к марксизму разделяет биологов и философов на два лагеря, сторонники каждого из которых старались доказать, что именно их взгляды соответствуют диалектическому материализму. Эпицентром этих дискуссий стала секция естественных и точных наук Комакадемии и ОБМ. Однако их отзвуки слышались и в других научных и культурных центрах страны, в частности, в Ленинграде в НОМ. А журналы представляли возможность для публикаций альтернативных воззрений.

Первоначально казалось, что победа сторонников теории естественного отбора — дело недалекого будущего. Дискуссия началась в тот период, когда наметились тенденции к выходу биологии из кризиса путем синтеза теории естественного отбора и генетики, в который советские эволюционисты внесли весомый вклад. Как подчеркивал М. Адамс, начиная с 1925 г. эволюционный синтез в Советском Союзе шел более интенсивно и последовательно, чем в любой другой стране [41].

Среди главных достижений русских биологов в создании этого синтеза обычно отмечают достижения генетиков, на которых мы остановимся позднее: статью С. С. Четверикова в 1926 г., в которой сделана попытка объединить генетику, биометрию и практику полевых исследований в рамках дарвинизма; первые систематические исследования генетической структуры природных популяций дрозофилы (Н. В. Тимофеев-Ресовский, Е. И. Балкашина, Д. Д. Ромашов); концепцию А. С. Серебровского о генофонде популяций; концепцию С. С. Четверикова о генетической среде и ее значении для эволюции.

Возглавляя Институт прикладной ботаники, Н. И. Вавилов организовал планомерные исследования генетического потенциала и разнообразия культурных форм, закономерностей распространения генов в различных географических регионах. На базе своих уникальных знаний культурных растений Вавилов в 1926 г. выделил «центры происхождения» доместицированных форм. Эти центры, по его мнению, совпадали с районами максимального генетического разнообразия культурных растений. Как отмечал Джулиан Хаксли [42], разрабатываемые Н. И. Вавиловым и его сотрудниками практические проблемы растениеводства способствовали формированию политипической концепции вида и привели к современным представлениям в области систематики. На базе исследований, проведенных в эти годы, Вавилов уже в 1931 г. попытался синтезировать генетический, эколого-географический и морфофизиологический подходы к виду в работе «Линнеевский вид как система». Широкий подход Вавилова базировался как на традициях отечественной систематики, так и на интенсивных исследованиях его сотрудников географической, экологической и генетической структур вида у растений.

В эти же годы А. С. Серебровским проводились исследования по геногеографии и генетическому составу популяций кур на Кавказе, а Ф. Г. Добржанский вместе с другими сотрудниками Ю. А. Филипченко (Ю. Я. Керкисом, Я. Я. Лусом, Н. Н. Медведевым и др.) обследовали генетическую изменчивость домашних животных в Средней Азии. Особое значение имели опыты по соединению диплоидных наборов хромосом различных видов растений, в результате чего были получены ржано-пшеничные гибриды (Г. К. Мейстер) и всемирно известный гибрид капусты с редькой (Г. Д. Карпеченко), благодаря которым экспериментально была доказана возможность внезапного образования фертильной формы путем отдаленной гибридизации.

Геоботаник В. Н. Сукачев (1925) предложил комплексную исследовательскую программу, которая реализовалась на протяжении более 30 лет, постоянно уточняясь и совершенствуясь. Классические эксперименты Сукачева и его последователей показали селективное значение внутривидовой конкуренции и зависимость адаптивной ценности одного и того же генотипа от плотности популяции и внутривидовой конкуренции. Экологи В. В. Алпатов, Д. Н. Кашкаров и В. В. Станчинский продолжали натуралистические традиции по изучению различных экологических взаимодействий как важнейших предпосылок для действия естественного отбора.

Проблемы причин и закономерностей макроэволюции традиционно занимали видное место в русских эволюционно-биологических исследованиях. При этом большинство отечественных биологов по-прежнему стремилось связать дарвиновские представления с новыми эмпирическими данными. В 1925 г. А. Н. Северцов предложил первый вариант морфобиологической теории эволюции, где в учении о филоэмбриогенезах по-новому была освещена проблема взаимоотношений между филогенезом и онтогенезом, показаны разнообразные способы перестройки онтогенеза (архалаксисы, девиации, анаболии), являющиеся основой филогенетических изменений. Северцов впервые показал, что биологический прогресс мог осуществляться путем различных морфофизиологических адаптаций (ароморфоз, идиоадаптация,

дегенерация, ценогенез), резко различающихся по эволюционной перспективности. Он разработал систему критериев биологического прогресса и регресса. Фактически он предпринял попытку создать целостное учение о макроэволюции.

В начале 20-х гг. Б. М. Козо-Полянский попытался совместить идею о симбиогенезе как факторе прогрессивной эволюции с теорией естественного отбора. В эти же годы были завершены пионерские исследования В. А. Вагнера о возникновении и развитии психики в филогенезе.

Вышедшая в разгар споров вокруг проблем эволюции работа Ф. Энгельса «Диалектика природы» придала сторонникам дарвинизма дополнительную уверенность, что именно их учение наиболее полно соответствует марксизму, официально провозглашенному единственно научной философией. Именно к этой книге они все чаще стали обращаться за аргументами в спорах с ламаркистами, доказывая, что борьба за дарвинизм и борьба за диалектический метод в эволюционной теории — звенья одной цепи. На доказательстве этой мысли и сконцентрировали свои усилия биологи и философы, сплотившиеся в Комакадемии вокруг лаборатории А. С. Серебровского, привлекшего к работе двух выпускников ИКП И. И. Агола и В. Н. Слепкова. В споре механицистов и диалектиков все они были на стороне А. М. Деборина, который первый откликнулся на публикацию книги Энгельса, отмечая методологическую ценность содержащихся в ней идей об объективном характере и диалектике таких понятий дарвинизма, как вид, необходимость, случайность и т. д. [43].

Опираясь на идеи Энгельса и Деборина, И. И. Агол, по собственному признанию, предпринял попытку марксистского анализа эволюционных проблем на базе современной биологии. Агол пытался доказать, что теория Дарвина не просто естественнонаучная концепция, но и философско-биологическая методология. В качестве таковой дарвинизм «дал биологии определенное направление, указал пути, по которым она может плодотворно развиваться» [44]. Для Агола дарвиновское понимание развития было единством противоречивых процессов: наследственности и изменчивости, необходимости и случайности. Вслед за Энгельсом Агол возражает против обвинений Дарвина в мальтузианстве и пытается доказать, что принятие мальтузианства фактически бы означало отказ от идеи эволюции.

Идеи о дарвинизме как о диалектико-материалистической методологии современной биологии были поддержаны и другими сторонниками А. М. Деборина (Н. П. Дубинин,

М. Л. Левин, С. Г. Левит, М. М. Местергази, И. М. Поляков, А. С. Серебровский и др.) в биологии [45]. Они доказывали, что, выдвинув теорию естественного отбора, Дарвин объяснил причины эволюции, происхождение органической целесообразности и многообразие живых форм. Успех дарвинизма, по их мнению, обусловлен был прежде всего его материалистической трактовкой причин эволюции и раскрытием статистического характера причинности в эволюции жизни.

Особое внимание в те годы уделялось естественнонаучному объяснению Дарвина объективно существующей целесообразности в строении организмов, их взаимной приспособленности друг к другу и к окружающей среде. Постепенная аккумуляция полезных изменений в конечном итоге обеспечивает рост приспособленности группы организмов к условиям существования. Тем самым было доказано, что целесообразность носит всегда относительный характер, так как любое приспособление, созданное отбором, полезно только в конкретных условиях обитания. «Дарвин, — писал Агол, — вскрыл механизмы, ведущие к образованию целесообразных приспособлений в органическом мире, он не удалил их насильственно из сферы своих исследований, а своей теорией естественного отбора дал им разумное объяснение» [46].

Отвечая на обвинения противников Дарвина в абсолютизации ими случайности и постепенности эволюции, в отрицании ее закономерного характера, авторы старались доказать, что именно в дарвинизме продемонстрирована взаимосвязь случайности и необходимости. Неопределенная наследственная изменчивость возникает закономерно под влиянием внешних и внутренних факторов, но она случайна по отношению к будущим адаптивным преобразованиям, которые направляются естественным отбором. В силу статистического характера открытых Дарвиным законов они «не дают возможность предвидеть единичный факт, но они позволяют предсказывать результаты, относящиеся к большому числу аналогичных явлений» [47].

Диалектичность концепции Дарвина раскрывалась, по мнению этой группы авторов, и в его трактовке прерывистости и непрерывности в эволюции. Защищая Дарвина от обвинения в вульгарном эволюционизме, как это инкриминировалось ему в работах В. Рожицына и В. Н. Сарабьянова, они пытались показать, что дарвиновское учение о видообразовании раскрывало, как накопление мелких изменений ведет к возникновению нового качества. Эволюция

понималась Дарвином как непрерывный процесс возникновения все новых и новых форм. Возникновение вида означало появление качественно нового способа адаптации к среде и было само по себе скачком в эволюции. Складываясь из мелких скачков, видообразование производит впечатление непрерывного ряда. Непрерывными кажутся и процессы дивергенции, ведущие к возрастанию сложности организмов и открывающие новые зоны существования жизни.

Советские биологи и философы настаивали и на диалектическом характере предложенного в дарвинизме решения проблемы о причинах эволюции. Было показано, что главными механизмами проявления и разрешения противоречий в эволюции являются внутривидовая конкуренция и отбор, которые влекут за собой не только превращение внутривидовых взаимоотношений в межвидовые, но и зарождение все новых и новых типов противоречий. Дарвинизм, по мнению Агола и Слепкова, требует конкретно-исторического подхода к самим причинам и законам эволюции.

В работах Агола, Дубинина, Серебровского и других отмечались и многие другие положения теории Дарвина, вскрывающие объективную диалектику органической эволюции: соотношение прогрессивных и регрессивных изменений, возможности и действительности, формы и содержания, части и целого. И хотя признавалось, что диалектический материализм в учении Дарвина вырабатывался стихийно, тем не менее считалось доказанным, что его «теория последовательнее всех других проводила в биологии идеи материалистического эволюционизма, будучи решительно материалистической и диалектической по своему глубокому существу» [48].

Аналогичных высказываний можно привести немало из публикаций тех лет. Вот почему многие считали, что учение Дарвина должно выполнять роль общебиологической методологии, подобно тому как такую роль выполняет исторический материализм по отношению к общественным наукам. «Значение дарвинизма, — писал Агол, — заключается в установлении и разработке правильного метода исследования огромного фактического биологического материала. Дарвинизм есть прежде всего метод. Вот почему им занимается не только биология, но и философия» [49]. Вместе с тем он показывал, что к очень серьезным ошибкам приводят попытки объявить дарвинизм универсальным методом и применять его за пределами биологии.

Подобные оценки дарвинизма вырабатывались в дискуссиях со сторонниками телеологических, неокатастрофистских

и неоламаркистских концепций эволюции, многих из которых раздражала безапелляционность суждений Агола. Это хорошо показала дискуссия по докладу Агола «Диалектический метод и эволюционная теория» в Комакадемии, состоявшаяся, как уже отмечалось выше, 1 февраля 1927 г. [50]. Например, А. И. Аврамов был не согласен с докладчиком в том, что дарвинизм и есть диалектический метод в биологии. По мнению А. И. Опарина, Агол не показывает отличия живого от неживого, а Боссе просто заявил, что он зря потерял время, слушая, как Агол рассказывает содержание своих опубликованных работ. Даже Левин был не согласен с чрезмерной абсолютизацией методологической роли дарвинизма, якобы охватывающего все области биологии.

Таким образом, далеко не все склонны были согласиться с выводами о тождестве дарвинизма и диалектического материализма. Было немало сторонников других концепций эволюции, которые не менее дарвинистов были уверены в том, что как раз отстаиваемые ими концепции должны стать естественнонаучной основой марксизма.

3.1.3. Недарвиновские концепции эволюции и марксизм

Хотя дарвинизм имел большую поддержку в обществе, в том числе и в академическом сообществе, чем когда-либо прежде, критическое отношение к классическому дарвинизму стало намного сильнее именно после революции. Взгляды на факторы и закономерности эволюции были очень различны. Все подходы к эволюционным проблемам, занимавшим тогда мировую науку, имели своих сторонников и среди русских биологов.

В послереволюционной России существовали три главные недарвиновские доктрины: автогенез, мутационизм-неокатастрофизм или сальтационизм и неоламаркизм. Их сторонники были и среди философов-марксистов.

На первых порах особый интерес вызвал «Номогенез» (1922) Л. С. Берга, где были сведены главные возражения дарвинизму, выдвинутые за шестьдесят лет его существования.

Доктрина Л. С. Берга была очень оригинальной автогенетической концепцией, сравнимой по обилию фактических доказательств только с теорией самого Ч. Дарвина. Не случайно в 1926 г. эта книга была издана за рубежом (*Berg L. S.* Nomogenesis or Evolution Determined by Law. London). Подобно другим автогенетическим доктринам, номогенез базировался на убеждении в существовании внутрен-

него стремления к прогрессивному развитию и в изначальной целесообразности живого. Но в него были включены и другие положения: эволюция есть развертывание уже существующих зачатков; она строго направлена, так как наследственная изменчивость управляется жесткими законами; эволюционные изменения, вызываемые внутренними факторами, всегда внезапны; эволюционные изменения, вызываемые прямым воздействием «географического ландшафта» на зародышевую плазму всех обитателей данного региона, как правило, постепенны, но и они строго детерминированы. По мнению Берга, дарвинизм давно стал тормозом для развития эволюционной теории, которое возможно при отказе от «ложного предположения о борьбе за существование, отборе как факторах прогресса» [51].

Вскоре А. А. Любищев (1925) фактически поддержал автогенетические построения Берга, выдвинув, правда, собственную доктрину «филогенетического преформизма», в которой подчеркивал необходимость дополнить динамический подход в изучении организмов статичным и призывал начать исследование закономерностей форм организмов. И Берг, и Любищев считали, что естественный отбор был ситом, а не творческим фактором эволюции, так как отбор мог лишь или элиминировать, или сохранить новую форму, но не был причастен к ее возникновению.

Любищев сформулировал четыре основных апории: «эволюция (трансформизм) и постоянство», «эволюция (преформация) и эпигенез», «эволюция и революция», «эволюция и эманация». Он говорил о глубоком кризисе трансформизма и о «революционном происхождении всех наиболее крупных достижений по пути развития органического мира» [52]. В соответствии с традициями 20-х гг. Любищев характеризовал свои взгляды как диалектические и утверждал, что револющионность и периодичность в эволюции жизни свидетельствуют о «спиралеобразном характере филогенеза, что, видимо, является одной из существенных особенностей гегелевской диалектики» [53]. В конечном счете в этом он видел действие некоего «единого закона диалектического развития организма». Однако подобная суперреволюционная терминология не способствовала популярности аргументации Любищева среди биологов и не спасла его от критики со стороны марксистов.

Многие дарвинисты, например, Н. И. Вавилов и Ф. Г. Добржанский, симпатизировали теории Берга, когда она только появилась [54]. По воспоминаниям Е. И. Лукина [55], в дискуссиях, проходивших в Харькове в 1922—

1923 гг. в связи с публикацией «Номогенеза», участвовали преподаватели разных институтов и присутствовало много студентов, которые с интересом слушали выступавших ораторов. И хотя среди биологов не оказалось открытых приверженцев Берга, но его воззрения оказывали влияние на тех биологов, которые не разделяли дарвинистских воззрений о естественном отборе как главной причине эволюции. На состоявшемся в 1926 г. 2-м Всесоюзном ботаническом съезде целое заседание было посвящено обсуждению теории номогенеза.

Тем не менее, она была атакована с разных сторон как по биологическим, так и идеологическим соображениям. Как новую вылазку антидарвинизма ее оценили биологи старшего поколения В. М. Шимкевич, А. М. Никольский, В. И. Талиев и др. [56]. Даже Ю. А. Филипченко, сочувственно относящийся к автогенезу, признавал уязвимость биологической аргументации Берга [57].

Более молодые биологи-марксисты оценивали эту доктрину как виталистическую и несовместимую с диалектическим материализмом [58]. В ряде работ дан и критический разбор философских основ номогенеза, указано на логические ошибки Берга и противоречивость ряда его высказываний, на близость номогенеза к витализму в трактовке органической целесообразности, признанной изначальным свойством жизни [59]. Автор «Номогенеза» критиковался также за абсолютизацию необходимости и отрицание случайности в эволюции, за непризнание статистического характера детерминации, за абсолютизацию скачков и т. д. Например, Агол, подводя итог критике номогенеза, считал, что закономерность у Берга получает идеалистическую окраску, «поскольку эта закономерность по сути дела есть только псевдоним имманентной телеологии» [60].

Выступая 25 ноября 1923 г. на пленарном заседании НОМ, А. П. Омельченко в докладе «Новый антидарвинизм» уверял, что если дарвинизм дает твердую естественнонаучную основу для борьбы с богословием, то номогенез, напротив, под оболочкой последнего слова науки выражает идею «творческого начала» [61]. Для него дарвинизм был историчен и монистичен, а номогенез метафизичен и дуалистичен. Резко критиковались и те философы-марксисты (Рожницын, Сарабьянов), которые взгляды Берга на эволюцию поспешили объявить всецело соответствующими марксизму.

В опубликованном в 1928 г. сборнике критических статей в адрес номогенеза редактор сборника Б. М. Козо-Полянский возмущался тем, что в статье о номогенезе в БСЭ

(1-е изд, т. 5) номогенез был охарактеризован только как крайне спорная теория, а не осужден за свой телеологический характер. Не получили поддержки и эволюционные взгляды Любищева, хотя он сам был уверен, что «филогенетический преформизм» стоит ближе к диалектическому материализму, чем любая другая гипотеза эволюции.

Фактически обе автогенетические гипотезы стали первыми естественнонаучными концепциями, которые были осуждены у нас в стране по идеологическим соображениям. Инициаторами этого осуждения выступили авторитетные биологи-дарвинисты старшего поколения. И хотя идеи, близкие к номогенезу, можно было впоследствии встретить в сочинениях В. Н. Беклемишева, А. А. Заварзина, П. Г. Светлова, идеологический характер критики Берга и Любищева обусловил их забвение на долгие годы. Чаще всего их вспоминали только для того, чтобы лишний раз призвать к «разоблачению идеалистической концепции» [62]. Стремясь не допустить избрания Берга в Академию наук, сторонники Лысенко в 1939 г. писали в газете «Правда», что книга Берга — «законченный антидарвинистский трактат, усиливающий позиции идеализма и поповщины», и что «на „Номогенез“ Берга ссылаются активные антидарвинисты, вроде фашиствующего палеонтолога Шиндевольфа» [63].

Не случайно впоследствии сторонники дарвинизма и номогенеза были едины в борьбе против лысенкоизма. Все они понимали, что это борьба науки против обскурантизма. Вот почему дарвинист В. Н. Сукачев и убежденный антидарвинист А. А. Любищев выступали против Лысенко совместно в 50-х гг. Поэтому и приспешники Лысенко преследовали одновременно номогенетика Л. С. Берга и дарвиниста Н. К. Кольцова. Однако номогенетики, осужденные уже в середине 20-х гг. по идеологическим мотивам, старались не заявлять открыто о своих взглядах. Лишь с начала 70-х гг., когда интеллектуальная оппозиция марксизму стала не только возможной, но и все усиливалась в нашей стране, интерес к идеям Берга и Любищева резко возрос. Их главные эволюционные труды были переизданы в конце 70-х—начале 80-х гг., что вызвало новую полемику вокруг идей Берга и Любищева. Были ученые, которые частично поддержали их, но в настоящее время, когда исчезли политико-идеологические мотивы для поддержки или осуждения биологических концепций 20-х гг., интерес к ним в значительной степени уменьшился, на этот раз уже без всякого идеологического давления со стороны властей.

Нет оснований считать вместе с Ю. В. Чайковским, что переход ряда биологов (например, Н. И. Вавилова) от сочувственного отношения или даже поддержки номогенетических идей Берга к их критике был обусловлен чисто конъюктурными соображениями [64]. Публикация этих концепций произошла незадолго до первых шагов по преодолению кризиса дарвинизма путем синтеза теории естественного отбора с популяционной генетикой. В конце 20-х—начале 30-х гг. целая группа биологов Германии, США и Англии (в том числе будущие создатели синтетической теории эволюции Б. Ренш и Э. Майр) изменили свои воззрения в пользу дарвинизма. Без всякого давления со стороны государственного аппарата и другой создатель этой теории Ф. Добржанский не стал сторонником номогенеза, хотя, по собственному признанию, был близок к этому [65].

В отличие от автогенетических доктрин различные объяснения, базировавшиеся на идеях сальтационизма и неокатастрофизма в широком смысле этого слова, были популярны среди эволюционистов в 20-е гг. Эти объяснения касались не только внезапного возникновения новых органов или типов, но и крупномасштабных трансформаций целых флор и фаун. Именно в эти годы были опубликованы оригинальные гипотезы эктогенетического неокатастрофизма таких выдающихся палеонтологов и палеоботаников, как А. Н. Криштофович, М. В. Павлова, А. П. Павлов, П. П. Сушкин, Н. Н. Яковлев, ботаник М. И. Голенкин и др. [66]. Массовые вымирания в геологическом прошлом и неполнота фоссилизированных остатков были главными аргументами сальтационизма.

В наиболее целостном виде неокатастрофизм был изложен в трудах харьковского геолога и палеонтолога Д. Н. Соболева [67]. Его книга «Начала исторической биогенетики» была одной из первых попыток объяснить крупные изменения флор и фаун в геологическом прошлом на базе синтеза идей о факторах и законах макроэволюции, выдвинутых в автогенетических и эктогенетических концепциях сальтационизма [68]. Центральной идеей его концепции стали представления о циклах в коренных преобразованиях органического мира как целостной системы, находящейся в неразрывном единстве с абиотической средой. Автор выдвинул оригинальную идею о сопряженном характере органической эволюции и крупными изменениями на поверхности Земли. История органического мира и Земли изображалась как закономерная совокупность циклов революционных и эволюционных преобразований, управляемых специфически-

ми факторами и законами эволюции. При этом повышение уровня организации признавалось основной тенденцией в развитии органического мира. «Как правило, новый цикл достигает большей эволюционной высоты по сравнению с предыдущим...» [69].

В целом сальтационизму в те годы не было уделено должного внимания из-за того, что эволюционисты были увлечены дискуссиями между мутационистами, механоламаркистами и дарвинистами. В то же время многие ортодоксальные дарвинисты поспешили отвергнуть эти концепции, указав на их близость к катастрофическим идеям Ж. Кювье. Особенно досталось Д. Н. Соболеву, концепция которого была оценена как разновидность номогенеза. Так, например, А. М. Никольский критиковал Соболева за абсолютизацию автогенетических факторов эволюции, за отрицание объективного характера целесообразности, преувеличение роли случая в эволюции, придание ведущего значения в эволюции скачкообразным преобразованиям и т. д. [70]. Вместе с концепциями Берга и Любищева историческая биогенетика Соболева стала излюбленным примером открыто идеалистических и телеологических концепций эволюции в трудах диалектизаторов биологии. Так, например, крупный палеонтолог Л. Ш. Давиташвили, предпочитавший критику своих оппонентов вести с использованием идеологических и политических обвинений, уверял, что «любой естествоиспытатель, свободный от реакционных взглядов, столь сильных в наше время в науке капиталистических стран, откажется принять» [71] концепцию Соболева.

Немного сторонников среди биологов тогда имели и концепции мутационизма и гибридогенеза. Лишь отдельные элементы гибридогенеза и мутационизма можно встретить в работах Н. И. Вавилова, М. Г. Попова и Ю. А. Филипченко, опубликованных в 20-е гг. Но вскоре Вавилов выступил с критикой теории Бэтсона и Лотси, признав, что «единственную до настоящего времени научную материалистическую попытку объяснения эволюции представляет теория естественного отбора» [72].

Однако мутационная теория де Фриза была подвергнута проверке на диалектичность со стороны молодых биологов-марксистов и философов. Следуя за К. Каутским и Г. В. Плехановым, оценившим в начале XX в. эту теорию как новейшее естественнонаучное обоснование диалектического материализма и как путь к преодолению плоского эволюционизма в дарвинизме, некоторые ранние диалектизаторы биологии заявили, что именно де Фриз наиболее правильно решил вопрос о смене революционных и эволюционных фаз в истории органического мира [73]. Были и резкие выступления против мутационизма. Так, Д. Гульбе утверждал, что в теории мутаций проблема причинности и некоторые другие вопросы решались виталистически, метафизически и даже идеалистически [74]. Де Фризу досталось от Гульбе за отрицание непрерывности изменений, игнорирование влияния внешней среды, отрицание связи периодов стабильности вида с периодами его коренных преобразований, отрыв количественных изменений от качественных. В позиции автора видно стремление свое понимание диалектического материализма представить как эталон для проверки естественнонаучных концепций. Гульбе был уверен, что теория де Фриза, «несостоятельная с точки зрения диалектического материализма, неизбежно должна оказаться несостоятельной и перед лицом современного естествознания» [75].

Но такая негативная оценка мутационной теории де Фриза вызывала и резкие возражения. Указывалось на близость теории де Фриза и дарвинизма в вопросах о роли крупных и мелких мутаций в эволюции, о наследственной изменчивости как материальной предпосылке отбора, о роли мутаций и отбора в эволюции [76]. Как показало дальнейшее развитие биологии, в целом был верным вывод И. М. Великанова, что теории де Фриза и Дарвина «не исключают друг друга, создавая стройную общую теорию развития органической жизни на Земле» [77].

Однако и номогенетические, и сальтационистские (мутационистические) концепции эволюции были надолго элиминированы из отечественной биологии, и лишь отдельные их идеи в утрированной форме возродились в конце 40—начале 50-х гг. в концепциях лысенкоистов.

3.1.4. Механоламаркизм и дарвинизм: начало трагического противостояния

В отличие от номогенетических и мутационистских построений концепция механоламаркизма прочно укоренилась в нашей стране. Анализ причин широкого распространения механоламаркизма и дискуссий вокруг проблемы наследования приобретенных признаков не раз становился предметом исследований отечественных и зарубежных авторов [78]. Такой интерес объясняется прежде всего тем, что эти дискуссии сыграли важнейшую роль в последующей истории отечественной биологии. Подвергнутый аргументированной и детальной критике со стороны генетиков, эволюционистов

различных специальностей и философов, механоламаркизм не только не сошел с научной арены, но, напротив, стал одним из основных теоретических источников лысенкоизма. Именно в трудах механоламаркистов создатели советского творческого дарвинизма пытались найти фактологическое, в том числе и экспериментальное, обоснование своих воззрений, а также заимствовали некоторые теоретические принципы и философские рассуждения.

Некоторые механоламаркисты (Г. Г. Боссе, Б. А. Келлер, С. С. Перов), участники дискуссий 20-х гг., поддержали теоретические построения Т. Д. Лысенко и И. И. Презента. Другие же (А. П. Владимирский, Ю. М. Вермель, В. Л. Комаров, Б. С. Кузин, П. В. Серебровский) по разным причинам не вмешивались в споры вокруг проблемы наследования приобретаемых признаков в 30-х гг. Сама проблема к тому времени, по мнению Комарова [79], стала главным лозунгом в борьбе против генетики и дарвинизма, которая постепенно стала превращаться в борьбу за «советский творческий» дарвинизм. В этой борьбе лысенкоисты явно были неприемлемы из-за своего воинствующего невежества для таких механоламаркистов, как Владимирский и Комаров, симпатии которых в этих схватках явно были на стороне генетиков. Некоторые активные ламаркисты пострадали в сталинских репрессиях и погибли в тюрьмах и лагерях (Ю. М. Вермель, П. В. Серебровский).

Тем не менее, идейно-теоретическая близость отечественного механоламаркизма и лысенкоизма оказала воздействие на характер анализа дискуссий тех лет. Многие работы по истории ламаркизма в 20-х гг. в СССР, и прежде всего фундаментальные исследования Л. Я. Бляхера «Проблема наследования приобретаемых признаков» (1971) и А. Е. Гайсиновича «Зарождение и развитие генетики» (1988), написаны участниками борьбы с ламаркистами и лысенкоистами. Авторам трудно было дистанцироваться от пережитых событий. Это обуславливало некоторую вульгаризацию действий их идейных противников и соответствующую идеализацию единомышленников.

Те же тенденции прослеживаются и в трудах других авторов, написанных с целью реабилитации генетиков и сторонников дарвинизма [80]. Не разделяя наметившиеся в ряде исторических работ тенденции поставить на одну доску лысенкоистов и дарвинистов, т. е. палачей и сопротивлявшихся им жертв, я считаю, что теперь, когда трагическая судьба генетики и эволюционной теории в нашей стране стала известна каждому любознательному школьнику, необходимо

изменить акценты в изображении начала этого трагического противостояния дарвинизма и ламаркизма в 20-е гг. Нельзя забывать, что в те годы спор между противниками и сторонниками принципа наследования приобретаемых признаков шел в рамках науки и в целом этот спор отражал реалии мировой науки, когда не было решено, кто же прав в трактовке этой проблемы. Более или менее беспристрастный подход к архивным материалам и опубликованным в те годы работам свидетельствует, что все участники дискуссий были детьми своего времени и использовали в борьбе против своих идейных противников нередко одни и те же методы и приемы. И ламаркисты, и дарвинисты в равной степени прибегали к идеолого-политическим и философским аргументам в отстаивании своих взглядов, да и с этической точки зрения действия отдельных представителей того и иного лагеря вызывают сходные оценки.

Тот факт, что принцип наследования приобретаемых признаков стал краеугольным камнем лысенкоизма, ни в коей мере нельзя поставить в вину сторонникам механоламаркизма. Ведь давно известно, что лысенкоизм — это не научное направление, а социально-политическое явление периода сталинизма. «Научная теория» лысенковцев — это уродливая мешанина каких-то обломков науки, не связанных друг с другом, и донаучных верований. Здесь можно найти фрагменты дарвинизма, автогенеза, телеологенеза и даже психоламаркизма. Однако вряд ли на этом основании можно делать вывод о сходстве, а тем более родстве лысенковщины с этими эволюционными концепциями. То же самое следует сказать и об отношении механоламаркизма и лысенкоизма. Эти соображения и заставляют нас вновь вернуться к дискуссиям между ламаркистами и дарвинистами в 20-е гг., ход и характер которых хорошо проанализированы в заслуженно получивших мировое признание работах Л. Я. Бляхера, А. Е. Гайсиновича и И. Т. Фролова.

Прежде всего отметим, что активность ламаркистов в 20-е гг. отнюдь не связана с симпатиями некоторых вождей советского государства к ламаркизму. Как прекрасно показано в книге «Эволюционный синтез» [81], в написании которой участвовали практически все крупнейшие немецкие, английские, французские и американские биологи-эволюционисты и историки эволюционной теории, во всех странах в это время шли дискуссии между сторонниками и противниками принципа наследования приобретаемых признаков. Нельзя игнорировать и традиции отечественного дарвинизма, апостолы которого (А. Н. Бекетов, В. В. Заленский,

К. А. Тимирязев и др.) всегда принимали принцип наследования приобретенных признаков как существенное дополнение к теории естественного отбора. И в послереволюционные годы авторитетные ботаники И. П. Бородин, А. А. Еленкин, В. Л. Комаров, В. М. Любименко, зоологи А. П. Владимирский, М. А. Мензбир были склонны к механоламаркизму, они рассматривали ламарковские идеи скорее как некую модификацию классического дарвинизма, чем как противопоставление учению о естественном отборе.

Так, например, А. А. Еленкиным разрабатывалась гипотеза эквивалентогенеза, в которой реставрировалась идея подвижного равновесия, когда развитие трактовалось как простое увеличение или уменьшение под влиянием внешней среды [82]. В. Л. Комаров продолжал начатую еще П. Ф. Лесгафтом и В. В. Половцевым линию на истолкование эволюционной идеи Ламарка как последовательно материалистической и на замалчивание телеологических сторон его построения [83]. Б. А. Келлер утверждал, что разовые изменения, результаты травм и увечий не могут наследоваться, но длительные модификации, сохраняющиеся в течение многих поколений, могут переходить в мутации [84]. Он полагал, что учет времени как фактора эволюции придаст дарвинизму современный вид.

Поэтому не случайно в первой половине 20-х гг. многие биологи в СССР были искренне уверены в том, что в условиях кризиса эволюционной теории ламаркизм лучше, чем любая другая теория, объясняет все кажущиеся противоречивыми факты и положения, накопленные экспериментальной и теоретической биологией. Эта точка зрения была четко выражена в книге московских зоологов Е. С. Смирнова, Ю. М. Вермеля и Б. С. Кузина [85]. Авторы были уверены, что «эволюция есть чистый эктогенез», а «главным решающим фактором эволюционного процесса является среда», изменения которой «определяют направления эволюционного процесса, создают новые структуры и изменяют существующие» [86]. Эти положения оценивались как необходимые для признания причинной обусловленности эволюции, ее закономерного характера, единства организма и среды. При этом утверждалось, что генетика ничего не дает для понимания процессов эволюции, так как отрицает наследование приобретаемых признаков. В предисловии к этой книге Б. М. Завадовский назвал эпигонами тех, кто якобы не хочет видеть «естественного развития дарвинизма», усматривая в нем «мертвую догму, в которой все должно остаться в неприкосновенности и которая уже разъяснила

все и вся» [87]. Он констатировал разделение биологов на два непримиримых лагеря в трактовке всех основных проблем эволюционной теории и призвал к поиску путей нового синтеза.

Эта книга положила начало многолетним дискуссиям, в которых многие философы и биологи стремились доказать неразрывную связь ламаркизма и марксизма. Это даже закрепилось в курьезной опечатке «ламарксизм». Биологи-ламаркисты предприняли немало усилий, чтобы доказать существование прямого приспособления и наследования приобретенных признаков [88]. Принципы механоламаркизма казались более очевидными и понятными широкому кругу биологов и философов, чем положения дарвинизма о причинах эволюции как сложном взаимодействии многих факторов, интегрируемом отбором. Внешняя «доказательность» выводов экспериментального механоламаркизма использовалась механицистами, которые наряду с другими новейшими достижениями естествознания (квантовая физика, теория относительности) отрицали и данные генетики, как не укладывающиеся в механистическую картину мира [89].

Эти попытки обосновать принцип наследования приобретаемых признаков фактически сразу вызвали резкое неприятие со стороны генетиков: Ф. Добржанского, Н. К. Кольцова, Ю. А. Филипченко, С. С. Четверикова [90].

В то же время на страницах журнала «Под знаменем марксизма» появилась серия статей, авторы которых или прямо поддерживали механоламаркистов, или ратовали за некий синтез ламаркизма и дарвинизма. Так, В. Н. Слепков протестует против забвения генетиками и евгениками факторов внешней среды в формировании организмов и человека и считает методологически недопустимым разделять организм на генотип и фенотип, так как у генетиков нет точных данных о соотношении наследственности и среды в формировании человека [91]. В рецензии на брошюру Т. Моргана и Ю. А. Филипченко Слепков прямо заявляет, что лишь эктогенетическая точка зрения является истинной и материалистической, а отказ от принципа наследования приобретаемых признаков был для него в то время равносилен признанию телеологических, мистических принципов автогенеза [92]. Вскоре Слепков станет убежденным сторонником генетики и уже в ней будет усматривать последовательный диалектический материализм.

В том же году Ф. Ф. Дучинский выступил с предложением объединить принципы дарвинизма и ламаркизма. Он полагал, что «синтетическое сочетание в дарвинизме основ-

ных идей Ламарка и принципа отбора Дарвина исключают всякую возможность противопоставлять друг другу ламаркизм—дарвинизм» [93]. Отказ от наследования приобретаемых признаков, по его мнению, означал ревизию дарвинизма, после которой невозможно последовательное материалистическое объяснение эволюции. «Должны будут подвергнуться переоценке и самые основы марксизма» [94]. Гены представлялись ему какими-то таинственными существами, развивающимися по имманентным законам «совершенно независимо и обособленно от жизни организма, от всех окружающих их физико-химических условий телесной среды» [95]. В дилемме ламаркизм—дарвинизм усматривалось столкновение автогенетических и эктогенетических трактовок причин эволюции. За синтез ламаркизма и дарвинизма ратовали в те годы и некоторые старейшие отечественные биологи-эволюционисты [96].

Уже хорошо усвоивший марксистскую фразеологию Б. М. Завадовский подобный синтез изображал как конкретизацию принципа единства противоположностей. Затянувшиеся споры ламаркизма и дарвинизма были для него «схоластическими пережитками прошлых разногласий, основанными на одностороннем понимании всего объема проблем эволюции» [97], а сам синтез этих концепций для него состоял в том, «чтобы признать эволюционный процесс функцией как внутренних, так и внешних факторов». Имея весьма солидный опыт экспериментальных, но неудачных попыток наследственного закрепления превращения аксолотлей в половозрелых амбистом без кормления их гормонами щитовидной железы, Завадовский считал, что именно внутренним факторам принадлежит ведущая роль в эволюции, и поэтому дарвинизм и генетика ему представлялись более обоснованными концепциями, чем ламаркизм [98]. Спор дарвинистов и ламаркистов, по его мнению, по существу является спором о роли внешних и внутренних факторов в эволюции, т. е. спором сторонников эпигенеза и преформизма. В целом он считает, что эволюция организмов скорее идет в соответствии со взглядами преформистов, чем эпигенетиков. Но вместе с тем Завадовский категорически не приемлет проведение линии водораздела материализма и идеализма между ламаркизмом и дарвинизмом.

Ниже мы подробнее остановимся на наметившейся уже тогда тенденции использовать в качестве абсолютной истины высказывание Энгельса об эволюционном значении прямого приспособления и наследования приобретенных признаков. В неприятии наследования приобретенных признаков

ряд биологов, общественных деятелей и философов склонны были усматривать политические и классовые корни, якобы заставляющие противников механоламаркизма отрицать возможность воспитания всесторонне развитого человека из представителей рабочего класса и крестьянства. И хотя надуманность этих аргументов была не раз показана в работах Н. П. Дубинина, Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского, Ю. А. Филипченко, ростки подобного упрощенного понимания взаимосвязи эволюционной теории и социальной практики не только не были искоренены, но и стали доминировать в рамках «творческого дарвинизма».

Спор ламаркистов и дарвинистов разгорелся в момент институционализации биологических исследований на базе методологии диалектического материализма. Как выше уже отмечалось, первой такой организацией было НОМ в Ленинграде, секретарем естественнонаучной секции которого был известный орнитолог П. В. Серебровский. Он не раз выступал на заседаниях секции и пленарных лекциях общества с докладами «Внешняя среда как фактор эволюции», «Основные черты органической эволюции», «К вопросу о наследовании приобретенных признаков» и др., в которых критиковал дарвинизм и защищал механоламаркизм [99].

Так, например, в 1926 г. в докладе «Старый и новый дарвинизм» Серебровский доказывал, что теория естественного отбора является телеологичной, поскольку в ней все признаки объявляются полезными и игнорируется формообразующее влияние внешней среды [100]. По мнению Серебровского, не случайно сам Дарвин впоследствии обратился к материалистическому учению Ламарка. Для него материализм в биологии означал прежде всего унаследование прямых воздействий внешней среды и результатов упражнения и неупражнения органов. Полезным он признавал использовать и термин ортогенез как обозначение направленных изменений организмов в ряде поколений под воздействием внешней среды. Поэтому неодарвинизм, по утверждению Серебровского, противоречит диалектическому материализму. Через два года он, правда, уже признавал, что между марксизмом и дарвинизмом есть много общего, и прежде всего в стремлении найти материальные причины развития природы и общества. Однако, по его словам, в теории Дарвина много неясного, неточного, что заставляет относиться к нему критически [101].

В те годы естественнонаучная секция НОМ была весьма малочисленна, в ней не было ни одного генетика или сторонника неодарвинизма. Поэтому взгляды Серебровского не

4 Зак. 3008

вызывали серьезных возражений в Ленинграде. В какой-то степени сходные мотивы звучали во многих докладах Н. А. Гредескула по энгельсовской концепции происхождения человека, так как Гредескул считал дарвинизм всецело эктогенетической концепцией, где внешней среде отводится ведущая роль в эволюции [102]. По существу с позиций механоламаркизма оценивал современное состояние дарвинизма и будущий президент АН СССР ботаник В. Л. Комаров. Выступая 23 декабря 1928 г. на пленарном заседании НОМ, Комаров утверждал, что дарвинизм не дает ответа на вопрос о причинах возникновения полезных изменений, которые появляются не у отдельных особей, а у всех организмов, входящих в биологическое сообщество, под влиянием геологических изменений в соотношении суши и моря, преобразований климата и т. д. [103].

Идеи неоламаркизма первоначально нашли поддержку и у С. Г. Левита, создателя и бессменного руководителя Кружка врачей-материалистов на медицинском факультете 1-го МГУ. Он первоначально считал, что для марксистов нет сомнения в том, что внешней среде принадлежит общая направляющая сила эволюции [104]. Позднее он выступил с резкой критикой медицинского учения о конституции, охарактеризованного им как мистическое, реакционное и буржуазное [105]. Это учение, по его мнению, не допускало возможности наследования приобретенных признаков, в то время как пролетариатом СССР, а вслед за ним и передовыми русскими врачами подобная возможность стихийно давно уже признана. Он отрицал даже существование наследственных болезней, так как в противном случае была бы якобы бесполезной вся профилактическая медицина. В критике принципа наследования приобретенных признаков Левит готов был использовать политические, классовые соображения, связанные с признанием неизменными наследственных конституционных типов. Впоследствии сам Левит признавал, что первоначально члены созданного им кружка были стихийными ламаркистами, но постепенно они изжили в обществе «пышным цветом расцветавший в нем ламаркизм» [106].

Ламаркистская тематика исследований первоначально укоренилась и в планах Тимирязевского научно-исследовательского института изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма [107]. В качестве философской платформы для деятельности института были выбраны труды сторонников И. И. Скворцова-Степанова, т. е. механистический материализм. Как показал А. Е. Гай-

синович, в возглавляемом С. Г. Навашиным отделении экспериментальной биологии на базе цитологии пытались доказать отсутствие преемственности ядерных структур и эпигенетический характер их возникновения в развитии клетки. Еще сильнее ламаркистские идеи овладели умами сотрудников отделения биологических факторов социальных явлений, руководимого Г. Г. Боссе, и отделения истории и методологии естествознания, возглавляемого А. К. Тимирязевым. В задачи первого из них входило установление материалистической зависимости между действующими факторами и реакциями организмов, а также влияние внешних факторов на зародышевую плазму и наследование приобретенных признаков. В планах второго подразделения значились такие темы, как «Ламаркизм и марксизм» В. А. Обуха и «Модели жизни и принцип Ле-Шателье в биологии» Г. Г. Боссе.

Вскоре в дискуссию между ламаркистами и генетиками-дарвинистами оказалась вовлечена Комакадемия [108], которая для экспериментальной работы в области биологии пользовалась материальной базой ряда институтов и лабораторий. Приоритет сперва получили вопросы формообразования и наследования приобретенных признаков у кур и аксолотля (Б. М. Завадовский), материальных основ наследственности и эволюции клеточных структур (М. С. Навашин) и влияние физико-химических факторов на процессы жизнедеятельности организмов и выработку новых адаптаций (Д. Л. Рубинштейн). В отчетах секции вскоре появились и темы «Проблемы эпигенеза» П. А. Новикова, «Наследственное осуществление» Н. А. Ильина и т. д. Вскоре Президиум Комакадемии принял решение установить тесные контакты с Тимирязевским научно-исследовательским институтом, для чего А. К. Тимирязев был введен в состав Президиума Академии, а председатель секции естественных и точных наук О. Ю. Шмидт делегирован в президиум Института. К секции естественных и точных наук тяготела и группа коммунистов, прошедших гражданскую войну и пришедших в науку после окончания МГУ и ИКП (И. И. Агол, М. Л. Левин, С. Г. Левит, В. Н. Слепков и др.). Первоначально они участвовали в работе Кружка врачей-материалистов и впоследствии создали Кружок биологов-материалистов.

В январе 1926 г. по поручению Президиума Комакадемии О. Ю. Шмидт обратился с предложением к известному австрийскому механоламаркисту П. Каммереру приехать в СССР [109]. Во время его пребывания в Москве в мае 1926 г. было принято решение стимулировать создание для

Каммерера специальной лаборатории в Комакадемии для экспериментальных работ по наследованию приобретаемых признаков. Его сотрудниками должны были стать Е. С. Смирнов, Ю. М. Вермель, Б. С. Кузин. Директор Московского зоопарка М. М. Завадовский предложил Каммереру возглавить часть зоопарка. Каммерер принял приглашение, но, как известно, его переезд в Москву не состоялся. 23 сентября 1926 г. он покончил жизнь самоубийством после публикации статьи Нобла в журнале «Nature» о фальсификации результатов его исследования о наследственном увеличении пигментации на брачных мозолях жабы-повитухи. Убедившись в справедливости обвинения, ставящего под сомнение его научную добросовестность, и запутавшись в личных проблемах, Каммерер ушел из жизни. В своем предсмертном письме он заявил о своей непричастности к этому подлогу.

Его советские единомышленники постарались представить, что Каммерер пал жертвой со стороны клерикалов и виталистически настроенных буржуазных ученых, не желавших простить ему приверженность материализму [110]. Более того, в некрологе по поводу смерти П. Каммерера в «Вестнике Комакадемии» утверждалось, что руководство Комакадемии якобы получило от некого Четверикова открытку с поздравлением по поводу самоубийства Каммерера. И хотя тут же сообщалось, что ни биолог С. С. Четвериков, ни психолог И. П. Четвериков, ни статистик Н. С. Четвериков не являются авторами открытки [111], обвинения генетиков в том, что они участвовали в травле Каммерера, продолжали звучать в советской печати вплоть до конца 80-х гг. К несчастью, пророческими оказались слова редакции «Вестника Коммунистической академии», что некролог о П. Каммерере будет «одновременно черной доской для застрявшего в СССР представителя мракобесия» [112], под которым здесь явно понимались противники идеи наследования приобретенных признаков.

Через два года на экраны вышел снятый по сценарию А. В. Луначарского фильм «Саламандра», где в форме политического детектива доказывалась классовая подоплека спора о наследовании приобретаемых признаков и гибель Каммерера изображалась как результат заговора клерикалов, банкиров, фашистов, фальшивомонетчиков. Впоследствии, столкнувшись с резкой критикой этого фильма со стороны зарубежных и советских ученых, Луначарский сознавался, что он не слишком компетентен в биологии, но испытывает искреннюю симпатию к сторонникам идеи прямой зависимости животных форм от среды, что якобы позволит разрушить веру в существование наследственной аристократии [113]. Так глава Наркомпроса старался своим авторитетом поддержать аргументы сторонников наследования приобретенных признаков.

Имя Каммерера не раз впоследствии использовали как его сторонники, так и противники. Первые не упускали возможности лишний раз напомнить о трагической судьбе ученого и его дочери, оставшейся без средств к существованию после смерти отца, и ходатайствовали о покупке его библиотеки, назначении пенсии дочери, установке памятника на его могиле и т. д. [114]. Вторые же старались прямо или косвенно напомнить о сомнительности его научной деятельности. Так, например, М. Л. Левин отмечал, что библиотека Каммерера имеет малую ценность и при знакомстве с ней он был поражен тем, что «ничего общего с библиотекой ученого она не представляет» [115]. В ней собран ряд случайных книг, лежащих за пределами специализации Каммерера. Нет ни одной серьезной работы по философии.

Созданную для Каммерера лабораторию возглавил М. С. Навашин, а его заместителем стал Е. С. Смирнов. В число сотрудников были включены Ю. М. Вермель и Р. И. Белкин. Естественно, что при таком составе тематика лаборатории была направлена прежде всего на воспроизводство опытов П. Каммерера о влиянии среды на наследственные изменения окраски взрослых саламандр и изменения инстинкта размножения у жабы-повитухи. Кроме того, Смирнов изучал влияние температуры на наследственное закрепление изменения окраски у божьих коровок, Вермель исследовал воздействие механических функций на структуру костей у позвоночных животных, механизмы регенерации сифона у асцидий, роль функциональных приспособлений в онтогенезе и филогенезе [116]. Сам руководитель лаборатории М. С. Навашин, будучи в те годы противником хромосомной теории наследственности, до отъезда в командировку в Америку, в Калифорнийский университет к Э. Бэбкоку, на исследованиях поведения хромосом Crepis и их гибридов доказывал неверность утверждений о постоянстве хромосом и их индивидуальности [117]. Он отрицал преемственность хромосом при делении клетки и само образование «заново» хромосом в каждом клеточном поколении оценивал как механизм, способный пролить свет на проблему происхождения жизни [118].

Более разнообразные мотивы звучали в докладах на заседаниях секции естественных и точных наук Комакадемии, где докладами Б. М. Завадовского (28 ноября 1925 г.) [119]

и А. С. Серебровского (12 января 1926 г.) была начата дискуссия об отношении ламаркизма, дарвинизма и генетики к марксизму [120]. Завадовский, как и раньше, повторил свои доводы о необходимости синтеза дарвинизма и ламаркизма. Серебровский же отметил, что противопоставление теории Моргана-Менделя марксизму основано на недоразумении. Само противоречие марксизма современной науке могло свидетельствовать, по его мнению, только о неразработанности самого марксистского мировоззрения. Возможно, не желая быть заподозренным в нелояльности к марксизму, Серебровский далее свой доклад построил не на усовершенствовании марксизма, а на доказательстве несправедливости обвинений генетики в абсолютизации неизменности генов, в постулировании неких нематериальных факторов, в отрыве организма от среды. Большое место в докладе заняла критика ламаркизма, которому досталось за абсолютизацию целесообразности реакции организма на воздействие внешней среды. Здесь прозвучали и широко известные утверждения Серебровского о громадной хозяйственной значимости генетических исследований и его предложение о создании генофонда для воспроизводства талантливых людей.

Вопреки существующей традиции прения по докладу Серебровского не были опубликованы. Из стенограммы же видно, что не только противники генетики (Б. С. Кузин, А. К. Тимирязев, О. Б. Лепешинская, Е. С. Смирнов) осудили «метафизическую» и «антиматериалистическую» позицию Серебровского, но и сочувствовавшие генетике М. Л. Левин и С. Г. Левит были удивлены тем, что Серебровский сделал слишком большой упор на непознаваемости причин мутаций.

27 мая 1926 г. с докладом «Проблема наследования влияния среды и эволюция» выступил Е. С. Смирнов, вызвав гневную отповедь со стороны А. С. Серебровского и С. С. Четверикова [121]. Далее прошла серия дискуссий, в которых, как правило, участвовали одни и те же лица. Особый интерес вызвали доклады М. М. Местергази [122], М. В. Волоцкого, стенограммы прений по поднятым в этих докладах вопросам были опубликованы в «Вестнике Коммунистической академии» [123].

Вопросы наследования приобретаемых признаков затрагивались также в докладах С. Г. Навашина «Теория зародышевого пути», Г. Г. Щеголева «Теория оплодотворения», Ю. М. Вермеля «Функциональное приспособление и эволюция», С. Г. Левита «Роль генотипа и патология», С. Л. Соболя «Современные направления витализма», М. Л. Левина

«Теоретические взгляды В. Ру», М. А. Гремяцкого «Проблема расовых различий», М. М. Местергази «Дарвинизм и неодарвинизм», Г. Э. Корицкого «Биологический трансформизм, его основы и значение в биологии» и др. [124]. Правда, нередко докладчики старались не вмешиваться в дискуссию, как, например, это сделал Д. Л. Рубинштейн, ограничившись замечанием: «Мы стоим здесь перед наиболее темной и наиболее спорной проблемой современной биологии, перед вопросом о наследовании индивидуально приобретаемых признаков» [125].

В связи с генетическим конгрессом в Берлине о своих резко различавшихся восприятиях и оценках последних открытий в генетике поделились Е. С. Смирнов [126], выступивший 17 ноября 1927 г. с докладом «Новые данные о наследственном влиянии среды и ламаркизм», и А. С. Серебровский, сделавший неделей позже доклад «Новые данные по теории наследственности и изменчивости» [127]. К этому времени опыты Г. Мёллера по искусственному мутагенезу окончательно доказали, что обвинения генетиков в автогенезе и абсолютизации неизменности генов лишены всяких оснований. Конгресс продемонстрировал, что проблема наследования приобретаемых признаков потеряла свою актуальность и практически сдана в архив истории науки. По словам А. С. Серебровского, из «полутораста докладов ламаркизму был посвящен лишь один» [128]. Вот почему дискуссии вокруг докладов Смирнова и Серебровского практически стали последними научными дискуссиями по этой проблеме в Комакадемии.

Ход этих последних дискуссий показал, что хотя аргументация механоламаркистов стала менее убедительной, они не спешили менять свои теоретические взгляды (Ю. М. Вермель, Е. С. Смирнов, Б. С. Кузин). Б. М. Завадовский и Ф. Ф. Дучинский по-прежнему старались занять примиренческую позицию. Они соглашались с тем, что нет опытов, подтверждавших наследование приобретаемых признаков. Однако от ламаркизма, по их мнению, отказываться еще рано, так как и нет опытов, окончательно опровергавших такое наследование. Взгляды же недавнего приверженца механоламаркизма С. Г. Левита явно эволюировали. От декларации ламаркистских тезисов он перешел к защите генетики и критике ламаркизма, который, в свою очередь, стал оцениваться как метафизический и телеологический. Признавая достижения генетики, М. Л. Левин заявил, что среди «генетиков-антиламаркистов есть ярко выраженное, более того, определенно черносотенное течение, с которым марксизм должен и будет бороться» [129]. Черносотенными Левин счи-

тал евгенические работы, которые уже активно использовались фашистскими идеологами.

Постепенно агрессивность со стороны приверженцев генетики по отношению к ламаркизму росла. Уже тогда генетики-марксисты не уступали своим критикам в резкости высказываний и политизированности аргументации.

Анализ фактических и теоретических основ механоламаркизма все чаще подменялся разбором его философских положений. Например, Ю. Шаксель постулировал неизбежность перехода механистического по своей природе механоламаркизма в телеологию [130]. Эта идея была поддержана И. И. Аголом, который уверял, что ламаркизм «неизбежно вынужден встать на телеологическую точку зрения в объяснении процессов развития», так как, признавая целесообразность результатом непосредственного влияния среды на организмы, мы должны считать, что «организм есть система, реагирующая на внешние влияния так, как ему выгоднее всего в этих условиях реагировать» [131]. По его мнению, за ширмой материалистических терминов в ламаркизме скрывается «большой идеалистический и виталистический заряд».

А. С. Серебровский критиковал своего однофамильца П. В. Серебровского (которого он просил не считать даже однофамильцем) за сведение процесса эволюции к физиологическим и физико-химическим закономерностям [132]. Отвечая на обвинения механоламаркистов в отрыве аппарата наследственности от внешних условий, их критики подчеркивали, что именно механоламаркизм, «не считаясь с диалектикой фактов, рассматривает зародышевую плазму как идеальное зеркало, без изменения отражающее на потомках изменения, полученные предками в результате их приспособления к окружающей среде» [133].

В критике механоламаркизма особенно резко звучали работы А. С. Серебровского и его ученика Н. П. Дубинина, которые рассказы о новейших достижениях генетики дополняли резкой идеолого-политической и философской аргументацией о том, что именно дарвинизм, а не ламаркизм соответствует диалектическому материализму. Серебровский главную ошибку ламаркистов усматривал в сведении эволюционного процесса, охватывающего группу организмов, к физиологическим процессам отдельной особи [134]. Между тем массовые явления не сводимы к единичным, так как здесь действуют принципиально различные типы закономерностей: статистические и динамические. Дубинин безапелляционно писал: «В области методологии ламаркизм является типичной механистической концепцией, в силу чего его

представления о наследственной изменчивости и зависимости от влияния сомы и внешних условий обитания организмов в корне ложны» [135]. В связи с этим он считал недопустимым пытаться как-то синтезировать дарвинизм и ламаркизм.

Ради справедливости надо сказать, что вопреки доминирующему в отечественной литературе мнению биологи-ламаркисты были более сдержанны в оценке взглядов своих оппонентов. Как правило, они не ставили под сомнения генетические исследования и их теоретические положения. Так, например, выступая в Комакадемии еще до публикации работ Мёллера об искусственном мутагенезе, М. В. Волоцкой признавал громадное значение генетики и возражал только против попыток некоторых ее защитников игнорировать все факты, которые генетика не способна объяснить на современном этапе своего развития [136]. Аналогичной позиции придерживался и бесспорный лидер ламаркистов в Комакадемии Е. С. Смирнов, не ставя под сомнение научный характер хромосомной теории и оспаривая лишь догматизацию некоторых ее положений, мешавших, по его мнению, дальнейшим исследованиям [137]. Одним из первых он попытался оценить результаты Мёллера как начало выхода из противостояния ламаркистов и генетиков [138].

К концу 20-х гг. все большее число биологов и врачей, например, А. А. Еленкин, В. Л. Комаров, С. Г. Левит, еще недавно истолковывавших идеи Ламарка в духе материализма, начали склоняться к позиции дарвинизма с признанием данных генетики. Это соответствовало общим тенденциям изменений умонастроений биологов во всех странах. Доказанное в 1927 г. Мёллером воздействие рентгеновских лучей на характер и скорость мутационного процесса устранило основное обвинение в адрес генетиков об абсолютизации ими независимости наследственной изменчивости и эволюции от внешней среды. В этом отношении весьма характерна эволюция взглядов А. П. Владимирского, допускавшего в 20-е гг. возможность наследования приобретенных признаков по типу соматической индукции. В 1930 г. он возглавляет основанную Ю. А. Филипченко кафедру генетики и экспериментальной зоологии, где разворачиваются широкие экспериментальные исследования по искусственному и естественному мутагенезу. Под руководством Владимирского работали молодые генетики Р. Л. Берг, А. И. Зуйтин, М. Е. Лобашев, Р. А. Мазинг, Ф. А. Смирнов, крупный цитогенетик И. И. Соколов, его ученица А. А. Прокофьева-Бельговская.

В нашей стране подобному изменению во взглядах биологов, лояльных к советскому строю и пытавшихся согласовать

свои взгляды с марксизмом, способствовала критика методологических основ ламаркизма в рамках ОБМ. В момент его образования в 1927 г. в ОБМ работали И. И. Агол, М. Л. Левин, Ю. М. Вермель, Г. А. Шмидт, Е. С. Смирнов, М. М. Местергази, С. Г. Левит, И. И. Бугаев, А. С. Серебровский, т. е. круг лиц, придерживавшихся различных взглядов на проблемы наследственности, изменчивости и эволюции, что обуславливало высокий накал страстей во время дискуссий [139]. Через год в обществе было уже тридцать четыре действительных члена. Его председателем стал М. Л. Левин. В президиум вошли С. Г. Левит, А. С. Серебровский, Е. С. Смирнов, Г. А. Шмидт, А. И. Опарин, И. И. Бугаев, Ф. Ф. Дучинский, С. Л. Соболь [140]. В работе общества активно участвовали также Л. Я. Бляхер, С. Н. Боголюбский, Н. В. Богоявленский, Г. Г. Боссе, М. В. Волоцкой, В. Н. Давыдов, И. И. Ежиков, М. Н. Емельянов, Н. П. Кренке, С. Т. Крыжановский, П. П. Лазарев, О. Б. Лепешинская, А. В. Румянцев, В. Н. Слепков и другие биологи различных специальностей, каждый из которых впоследствии так или иначе вошел в историю отечественной биологии.

Начиная с 1928 г. Комакадемия стала финансировать и генетические исследования, которые в Московском зоотехническом институте проводил А. С. Серебровский с И. И. Аголом, Н. П. Дубининым, С. Г. Левитом, М. А. Гептнером, В. Е. Альтшулером, А. Е. Гайсиновичем, Б. Н. Сидоровым. Ими изучалось индуцированное получение мутаций у дрозофилы под воздействием рентгеновских лучей, аллеморфы гена scute, его делимости и т. д. [141]. Генетические исследования все более и более теснили ламаркизм в рамках самой Комакадемии.

Таким образом, в отличие от Ленинграда в Москве уже к началу культурной революции в ОБМ насчитывалось около двухсот биологов различных специальностей, проявлявших активный интерес к марксистской философии и пытавшихся как-то использовать ее в своих исследованиях. Среди них было немало и генетиков. Мощный контингент высококвалифицированных генетиков не только развеял надежды некоторых механоламаркистов выдать свои воззрения за наиболее соответствовавшие материализму, а тем самым и марксизму, но и способствовал резкому снижению их влияния в кругах, претендовавших на разработку проблем биологии с позиций диалектического материализма.

Вот почему в конце 20-х гг. многим казалось, что борьба с ламаркизмом закончилась. Так, М. М. Местергази писал: «У ламаркизма все в прошлом» [142] и утверждал,

что борьба с ним может вестись только в научно-популярной литературе. Увы, прогнозы в науке редко сбываются, а в условиях тоталитарных режимов, где судьба того или иного учения предопределяется вкусами и пристрастиями политических деятелей, совершенно бессмысленны. Не подтвердился и этот прогноз.

Но тогда среди естествоиспытателей доминировала точка зрения, высказанная в редакционной статье вышедшего в 1929 г. первого номера журнала «Естествознание и марксизм» (ЕиМ). В ней именно теория Дарвина, а не Ламарка признавалась монолитной системой знаний, позволявшей решать сложные фундаментальные и практические проблемы. Большинство биологов и философов были убеждены: «Дарвинизм, базирующийся на данных генетики, дает наиболее приемлемое объяснение процесса органической эволюции» [143].

Вот почему проблема синтеза генетики и дарвинизма казалась многим очень важной для становления методологии диалектического материализма во второй половине 20-х гг.

Вряд ли кто из участников дискуссий тех лет мог предположить, что спор не только не завершен, но это лишь начало трагического противостояния двух естественнонаучных эволюционных концепций, которые будут использоваться впоследствии не раз для шельмования своих идейных противников и завоевания симпатий Сталина и Хрущева.

Последующее включение главных факторов неоламаркизма в построения Т. Д. Лысенко и И. И. Презента оказалось трагичным не только для генетики, но и для сторонников Ламарка в СССР. Такое заимствование его положений лысенкоистами дискредитировало это направление эволюционной мысли в глазах русских биологов раз и навсегда.

3.2. Генетика и марксизм

3.2.1. Методологические проблемы генетики

Выше (4.1.) уже отмечались достижения советских генетиков и их вклад в синтетическую теорию эволюции. Научной деятельности генетиков (Н. И. Вавилов, Г. Д. Карпеченко, М. Е. Лобашев, А. С. Серебровский, Н. В. Тимофеев-Ресовский, С. С. Четвериков, Ю. А. Филипченко) посвящено много книг и статей. Только за последние годы вышли книги о Н. В. Тимофееве-Ресовском [144] и С. С. Четверикове [145], о развитии генетики в Санкт-Петербургском университете [146],

о соратниках Н. И. Вавилова [147]. Е. С. Левиной предпринята попытка дать монографический обзор историографии генетики в СССР [148]. Однако до сих пор нет обобщающего труда по истории генетики в СССР, который можно было бы сравнить с книгой Дж. Гарвуда о развитии генетики в Германии в первой трети нашего века [149]. Лишь в книге В. В. Бабкова [150] дан целостный анализ московской школы эволюционной генетики.

История философского осмысления достижений генетики также не раз становилась предметом историко-научных и философских работ [151], в которых обычно доказывалось, что генетические исследования двигались в сторону усвоения диалектико-материалистической методологии. Не избежали этого и зарубежные историки науки, выражая удивление по поводу того, что генетика была объявлена в СССР не соответствовавшей диалектическому материализму, в то время как многие выдающиеся генетики в 20-е гг., включая американца Г. Мёллера и англичанина Дж. Холдейна, прямо заявляли о диалектическом материализме как методологической основе своих исследований.

До сих пор история генетики в СССР воспринимается в резко окрашенных эмоциональных тонах не только участниками тех событий [152]. В беспристрастности нельзя обвинить и историков науки, которые продолжают остро переживать перипетии борьбы с лысенковщиной [153]. Как показали дискуссии по поводу воссоздания истории генетики в книгах В. И. Амлинского «Оправдан будет каждый час. Повесть об отце», Д. А. Гранина «Зубр», В. Д. Дудинцева «Белые одежды» и фильмах «Звезда Вавилова» и «Николай Вавилов», судьбы главных участников событий тех лет вызвали неоднозначную оценку как у широкой публики, так и историков науки [154]. В этом разделе мы кратко остановимся лишь на некоторых моментах из истории взаимодействия генетики и диалектического материализма.

В отличие от эволюционной теории генетика в дореволюционной России практически не имела традиций. Начиная с 1913 г. учитель нескольких поколений отечественных биологов-эволюционистов К. А. Тимирязев все резче и резче высказывался в адрес законов Менделя, уверовав в конечном счете, что исключительно частный случай наследования с полным доминированием «фанатические поклонники Менделя желают возвести в основной закон наследственности, отрицая явно противоречащие ему случаи» [155]. Однако это не могло остановить распространение знаний о теории Менделя и генетических исследований в России. В знакомстве

русской общественности с новыми взглядами на наследственность приняли участие такие авторитетные русские биологи-эволюционисты, как И. П. Бородин и В. М. Шимкевич. В 1913 г. были опубликованы в России работы зарубежных генетиков Э. Баура, Л. Донкастера, К. Корренса, Р. Пеннета, а на следующий год Е. А. Богданов печатает первую оригинальную русскую сводку по генетике «Менделизм как теория скрещивания».

В эти годы начинается чтение лекций по генетике в университетах. Впервые в России в Петербургском университете такой курс стал читать Ю. А. Филипченко в 1913 г., а с 1916 г. курс, названный им «Учение о наследственности и генетике», попал в число курсов, рекомендованных для студентов-зоологов [156]. В 1918 г. Ю. А. Филипченко создает лабораторию генетики и экспериментальной зоологии, а годом позже кафедру с таким же названием. Возглавляемая Филипченко кафедра положила начало институционализации генетических исследований в СССР. Здесь сложилась сильная генетическая школа, из которой вышел и крупнейший генетик и эволюционист XX в. Феодосий Добржанский [157].

Другим центром генетических исследований в Ленинграде стало Бюро по прикладной ботанике, генетике и селекции, которое после нескольких реорганизаций стало в 1929 г. называться Всесоюзным институтом растениеводства (ВИР). Его возглавлял Н. И. Вавилов, который собрал в институте прекрасный ансамбль уже сложившихся генетиков (Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитский, М. А. Розанова и др.) [158].

В Москве генетические исследования были начаты в рамках Института экспериментальной биологии, основанного Н. К. Кольцовым в 1917 г. на частные средства и вошедшего в 1919 г. в Государственный институт народного здравоохранения (ГИНЗ) — объединение научных учреждений Наркомздрава РСФСР. Здесь в 1922 г. под руководством С. С. Четверикова создается генетическая лаборатория. Четвериков организовал преподавание генетики в Московском университете, где ему в течение нескольких лет удалось подготовить группу талантливых молодых генетиков.

В период нэпа институционализация генетики шла быстрыми темпами, захватывая все новые регионы, а объект генетических исследований расширялся. Ее лидеры весьма умело взаимодействовали с властями, добиваясь ассигнований на генетические исследования. Так, например, нарком здравоохранения Н. А. Семашко сочувственно относился к исследованиям по генетике человека. Явный успех генетиков в конкуренции за финансирование был одной из причин, по-

буждавших их оппонентов с особенным энтузиазмом выискивать несоответствия генетики диалектическому материализму. Тем более, что ранние представления о закономерностях наследственности нередко истолковывались в духе абсолютизации неизменности генов, их независимости от внешних условий, мозаичного характера детерминируемых ими признаков организма. Это давало повод философам и биологам, далеким от генетики, расценивать ее теоретические обобщения как механистические и метафизические. Нежелание первых генетиков заниматься проблемами эволюции и открытое противопоставление своих открытий дарвинизму, казалось, подкрепляло такие оценки [159].

С критикой генетики особо резко выступали сторонники ламаркизма, среди которых вначале оказались и те, кто впоследствии немало сделал для ее защиты [160]. В начале 20-х гг., когда усилия искусственно получить мутации были безрезультатны, обвинения генетики в постулировании полной независимости генов от внешней среды и внутриорганизменных процессов казались справедливыми. К этому еще примешивались опасения, что генетика может задержать социальные преобразования в нашей стране. Это в значительной степени связано с тем, что многие лидеры генетики (Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский, Ю. А. Филипченко и др.) были и инициаторами евгенических исследований, которые начались в послереволюционные годы. Поэтому борьба с использованием выводов евгеники на практике для многих означала одновременно и неприятие самой генетики.

В защиту генетики ее ленинградские и московские сторонники выступали вместе. Но если ученики и сотрудники Вавилова и Филипченко, как правило, стремились оставаться в рамках научной дискуссии, то у части московских генетиков наблюдалась тенденция идеологизировать и политизировать спор. Особо активен вначале был А. С. Серебровский. Как вспоминал Ф. Добржанский, уже в 1926 г. Серебровский обвинял оппонентов в несоответствии их взглядов диалектическому материализму [161]. Серебровский стремился показать, что противопоставление генетики марксизму основано на недоразумении, поскольку теория Менделя и Моргана укрепляет позиции материализма и дарвинизма [162]. Используя данные о мелких мутациях, фенотипическом эффекте полиплоидии, новообразованиях при гибридизации и т. д., он писал, что генетика уже подошла к дарвиновскому пониманию эволюции и за истекшее после Дарвина время мы имеем только процесс углубления дарвинизма. Этот вывод опережал ход событий, так как до «Генетики и происхождения видов» Ф. Добржанского, где была реализована идея синтеза генетики с теорией естественного отбора, оставалось еще более десяти лет. Однако Серебровский был прав в том, что исследования советских генетиков 20-х гг. приближали этот синтез.

Общепризнана здесь роль знаменитой статьи С. С. Четверикова, опубликованной в 1926 г. [163]. В ней развивалось представление о популяции как элементарной саморегулирующейся единице существования и эволюции вида. Четвериков вскрыл механизмы поддержания целостности популяций, проанализировал проблему комплексной детерминации ее преобразований, связал колебание численности и изменения частот мутаций с процессами видообразования. Высказанная Четвериковым гипотеза о насыщенности природных популяций мутациями была подтверждена в многочисленных исследованиях. В итоге снималось возражение дарвинизму об отсутствии достаточного материала для действия отбора и о невозможности статистической детерминации эволюционного процесса.

Статья Четверикова положила начало формированию представлений о целостности генотипа и о генетической структуре популяций. Выдвинутое им понятие «генетическая среда» подрывало идею об организме как мозаике признаков, детерминируемых отдельными генами. Было показано, что действие каждого гена зависит от всех других и его эффект контролируется всем генотипом и процессами его реализации в морфогенезе. Концепция «эффекта положения генов» хоронила представления о независимых генах, показав, что их проявление и участие в обменных процессах обусловлено положением в хромосоме. Тем самым в генетике утверждались принципы целостности и системности.

Для преодоления представлений об имманентности мутационного процесса большое значение имели исследования по искусственному мутагенезу. Уже в 1925 г. Г. А. Надсон и Г. С. Филиппов доказали многократное усиление мутационного процесса у низших грибов под воздействием рентгеновского облучения. Через два года классические опыты Г. Мёллера окончательно убедили мир в существовании внешних факторов мутагенеза, что способствовало устранению автогенеза из генетики.

Сформулированный Н. И. Вавиловым закон гомологической изменчивости (1920 г.) раскрывал зависимость внутривидовой изменчивости от исторически сложившейся организации вида. Тем самым опровергалось представление об абсолютной случайности мутационного процесса. В действи-

тельности он подчинялся закономерностям, определяющим темп и характер мутагенеза.

Наряду с исследованиями ученых многих стран (К. Бриджес, К. Дарлингтон, Т. Морган, А. Стертевант и др.) советские генетики способствовали познанию материальных основ наследственности. В цитогенетических исследованиях Г. Д. Карпеченко и Г. А. Левитского изучалась кариотипическая дифференциация видов, роль полиплоидии и гибридизации в преобразовании аппарата наследственности и возникновении новых органических форм.

В работах А. С. Серебровского и Н. П. Дубинина была сформулирована концепция сложного строения гена и его делимости. Постепенно вырабатывались представления о том, что само строение аппарата наследственности и формы мутационной изменчивости являются результатами эволюции и находятся под контролем естественного отбора. Все это опровергало суждения о независимости генов и мутационного процесса от внешних факторов и внутриорганизменных процессов.

В те годы зародилось и стремление проникнуть в физико-химические процессы, обеспечивающие хранение, передачу и считывание наследственной информации. В 1927 г. Н. К. Кольцов высказал гипотезу о хромосоме как гигантской молекуле, включающей в линейном порядке самовоспроизводящиеся единицы. Центральная мысль этой гипотезы о механизме образования новых молекул предвосхищала классическое открытие Д. Уотсона и Ф. Крика, удостоенное Нобелевской премии через четверть века после публикации Кольцова.

Таким образом, открытия советских генетиков способствовали преодолению механистических недостатков раннегенетических взглядов. Вырабатывались представления о физико-химической природе наследственного вещества, о дискретном характере строения генов, о целостности генотипа, о связи процессов генетического уровня с процессами онтогенеза и видообразования и др. В работах И. И. Агола, Н. П. Дубинина, Н. И. Вавилова, С. Г. Левита, М. Л. Левина, А. С. Серебровского, В. Н. Слепкова и других предпринимались попытки философски осмыслить достижения генетики и представить их как соответствующие диалектическому материализму [164].

Утверждалось, что благодаря достижениям генетики не только дарвинизм, но и диалектический материализм подняты «на более высокую ступень» [165]. Отвергая идею Е. С. Смирнова о возможности некоего синтеза ламаркизма

и генетики путем освобождения последней от ошибочного представления о гене как причине признака [166], Дубинин оценивал эти два течения научной мысли как «два противостоящих мировоззрения, всякая попытка их синтеза может привести только к эклектике. Борьба между ними должна пройти до конца» [167]. Такая непримиримость к научным взглядам оппонентов, философско-идеологическая их оценка впоследствии бумерангом ударила по самой генетике. Борьбу до конца довели противники генетики. Буквально в тех же выражениях ее стали критиковать после осуждения деборинцев (в числе которых находились и генетики-марксисты), а в конечном счете официально заклеймили как полностью враждебную социализму на сессии ВАСХНИЛ (1948 г.).

Но тогда генетикам казалось, что борьба со сторонниками механоламаркизма, собственно, уже закончилась. Никто не мог предполагать, что вмешательство внешних по отношению к науке факторов в эту борьбу может отодвинуть окончательную победу генетики в нашей стране на несколько десятилетий. Было еще неизвестно, что научные споры между ламаркистами и генетиками отнюдь не безразличны для И. В. Сталина, который в 1906 г. утверждал, что в биологии неодарвинизм должен уступить место неоламаркизму [168]. А Сталин свои взгляды менял редко. Неудивительно, что именно по эволюционной теории и генетике были нанесены первые и самые сильные удары в период «культурной революции», которая уже начиналась, когда генетики торжествовали свою победу над оппонентами.

3.2.2. Евгеника: между наукой, идеологией и политикой

В отличие от генетики история евгенических исследований в СССР не была предметом монографических публикаций. Подготовленная в начале 70-х гг. известным историком И. И. Канаевым книга о евгенике и медицинской генетике в СССР не была опубликована в те годы по цензурным соображениям. Лишь в небольшой публикации М. Б. Конашева на базе обширных архивных изысканий была описана преимущественно научно-организационная деятельность Бюро по евгенике в Санкт-Петербурге [169], да в публикациях И. А. Захарова и В. В. Бабкова освещены только некоторые социально-политические аспекты развития евгеники в нашей стране в 20-е—начале 30-х гг. [170].

Пионерами исследований по истории евгеники в СССР стали американские ученые Лорен Грэхем и Марк Адамс [171]. В работах последнего приведена обширная библиогра-

фия публикаций по евгенике и медицинской генетике в 20—30-х гг. в СССР, но лишь частично использованы архивные материалы.

По мнению М. Адамса, молчание вокруг истории евгеники в СССР связано с тем, что исследования наследственности человека были весьма чувствительной темой для поколения историков и генетиков, среди которых доминировали ученики родоначальников евгенических исследований в нашей стране — Н. К. Кольцова, Г. Мёллера, А. С. Серебровского, Ю. А. Филипченко. Действительно, на протяжении многих десятилетий их обвиняли в пропаганде человеконенавистнических взглядов, якобы совпадающих с расовыми построениями фашистов [172]. Приверженцы вульгарно-социологических объяснений природы человека критиковали советских евгеников за биологизацию человека и общественных явлений. Их подлинные цели и высказывания искажались, а цитирование работ Кольцова и Филипченко велось произвольно [173]. Даже Н. П. Дубинин в своих воспоминаниях «Вечное движение» резко осудил своих учителей за увлеченность евгеникой в 20-х гг.

В этих условиях сторонники генетики или старались обойти молчанием занятия евгеникой основателями генетики в СССР или старались доказать, что эта увлеченность была данью моде, которая довольно быстро прошла. В последние годы сделаны лишь первые шаги к восстановлению исторической истины [174], но всесторонний анализ евгенических работ в СССР и их значения для разработки изучения генетики человека остается задачей будущих исследований. Это особенно ясно на фоне обширной литературы по истории евгеники в других странах и прежде всего в США и Германии [175].

Возникновение евгеники связано с первыми попытками использовать генетику и эволюционную теорию для улучшения наследственности человека. С самого начала она оказалась вовлечена в сложные идеологические и политические споры, а попытки использовать евгенические выводы в некоторых штатах Северной Америки для стерилизации асоциальных элементов вызвали резкие протесты. Во всех странах ученые использовали евгенику для распространения своих политических убеждений, а политики использовали ее для достижения собственных целей. Но Германия оказалась единственной страной, где обществу расовых гигиенистов удалось вступить в длительное сотрудничество с крайне радикальными правыми кругами, приступившими, в конечном

счете, к практическому воплощению рекомендаций евгеников в государственных масштабах.

Начало евгенических работ в России пришлось на первые годы Советской власти, когда широко обсуждались различные способы использования биологических знаний для улучшения природы человека, удлинения продолжительности жизни, омоложения, борьбы с наследственными заболеваниями и т. д. Популярности евгенических исследований способствовала и дешевизна их проведения, для чего требовались лишь бумага и карандаш, так как анкетирование было основным способом получения данных о наследственности человека.

В 1920 г. по инициативе Н. К. Кольцова, заручившегося поддержкой Наркомздрава Н. А. Семашко, создается Русское евгеническое общество. В его работе участвовали нарком А. В. Луначарский, профессора А. И. Абрикосов, Д. Д. Плетнев, Г. И. Россолимо и др. В феврале следующего года на заседании Совета КЕПС при АН СССР создается Бюро по евгенике во главе с Ю. А. Филипченко. Возникают и периодические издания по евгенике: «Русский евгенический журнал» (РЕЖ), «Известия Бюро по евгенике». В программных работах Н. К. Кольцова и Ю. А. Филипченко были очерчены главные направления евгенических исследований: изучение наследственности талантов и других интеллектуально-психических особенностей человека путем построения генеалогии выдающихся деятелей науки и культуры; исследование наследственности нормальных и аномальных признаков у человека; статистические исследования воздействия войны, браков, образования, национальных традиций на изменение популяции человека и прежде всего на показатели рождаемости и смертности; пропаганда евгенических знаний и консультации лиц, вступавших в брак, с целью снижения вероятности появления потомства с наследственными отклонениями [176]. Как и в других зарождающихся науках, родоначальники евгеники в СССР были преисполнены оптимизма относительно ее практических возможностей и обещали вскоре разработать методы, обеспечивавшие ликвидацию болезней и улучшение породы людей. Они придавали большое значение отбору в обществе и генетическим факторам в детерминации социальных черт человека.

Для основателей евгеники в России она была прежде всего областью генетики и биомедицинских исследований. Они скептически относились к идеям о наличии в человеческом обществе каких-то евгенически наиболее ценных групп, подлежащих клонированию в массовых масштабах. «Вели-

чайшей и наиболее ценной особенностью человеческой расы, — подчеркивал Кольцов, — является именно огромное разнообразие ее генотипов, обеспечивавших прогрессивную эволюцию человека при самых разнородных случайностях ее неведомого будущего» [177]. В специальной статье, посвященной генеалогии «выдвиженцев» (М. Горького, С. А. Есенина, В. В. Иванова, Л. М. Леонова, Ф. И. Шаляпина), он приходит к выводу о богатстве «народной массы ценными генами» [178]. Филипченко также считал, что среди представителей всех слоев общества находятся те гены, счастливое сочетание которых обуславливает возникновение таланта, но в среде интеллигенции вероятность появления высоко одаренных людей выше в силу ряда социальных условий, благоприятствующих аккумуляции таких наследственных задатков из поколения в поколение [179]. К таким выводам Филипченко пришел на основании обработки 605 анкет по наследственности у петроградских ученых, писателей и художников, собранных им вместе с Д. М. Дьяконовым, Т. К. Лепиным и Я. Я. Лусом.

Широкое распространение в те годы получили исследования по наследственной изменчивости таких признаков, как цвет глаз и волос, группа крови, а также различного рода психических и морфофизиологических отклонений (гигантизм, алкоголизм, шизофрения, эпилепсия и т. д). Помимо генетиков в периодических изданиях Бюро по евгенике и Русского евгенического общества, Ленинградского общества евгеников и аналогичных организаций в других городах участвовали зоологи, гигиенисты, врачи, психиатры, антропологи, этнографы, юристы (Л. С. Берг, В. М. Бехтерев, В. В. Бунак, С. Н. Давиденков, Д. А. Золотарев, П. И. Люблинский, Я. Я. Рогинский, Л. Я. Штернберг, Т. И. Юдин), обеспечивая тем самым междисциплинарный комплексный подход к изучению человека. При этом существовали различия во взаимодействиях генетики, медицины, социологии и политики в двух евгенических центрах в СССР. Если в Москве под «зонтиком» евгеники взаимодействовали, в основном, биологи, медики и антропологи, то в Ленинграде шла кооперация естественников, обществоведов и гуманитариев, определяемая задачами Психоневрологического института [180].

Евгеника привлекла внимание биологов-марксистов, увидевших в ней способ ускорить создание нового общества. В Комакадемии активно обсуждались проблемы пролетарской или биосоциальной евгеники. Ее сторонники стояли на ламаркистских позициях в отношении генетики. И

путь к физическому совершенствованию человека они видели в физкультуре, воспитании и улучшении условий жизни. Ламаркист М. В. Волоцкой посчитал, что именно отрицательная евгеника, связанная с насильственным (вплоть до стерилизации) предотвращением размножения особей с нежелательными генами обеспечит быстрое улучшение качества человеческих популяций [181]. Он был убежден, что стерилизация прекратит неограничиваемое воспроизводство потомков с патолого-анатомическими и психическими отклонениями, снизит интенсивность борьбы за существование в обществе, покончит с анархией в размножении и придаст организованность социальным процессам. Отвергая буржуазную евгенику, базирующуюся на положительном отборе в человеческом обществе, Волоцкой полагал, что помимо устранения от размножения нежелательных индивидов социалистическая евгеника должна использовать длительные модификации, называемые им «филогенетический фенотип» и наследование приобретенных признаков. Правда, он признавал, что практически нет данных о длительных модификациях в эволюции человека, но считал возможным говорить о них на основе приобретения различными по своему происхождению племенными группами сходных черт в одной и той же среде (головной указатель, выступающие скулы, цвет кожи и т. д.).

Отрицавший вначале научный характер евгеники А. С. Серебровский, не желая, видимо, уступать ламаркисту Волоцкому право на участие генетики в построении человека будущего, также предложил ввести «социалистическую евгенику», назвав ее антропотехникой [182], т. е. искусственно осеменять женщин спермой талантливых мужчин-производителей. Таким образом, биологи-марксисты (ламаркист Волоцкой и генетик Серебровский) оказались едины в вопросе о возможности улучшения человечества путем сугубо биологических методов с целью ускорения построения социализма. Но различное отношение к проблеме наследования приобретенных признаков предопределило их разногласия о методах евгенических мероприятий.

С резкой критикой евгенических взглядов Ю. А. Филипченко выступил В. Н. Слепков [183], обвиняя его в игнорировании роли социальных факторов в развитии психических и интеллектуальных свойств человека и отвергая механистическое деление человека на истинную природу — «генотип» и неистинную природу — «фенотип». Это согласовывалось со взглядами Волоцкого, который считал, что наследственное закрепление воздействий социальной среды (воспитания,

физкультуры, социальных реформ и революций) будет способствовать успехам «биосоциальной или пролетарской евгеники» [184].

Подобные рассуждения вызвали язвительную реплику Филипченко, который сказал, что наследование приобретаемых признаков было бы невыгодно пролетариату, так как, лишенный важных элементов науки и культуры в течение многих поколений, он сохранил меньше благоприятных генов, чем представители других классов [185]. Особенно понравилась генетикам ремарка Филипченко о том, что с ламаркистскими друзьями пролетариату не нужны никакие враги. Отсюда прямо следовал вывод о контрреволюционности ламаркизма, который не замедлили сделать М. М. Местергази и А. С. Серебровский.

Однако этот выпад Волоцкой парировал во время дискуссии по вопросам евгеники в Комакадемии 7 декабря 1926 г. [186]. Он уверял, что представитель буржуазной интеллигенции Филипченко не учитывает полезной роли труда, создавшего, согласно Энгельсу, человека. Поэтому классы, ведущие паразитический образ жизни, дегенерируют, тогда как трудовая деятельность позволяет пролетариату сохранить возможность к развитию несмотря на бедность, невежество и нищету. Используя благоприятные длительные модификации, возможно создать условия, способствующие быстрому преобразованию человека. Эта позиция Волоцкого во время дискуссии была поддержана только А. И. Абрамовым, который утверждал, что пролетарская евгеника в отличие от буржуазной интересуется не комбинациями и подбором генов, «а правилами практического воздействия на известные физиологические условия искусственной социальной среды человека в целях направления влияния этих условий на него в желательном борющемуся за свое освобождение пролетариату направлении» [187]. С резкой критикой позиции Волоцкого выступили Г. А. Баткис, М. М. Местергази, А. С. Серебровский, Т. Д. Фадеев и др.

Даже сейчас улучшение генофонда человечества остается скорее задачей будущего, чем практического осуществления. Все попытки вмешательства в интимные процессы воспроизводства человечества показали, сколь неоднозначны и неожиданны могут быть их результаты. В какой-то степени это начали осознавать и инициаторы евгеники в Советской России. Не случайно уже вскоре в самом новом названии Бюро по генетике и евгенике проблема улучшения генофонда человека была отодвинута на второй план, а в апреле 1927 г. бюро по предложению самого Филипченко было

переименовано в отдел по генетике. РЕЖ и Русское евгеническое общество просуществовали до 1930 г., пока не были ликвидированы в связи с начавшимся «великим переломом» и «культурной революцией». Исследования по генетике человека были на короткий срок возобновлены под руководством С. Г. Левита в Медико-генетическом институте.

В конечном итоге всякие генетико-медицинские и евгенические исследования в нашей стране были прекращены, что нанесло существенный вред познанию природы человека. Здесь же следует отметить, что евгеника была первым направлением в генетике, которое подверглось идеологическому осуждению и было практически запрещено, что дало основание для новых нападок на генетиков. Это тем более удивительно, что евгеника не обязательно связана с генетикой. Евгенических взглядов придерживались и такие неоламаркисты, как О. Гертвиг, Л. Плате и др.

3.3. Жизнь, человек, природа

3.3.1. Сущность и происхождение жизни

В начале XX в. оживились дискуссии между приверженцами виталистического и механистического объяснения жизни. Активное участие в них приняли и советские марксисты, в работах которых рассматривались философские основы концепции энтелехии Г. Дриша, доминанты И. Рейнке, системы импульсов Я. Икскюля и др. [188]. Они доказывали неумение механистического материализма преодолеть витализм в биологии. Если витализм неизбежно ведет к эклектизму в объяснении жизни, то механистические объяснения Ф. Ле-Дантека, Ж. Леба, М. Л. Траубе не позволяли отразить качественную специфичность жизненных процессов. Предпринимались и попытки вычленить рациональное из концепций витализма и механицизма. Прежде всего это признание качественного своеобразия живых систем, их целостности. Вместе с тем жизнь базируется на физико-химических процессах, без изучения которых нельзя раскрыть ее сущность. «Жизнь, — писал И. И. Агол, — не простая арифметическая сумма составляющих ее процессов. Она — целостность, которая хоть в некоторой степени и зависит от характера составляющих ее частей, но не исчерпывается ими» [189].

Особенность биологических явлений, отмечалось в работах Агола, связана в первую очередь с уникальностью каждого биологического объекта. Точность опыта здесь зависит

не только от методики, как в физике, но и от изменения самого объекта. «...Каждый организм есть не только продукт окружающих условий, но и является продуктом филогенетического развития» [190]. Это вызывает дополнительные трудности в познании биологических объектов, где сложно вычленить непосредственные и опосредованные причины, главные и второстепенные факторы. Трудно здесь разделить причины и следствия, они переплетаются между собой и неоднократно меняются в процессе исторического развития. Возражая против сведения биологических процессов к физико-химическим, Агол подчеркивал, что анализ последних должен предшествовать познанию биологического объекта в его целостности.

В эти годы были популярны попытки очертить основные свойства жизни. Так, например, Н. К. Кольцов среди них называл обмен веществ и энергии, размножение, онтогенез, белковый состав клеток, процесс эволюции [191]. Во многих работах единство ассимиляции и диссимиляции называлось наиболее характерным свойством жизни. Отвергая взгляд на организм как сумму клеток, А. Г. Гурвич в эти годы разрабатывал идею о том, что организм есть единая координированная система, обладающая свойствами, не сводимыми к свойствам составляющих ее частей [192]. Введенные им понятия «динамически преформированный морфогенез», а позднее «биологическое поле» и «клеточное поле» признаны были показать зависимость формирующегося организма и его частей от результатов взаимодействия клеток. Но идеи Гурвича были отвергнуты как идеалистические и виталистические. Лишь в послевоенные годы он был удостоен Сталинской премии за книгу «Теория биологического поля» (1944).

Значительный вклад в разработку представлений о неравновесном характере структуры протоплазмы и неразрывной связи энергетического и пластического обмена сделал Э. Бауэр [193]. Он попытался сформулировать принцип, отражающий самое существенное свойство жизни. В качестве таковою называлась такая специфика обмена веществ, когда непосредственным источником энергии для работы (жизнедеятельности) организма служит распад составных частей самого организма (диссимиляция). Питательные же вещества при ассимиляции принимают состояние и форму живой материи. Существенным для этого состояния было то, что оно непрерывно нарушается и только за счет постоянного возобновления благодаря освобождающейся при распаде энергии поддерживается относительная устойчивость. Несколько позже это характерное свойство жизни Э. Бауэр назвал со-

стоянием, соответствующим принципу «устойчивого неравновесия» [194]. На базе этого принципа он и попытался создать теоретическую биологию, которая по достоинству была оценена только в 70-е гг. Гибель Бауэра, ставшего жертвой сталинских репрессий, — главная причина столь позднего освоения его идей.

Принципиально новое понимание жизни было сформулировано в трудах В. И. Вернадского, для которого жизнь могла существовать в форме гигантской системы — биосферы, где живое вещество выполняет энергетические, геохимические и средообразующие функции, обеспечивающие сохранение и эволюцию организмов [195]. Для описания целостности биосферы он ввел понятие «организованность». Вернадский предложил также новые подходы к изучению качественной специфики живого вещества, учитывающие особенности пространства и времени в биологических системах. В его трудах были намечены пути для изучения эволюции жизни как сложно сопряженного процесса, протекающего одновременно на разных уровнях организации жизни. «Эволюционный процесс живых веществ, — писал он, — непрерывно в течение всего геологического времени охватывает всю биосферу и различным образом, менее резко, но сказывается на ее косных природных телах. Уже по одному этому мы можем и должны говорить об эволюционном процессе самой биосферы в целом» [196]. Эволюцию геохимической структуры биосферы и ее энергетики Вернадский рассматривал как интегральный результат преобразований, происходящих на видовом уровне организации жизни. Подчеркивая необходимость исследовать переход эволюции видов в эволюцию биосферы, Вернадский вместе с тем ставил задачу учитывать и обратное влияние структуры биосферы и действующих в ней биогеохимических принципов на процессы видообразования. Стремясь связать эволюцию видов с эволюцией биосферы, Вернадский предложил изучать видообразование с точки зрения изменения их веса, химического состава и геохимической энергии. В работах Вернадского развивались мысли о высокой устойчивости основных параметров и функций биосферы, которая представляет собой единство геологических и биологических процессов.

В эти годы популярны были различные гипотезы о происхождении жизни, с которыми выступали многие биологи, почвоведы, химики (В. И. Вернадский, В. Р. Вильямс, Н. К. Кольцов, С. П. Костычев, М. С. Навашин, А. В. Немилов, А. И. Опарин) [197], однако только две из них оказали воздействие на исследование этой проблемы.

В 1924 г. А. И. Опарин сформулировал гипотезу об образовании и последующей эволюции органических соединений, структур, биоэнергетических и биохимических процессов, которые, вероятнее всего, протекали в период становления жизни на нашей планете [198]. Свои взгляды Опарин дважды излагал на заседаниях ОБМ. Его доклады «Химическая теория происхождения жизни» (15 февраля 1927 г.) [199] и «Химическая динамика жизненных процессов» (15 марта 1928) [200] были восприняты весьма спокойно. Выступившие в дискуссиях Г. Г. Боссе, Н. П. Кренке, М. Л. Левин, О. Б. Лепешинская, С. Г. Навашин, М. М. Местергази вряд ли предполагали, что эта концепция положит начало систематической разработке проблемы и впоследствии будет стимулировать многие ее экспериментальные и теоретические исследования.

Если в работах Опарина изучались причины и закономерности предбиологической эволюции, приведшей к возникновению первичных организмов, то Вернадским ставилась принципиально новая проблема — возникновение биосферы [201]. В противоположность укоренившимся представлениям о первичности организма и производности всех остальных уровней организации жизни Вернадский обосновывал идею о том, что жизнь с самого начала была сложной системой, в состав которой входили не только первичные виды, но и первичные биоценозы. Биосфера должна была сложиться как комплекс живых форм, способных выполнять разнообразные геохимические и энергетические функции в биосфере и поддерживавших целостность зарождающегося биотического круговорота. Эти идеи лишь в последние годы привлекли внимание, когда стало ясно, что жизнь — это свойство, присущее биосфере в целом, а не отдельным организмам или скоплениям молекулярных соединений.

Таким образом, анализ концепций витализма и механицизма помогал познанию сущности жизни. Но оставшийся без оппонентов диалектический материализм был не в состоянии воспринять новаторские подходы В. И. Вернадского и А. Г. Гурвича, которые были объявлены идеалистическими, виталистическими и метафизическими. Отвергалось практически все, что не укладывалось в рамки догматизированных представлений. Игнорировалась доказанная всей историей науки истина о совместимости науки практически с любой философской системой. Как писал Вернадский, «нет философии научной и ненаучной. Нет такой философии, которая совпадала бы в своих построениях с наукой, являлась бы для нее существенно более необходимой, чем другая» [202].

Массовый террор 30—40-х гг. также способствовал элиминации многих оригинально мыслящих биологов.

3.3.2. Биосоциальная проблематика

В дискуссиях 20-х гг. поднимались и проблемы природы и происхождения психики и сознания, соотношения физиологического и психического. По сути дела продолжались споры, начатые еще во второй половине XIX в. вокруг рефлекторной природы психики человека. Эти споры были стимулированы трудами И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1863) и «Кому и как разрабатывать психологию» (1863), в которых доказывалось, что все проявления сознательной и бессознательной жизни совершаются по типу рефлексов [203].

Эта концепция получила дальнейшее развитие в трудах первого русского лауреата Нобелевской премии И. П. Павлова, который показал, что в поведении высших животных и человека огромную роль играют условные рефлексы и что условнорефлекторная деятельность осуществляется при участии коры больших полушарий головного мозга. Рассматривая мыслительную деятельность как функцию головного мозга и отстаивая идею о единстве физиологического и психического, Павлов ввел понятие о второй сигнальной системе как специфической форме высшей нервной деятельности человека, связанной с речью и абстрактным мышлением. Эти идеи были обобщены Павловым в книге «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения животных). Условные рефлексы» (1923) [204].

Рефлексологическая концепция сознания разрабатывалась и В. М. Бехтеревым, который также ратовал за объективные методы изучения психики человека [205], пытаясь связать психические явления с физическими и социальными раздражениями и рассматривая их как реакции на эти раздражения. Внутренние же процессы, обуславливающие поведение индивидов и коллективов, были энергетическими по своей природе. Впоследствии с позиций энергетического монизма Бехтерев разрабатывал идеи индивидуально-энергетического и социального бессмертия человечества. В послереволюционные годы Бехтерев «энергетический монизм» применил к объяснению социальных процессов, полагая, что в них «раскрываются те же общие космические законы, как закон сохранения энергии, тяготения, отталкивания, проти-

водействия равного действию, подобия, ритма, энтропии, эволюции, дифференцировки, обобщения или синтеза, приспособляемости, отбора, инерции и т. д.» [206]. Поэтому он считал возможным всю социологию свести к биологии и прежде всего к развиваемой им рефлексологии, так как в процессах социальной жизни, «коллективных рефлексах» прослеживаются реакции коллективов людей на воздействие среды. Особое внимание он уделял космическим факторам. Например, усматривая взаимосвязь социальных революций с максимумом пятен на солнце, Бехтерев предлагал составлять «политические гороскопы».

По мнению А. А. Ухтомского, ученика Н. Е. Введенского, функциональной единицей деятельности мозга является система нервных центров, а не отдельная рефлекторная дуга. В начале 20-х гг. он разработал учение о доминанте как общефизиологическом принципе деятельности нервной системы [207].

Для раскрытия закономерностей возникновения разумного поведения принципиальное значение имела небольшая книга А. Н. Северцова «Эволюция и психика» (1922). В ней анализ приспособительного значения поведения привел к пониманию взаимосвязи прогрессивной эволюции животных с эволюцией мозга и психики. В. А. Вагнер [208], рассмотрев основные этапы развития психики, обосновал идею о сопряженной эволюции инстинктивного поведения с эволюцией поведения разумного типа. Он указал, что синтез зоопсихологии с дарвинизмом приведет к созданию общебиологической теории поведения, построенной на принципах эволюционизма. Но реализация этой задачи в нашей стране задержалась на несколько десятилетий из-за негативного отношения к этологии.

Зоопсихологические исследования В. А. Вагнера, коллективная рефлексология В. М. Бехтерева, учение И. П. Павлова об условных рефлексах и регулирующей функции центральной нервной системы, теория доминанты А. А. Ухтомского создавали естественнонаучную основу для понимания сознания.

В школах Павлова, Бехтерева и Ухтомского разрабатывались идеи о тесной связи психического и физиологического в целостном поведении. В послереволюционные годы были выполнены работы Павлова и его сотрудников по экспериментальным неврозам, типологии высшей нервной деятельности, ее изменчивости и наследственности, работы Бехтерева по онтогенетическому развитию и типологии поведения, основные работы Ухтомского о доминанте и т. д. Все

это укрепляло материалистическое понимание психики как функции мозга, хотя и лидеры школ, и особенно их последователи находились в состоянии перманентной идейной конфронтации. Это озадачивало большевистских лидеров, не понимавших, какая-же концепция является истинной.

Материалистическому направлению в объяснении психики и сознания человека противостояли сильные школы так называемых психологов-идеалистов А. И. Введенского, Г. И. Челпанова и др. [209].

С первых дней советской власти лидеры физиологии и психологии заняли резко отрицательную позицию по отношению к большевикам. В хорошо известной академической речи в 1923 г. И. П. Павлов, критикуя книгу Н. И. Бухарина «Азбука коммунизма», заявил, что марксизм является псевдонаукой и лишь теория рефлексов может дать основу для научного понимания мышления. Эти высказывания вызвали отповедь со стороны лидера левых коммунистов, обвинившего Павлова в интеллигентском пессимизме [210]. Анализ характера солнечных пятен в 1917 г. привел Бехтерева к негативной оценке социалистической революции. Он утверждал, что взбаламученные солнечными пятнами народные массы устремились «за демагогами интернационалистического склада» и поэтому «общественное течение как против войны, так и против буржуазии и капитализма» одержало вверх, но поскольку большевизм превратил революцию «из общенациональной в партийную», то «со временем, однако, и большевизм начинает разочаровывать» [211]. А будущий основоположник советской марксистской психологии К. Н. Корнилов еще в 1919 г. призывал к удалению психологии из физиологии и протестовал против преподавания атеизма в школах [212].

Понимая научный вес лидеров отечественной физиологии и значение их работ для обоснования марксистской теории сознания, коммунистические вожди стремились к компромиссу с оппозиционерами. Так, Л. Д. Троцкий, симпатизируя учению З. Фрейда, не раз уверял, что учение Павлова имеет столь же основополагающее значение для современной науки, как и взгляды австрийского психиатра [213]. По мнению Д. Жоравского, развиваемый Бухариным и Троцким марксистский материализм был достаточно эластичной формулой [214]. Это был своего рода компромисс, который ранее Галилей предлагал церкви, когда признавалась святость и неизменность религиозного знания, а научное знание трактовалось как мирское, нечестивое, преходящее и скоро-

течное. Правда, для Бухарина марксизм не был священен и неизменен, поскольку он был научен, а значит — и изменяем.

С первых лет советской власти большевики предприняли громадные усилия для развития институциональной базы физиологических исследований. Узнав о намерении Павлова уехать за границу, В. И. Ленин в июне 1920 г. распорядился «предоставить ему сверхнормативный паек и вообще озаботиться о более или менее комфортабельной для него обстановке, не в пример прочим» [215]. Подписанный Лениным в 1921 г. декрет Совнаркома об обеспечении научно-исследовательских работ под руководством И. П. Павлова положил начало созданию мощной сети научно-исследовательских учреждений по физиологии. В 1925 г. возглавляемая И. П. Павловым Физиологическая лаборатория была превращена в Физиологический институт АН СССР. Существенную поддержку получил и возглавляемый И. П. Павловым физиологический отдел в Институте экспериментальной медицины Наркомздрава. Была создана знаменитая Биологическая станция в Колтушах. В 1918 г. в Петрограде по инициативе В. М. Бехтерева был организован институт по изучению мозга и психической деятельности, переименованный в 1925 г. в Государственный рефлексологический институт по изучению мозга. Как выше уже отмечалось, в Комакадемии в 1925 г. был создан Институт по изучению высшей нервной деятельности во главе с учеником И. П. Павлова Д. С. Фурсиковым. Возник целый ряд и других институтов и лабораторий, посвященных другим разделам физиологии помимо ВНД [216].

Подобная политика побуждала недавних яростных противников Советской власти менять свои взгляды. Так, по словам А. Б. Залкинда, Бехтерев в 1924 г. уже заявлял: «Сейчас же в ученом кругу считается странным не признавать огромных успехов и исторической мудрости Октябрьской революции» [217]. Все чаще они стали усматривать близость марксизма с физиологическими объяснениями психики. Однако раскрывая физиологические основания психики человека, лидеры физиологии, естественно, не всегда могли показать конкретные научные средства для исследования социально-исторической детерминации сознания. Это было использовано для обвинения физиологов в механицизме, в биологизации психики и сознания, в дуализме при изучении психики, в сведении законов психики к законам механики, а сложного социального поведения к простым рефлексам и т. д. [218]. Указывалось на недопустимость объяснять сугубо физиологическими процессами мораль, этику, нравственность, классовую борьбу [219], как это делали некоторые последователи Бехтерева и Павлова. Особенно доставалось Э. С. Енчмену, который, объявив себя последователем И. П. Павлова, сводил психическое полностью к физиологическому [220]. По его мнению, психика не существует реально, так как она носит невещественный характер и непространственна.

Дискуссии вокруг проблем психики и сознания в конечном итоге сводились к задаче построить «диалектико-материалистическую психологию», которая якобы была бы свободна от недостатков ранее господствовавшей субъективной психологии. Лидером этого движения стал директор Института психологии в Москве К. Н. Корнилов, который, усвоив основные положения марксизма в популярном изложении, стремился доказать, что именно его реактология является «марксистской психологией» [221].

Работы Корнилова вызвали длительную дискуссию со взаимными обвинениями в философских грехах и отступлениях от марксизма [222]. Сами участники дискуссий порой характеризовали ее следующим образом [223]: Павлов не признает рефлексологию Бехтерева; Бехтерев не признает никакой психологии и обвиняет Корнилова в субъективизме; Корнилов обвиняет Павлова, Бехтерева и Енчмена в механистическом материализме, а Блонского в бихевиоризме; Челпанов упрекает Корнилова в незнании марксизма; Франкфурт уличает Павлова и Бехтерева в позитивизме и эклектике, а Челпанова в извращении марксизма; Троцкий в опытах Павлова видит путь к материализму; Бухарин в опоре на рефлексологию усматривает опасность агностицизма и позитивизма. В одних работах доказывалось, что коллективная рефлексология служит научной базой марксизма в объяснении индивидуального и общественного сознания. В других же трудах такой базой называли теорию рефлексов Сеченова, которая почему-то противопоставлялась учению Павлова. Много споров шло о том, как трактовать ту или иную естественнонаучную концепцию с точки зрения марксизма, что следует брать из них в качестве научного факта, а что должно быть отвергнуто как ошибочный мировоззренческий вывод. Участники дискуссий сходились только в одном: каждый считал, что именно его взгляды соответствуют марксизму.

В этом отношении характерна дискуссия, состоявшаяся 11 апреля 1925 г. на пленарном заседании НОМ по докладу В. М. Бехтерева «Рефлексология и диалектический материализм», подготовленному совместно с А. И. Дубровским.

Бехтерев заявил не только о полной солидарности с диалектическим материализмом, но и о совпадении основных положений рефлексологии о соотносительной или сочетательно-рефлексорной деятельности человека с принципами диалектического материализма: непрерывности изменений, причинной зависимости явлений, всеобщей связи явлений, единства количественных и качественных изменений, скачкообразности развития, прогресса [224]. Положения рефлексологии в докладе формулировались следующим образом: 1) Личность развивается под влиянием внешней среды; 2) Эта среда материальна, как материальна и невродинамическая основа поведения человека; 3) Человек реагирует на внешнюю среду в соответствии с гегелевской триадой; 4) Люди живут в созданной ими общественной среде; 5) Поведение человека определяется генетическими и социальными факторами, но роль последних возрастает в ходе исторического развития и онтогенеза; 6) Развитие рефлекса идет скачкообразно, от недифференцированного к дифференцированному; 7) Нет абсолютных истин; 8) Каждый человек является членом социальной группы или класса; 9) Практическая применимость; 10) Движение общественной жизни нельзя представить без борьбы классов. Личность в рефлексологии характеризовалась как «комплекс рефлексов, результат видового, индивидуального и социального опыта» [225], а основными методами рефлексологии назывались объективное наблюдение и эксперимент. Все это давало основание Бехтереву для вывода: «Рефлексология может и должна быть опорой марксизма» [226].

Однако из выступавших только Л. Л. Васильев и А. И. Дубровский поддержали этот вывод докладчика. По мнению П. Ф. Куразова, Н. А. Гредескула, А. А. Ухтомского и др., рефлексология дает лишь основу для борьбы с субъективизмом, но остается описательной, а не экспериментальной наукой. Она построена в новом стиле, но из старого материала. В ней находили элементы метафизики, энергетизма, смешивание физиологического и психического и т. д. На этой дискуссии дебютировал на поприще философских проблем биологии И. И. Презент, который сказал, что нельзя смешивать отношение Бехтерева к диалектическому материализму с отношением его теории к философии марксизма. В довольно сумбурной манере Презент обвинил Бехтерева в вульгарном материализме, в смешивании диалектического метода с конкретной областью знания, в неоправданности претензий рефлексологии на изучение общественных явлений и т. д. По-видимому, Презент тогда казался столь незначительной фигурой, что ни Бехтерев, ни Дубровский не посчитали необходимым ответить на его выпады, тогда как возражения других участников дискуссии были ими внимательно рассмотрены.

В целом накал дискуссии определялся конкуренцией школ В. М. Бехтерева, В. Л. Вагнера, И. П. Павлова и А. А. Ухтомского в претензии на марксистское объяснение психики и сознания человека. Правда, сам Павлов не раз выступал с критикой философии марксизма, но его стремление объяснить все психические явления на базе физиологии, его понимание целостности личности во взаимодействии с внешней средой, учение о второй сигнальной системе и т. д. побуждало его учеников и философов-марксистов искать во взглядах Павлова основу диалектического материализма. Как справедливо заметил философ и историк науки И. А. Боричевский, сложилась любопытная ситуация, когда «четыре соперничающих друг с другом течения естественно-научной мысли... предлагают марксистской социологии свои услуги» [227]. Он предостерегал марксистских социологов от вмешательства в эти споры и призывал их к лояльности по отношению к каждой из них, так как стремление к гегемонии одной школы есть не что иное, как «научный империализм», который неизбежно приведет к стагнации науки. К сожалению, этому предостережению, базирующемся на глубоком знании истории науки, не вняли участники тех дискуссий.

Не вдаваясь в подробности споров, которые уже анализировались в ряде работ по истории психологии [228], отметим только, что за короткий срок было выдвинуто множество идей, способствующих усилению материалистических тенденций в отечественной психологии. Были проанализированы бихевиоризм, гештальтпсихология, психоанализ и т. д. Участники дискуссий были единодушны в признании психики свойством высокоразвитой материи и социальной обусловленности сознания, что открывало путь к комплексному изучению психики и сознания как целостного явления, детерминируемого биологическими и социальными факторами. Признав необходимость учений Бехтерева, Павлова и Ухтомского для изучения физиологических основ психики, участники дискуссий отвергли вместе с тем попытки Э. Е. Енчмена растворить социальные черты личности в биологических процессах. Так, И. Орлов подчеркивал важность «при физиологическом исследовании принимать во внимание также субъективную, психологическую сторону вопроса; дол-

5 Зак. 3008

жен быть установлен тесный контакт между физиологическим и психологическим подходом» [229].

С 1928 г. дискуссии по этим вопросам в Комакадемии сменили прежние споры о взаимоотношениях ламаркизма, дарвинизма и генетики. Начало положила дискуссия 19 января 1928 г. вокруг докладов Д. С. Фурсикова «Методика физиологического изучения функций коры головного мозга» и М. О. Гуревича «Соотношение между физиологией и морфологией мозга», в обсуждении которых выступили Б. М. Розенцвейг, М. И. Рубинштейн, Я. М. Урановский [230]. За нею последовали дискуссии по докладам Г. П. Зеленого «Виды мозговых ассоциаций у человека и у животных» (4 февраля 1928 г., выступавшие: М. О. Гуревич, Б. М. Завадовский, М. А. Рейснер, Ю. П. Фролов) [231]; П. П. Лазарева «Закон „все или ничего" в применении к физиологии» (12 апреля 1928 г., выступавшие: М. Л. Левин, С. Г. Левит, Г. Э. Корицкий, В. Г. Фридман) [232]; Ю. В. Франкфурта «Сдвиг в современной рефлексологии» (26 апреля 1928 г., выступавшие: В. Б. Аптекарь, Д. Ю. Квитко, К. Н. Корнилов, Б. М. Розенцвейг) [233]. Учредительное собрание Общества психоневрологов-марксистов было ознаменовано докладом А. Б. Залкинда «Психоневрология в СССР» (17 ноября 1928 г.), в обсуждении которого приняли участие Артемьев, Белокопытов, Р. Л. Дунаевский, А. Н. Залманзон, П. П. Тутышкин, Ю. Ф. Франкфурт, И. Н. Шпильрейн [234]. На два заседания растянулось обсуждение доклада механициста В. Н. Сарабьянова «Психофизиологическая проблема» (18 декабря 1928 г., 19 января 1929 г.), где выступили Белецкий, Вейсброд, М. Я. Выгодский, Т. В. Гейликман, А. Н. Залманзон, Л. Р. Перельман, И. Д. Сапир, П. П. Тутышкин, Ю. П. Фролов, Ю. Ф. Франкфурт [235]. Последовавшие вскоре события «культурной революции» покончили с практикой относительно свободных дискуссий по этим проблемам.

Выработке понимания необходимости объективно-рефлексологических и субъективно-психологических методов в изучении сознания способствовала и многолетняя дискуссия вокруг концепции З. Фрейда. Многим казалось, что учение Фрейда, включая биологические и социальные факторы детерминации поведения человека, способно объединить разные подходы к его объяснению. В ходе дискуссий высказывались диаметрально противоположные точки зрения: от полного отрицания научной значимости психоанализа до признания его естественнонаучной основой исторического материализма [236]. Аналогичная картина складывалась и в дискуссиях о бихевиоризме, гештальтпсихологии и т. д. [237].

В целом же работы физиологов, психологов и философов в те годы (П. П. Блонский, В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, К. Н. Корнилов, М. А. Рейснер и др.) лежали в русле утверждавшихся в мировой науке подходов к решению биосоциальных проблем. Их труды способствовали выработке представлений о том, что в объяснении психики и сознания необходимо учитывать различные направления физиологии и психологии: учение Павлова, рефлексологию Бехтерева, учение о парабиозе, бихевиоризм, сравнительную зоопсихологию и т. д. Это понимали и официальные диалектизаторы естествознания, что нашло отражение в программном заявлении журнала «Естествознание и марксизм» [238]. Но это заявление осталось пустым звуком.

В середине 20-х гг. в рамках психоневрологического отделения Комакадемии шла в основном литературная работа путем исторического анализа «развития всех отраслей психоневрологии как отдельных звеньев единой науки о человеческом поведении при помощи метода диалектического материализма» [239]. Руководитель отделения А. Н. Залманзон подчеркивал: «Основная задача этой работы — рассеять густой идеалистический туман, который окутывает психоневрологию, вырвать научные факты из цепких пут ложных идеологий» [240].

Большую часть научной продукции, однако, давали не сотрудники Комакадемии, а авторы со стороны (А. А. Ухтомский. «Парабиоз и доминанта», Б. Н. Бирман. «Учение о гипнотизме в свете учения об условных рефлексах», В. А. Крылов. «Условные рефлексы морфийного отравления» и т. п.). В единственном учреждении Комакадемии, в Институте ВНД, велась работа по выявлению локализации центров анализаторов в коре головного мозга, по выяснению распределения чувствительных и двигательных зон, влияния наркотических веществ на головной мозг, цито- и микроархитектонике головного мозга [241].

За несколько лет тематика исследований расширилась. В Институте ВНД, Институте мозга, Обществе психоневрологов-материалистов, Обществе врачей-материалистов разрабатывались проблемы влияния трудовых процессов на психику, астенизии личности, педологии, типологии и характера (профессиональной одаренности, психотехники, социальной и педологической типологии), психопатических механизмов, социальной психологии и социальной психопатологии, генетики в психоневрологии и т. д. [242]. Разработка учения

Павлова об условных рефлексах дополнялась данными биохимии, биофизики, эндокринологии, гистологии нервной системы.

Но продуктивная мысль о необходимости опоры на опыт всей мировой физиологии, психологии оказалась забытой в годы «культурной революции», что оказало пагубное влияние на разработку биосоциальной проблемы. В эти годы возобладал сталинский тезис о глубоком кризисе буржуазной науки и о приоритете отечественных работ над зарубежными. Под запретом оказались многие направления психологии, а педология стала наукой, осужденной специальными партийными постановлениями. Фактически это была первая наука, запрещенная официально.

3.3.3. Проблема регуляции взаимодействия между природой и обществом

Несколько лет тому назад на русском языке была издана прекрасная книга американского историка науки Д. Вейнера, посвященная становлению охраны природы в СССР и развитию заповедного дела в первое десятилетие советской власти. В книге ярко показано: «1925—1929 годы для молодого советского природоохранного движения были временем больших надежд» [243]. Более того, до начала 30-х гг. Советский Союз был лидером в разработке теории и практики охраны природы. Советское правительство впервые воплотило на практике рекомендации ученых о выделении специально охраняемых территорий для изучения экосистем. В правительственных кругах, и прежде всего у В. И. Ленина, А. В. Луначарского, П. Г. Смидовича, Н. В. Крыленко, в годы нэпа находила поддержку идея ученых о том, что планирование регионального землепользования и восстановление разрушенных ландшафтов должно осуществляться на базе экологических исследований. Эта идея составляла суть научного направления в природоохранном движении, которое с началом нэпа отодвинуло на второй план два других направления: утилитарное и культурно-эстетико-этическое. Если сторонники последнего, враждебные к планам индустриализации (И. П. Бородин, А. П. Семенов-Тяньшанский, В. Е. Тимонов), после 1922 г. практически перестали публиковаться, то сторонники рационального использования природных ресурсов (В. И. Вернадский, Г. А. Кожевников, Н. А. Кулагин, Ф. Ф. Шиллингер, В. Н. Сукачев и др.) задавали тон в разработке планов взаимодействий природы и общества.

Мы остановимся только на нескольких моментах истории этой проблемы, не нашедших отражения в монографии Д. Вейнера.

Это прежде всего проблема управления органической эволюцией, поднятая в 1922 г. в книге Б. М. Козо-Полянского «Финал эволюции». В ней констатировалось, что в нашу эпоху совокупная мощь воздействия человека на органический мир чрезвычайно возросла. Рост численности населения, развитие производительных сил, приручение животных и окультуривание растений, распашка громадных территорий, создание пастбищ, вырубка лесов, индустриализация добычи морских животных — все эти и другие прямые и косвенные воздействия человека на дикоживущие виды и среду их обитания, по мнению автора, привели к тому, что биологическая эволюция как процесс природы завершилась. Человечество превратилось в единственный фактор эволюции организмов, которая возможна лишь под его прямым контролем.

В одном из первых откликов на эту книгу В. Н. Слепков справедливо отмечал, что сейчас под прямым контролем человека находятся всего несколько сотен видов домашних животных и культурных растений. И если встать на точку зрения Козо-Полянского, то подавляющее большинство организмов обречено на вымирание, будучи не в состоянии адаптироваться к среде, преобразованной человеком. В действительности же это не так. «Эволюция не может прекратиться никогда. Она может только изменить свою форму» [244]. Необходим переход к эволюции органического мира, управляемой человеком.

Именно последняя идея стала лейтмотивом многих публикаций по проблеме взаимодействия человека с живой природой. Сама идея о громадном влиянии деятельности человека на эволюцию природы часто высказывалась в трудах крупнейших ученых XIX в. — основателей эволюционных концепций (Ж.-Б. Ламарк, Ч. Лайель, Ч. Дарвин и др.). Важность перехода к планомерному взаимодействию человека со средой стала осознаваться широкими кругами научной общественности в начале XX в. Так, например, А. Е. Ферсман подчеркивал, что человек должен согласовывать свою деятельность с законами окружающего мира. В приспособлении к нему заключается «весь закон эволюции, борьба за существование, естественный отбор, вся сложность химических превращений и физических процессов, наконец, вся жизнь человека с ее постоянной борьбой и постоянными исканиями» [245].

Аналогичные идеи разрабатывались в трудах В. И. Вернадского [246], который доказывал неизбежность перехода от стихийной эволюции к сознательному управлению ее процессами. Вместе с тем, он понимал, что в настоящий момент человек еще не способен к управлению эволюцией. Его воздействие на природу ведет к вымиранию видов, к разрыву устоявшихся биоценотических связей, а в конечном итоге к дестабилизации биогеохимического круговорота, что грозит существованию самого человека. Идея Вернадского о скорейшем переходе к управлению биосферными процессами была философским обобщением, возникшем на базе синтеза биогеохимии, эволюционной теории и истории науки. В настоящее время требования Вернадского о всесторонней планомерности воздействия человека на окружающую среду и учете его отдаленных последствий общепризнаны. Но тогда они остались незамеченными. Напротив, наибольшую популярность вскоре получили призывы к «покорению природы», осуществление которых в конечном счете и привело к экологическому кризису.

Между тем в 20-х гг. были выполнены экологические исследования, создававшие естественнонаучную основу для рационального использования природных ресурсов. Интенсивно разрабатывались идеи о тесной взаимосвязи организмов в сообществах и о единстве биоценозов со средой обитания [247]. Для понимания механизмов регуляции популяций и биоценозов большое значение имели опыты и наблюдения по борьбе за существование В. Н. Сукачева, показавшие регулирующее значение внутривидовой конкуренции у растений.

Широкое развитие в те годы получили комплексные исследования экологических и генетических факторов внутривидовой дифференциации, получившие названия генэкологии (М. А. Розанова, В. Н. Синская, В. В. Станчинский). Для выработки способов управления эволюцией органических форм трудно переоценить важность организованного Н. И. Вавиловым в 20-х гг. планомерного исследования закономерностей распространения генов в различных географических районах. Это невиданное по масштабу изучение генетического потенциала сельскохозяйственных растений и их диких родичей во много раз расширяло возможности селекции как по выбору исходного материала, так и по обнаружению новых хозяйственно полезных свойств и признаков. Опора на новейшие достижения генетики и эволюционной теории обеспечивала создание сотен сортов растений и пород животных, выведенных в те годы в СССР трудами и

при участии Е. А. Богданова, М. Ф. Иванова, Б. Н. Васина, Я. Л. Глембоцкого, П. Н. Константинова, Н. Н. Кулешова, П. И. Лисицына, Г. К. Мейстера, А. А. Сапегина, А. С. Серебровского, А. П. Шехурдина и мн. др. Труды Н. И. Вавилова и его последователей демонстрировали практическую значимость фундаментальных исследований, благодаря которым селекция могла превратиться в учение об «эволюции, направляемой волей человека» [248]. По мнению Вавилова, именно селекция эффективно реализует принцип единства теории и практики, выступающего, согласно марксизму, решающим критерием истинности того или иного естественнонаучного обобщения.

* * *

Несмотря на все издержки диалектизации биологии, дискуссии тех лет в целом способствовали уточнению путей для сотрудничества философии и биологии. Были осуждены попытки возродить натурфилософию и комиссарский тон по отношению к науке. Разработка методологических основ биологии была призвана прежде всего помочь решению конкретных проблем эволюционной теории генетики, физиологии, экологии, этологии, биогеохимии, селекции. Казалось, что апробированные разные способы «диалектизации» биологии показали, что «не должно быть больше философов, которые не занимались бы хотя бы какой-либо конкретной наукой, диалектикой ее категорий и законов. Глубокомысленному пустословию должна быть объявлена решительная борьба. Покажите, что Вы знаете диалектику, применением ее к конкретному предмету, — вот что должно неуклонно требовать у всякого, клянущегося именем диалектики» [249].

Но подобные заявления, увы, остались лишь пожеланиями. Последовательное искоренение всех философских систем, за исключением марксизма, неизбежно вело к репрессиям против многих научных направлений. Не признавалось, что теоретическое естествознание для нормального развития нуждается в результатах работы всей философской мысли, всех философских течений. И только будущее может оценить роль той или иной философской системы в развитии науки. Забвение этого оказалось трагическим для отечественной биологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Амлинский И. Е.* Эволюционное учение // Развитие биологии в СССР. М., 1967. С. 656—684; *Полянский Ю. И.* Развитие эволюционного учения в СССР // Биология в школе. 1977. № 5. С. 24—31; *Adams M.* Sergei Chetverikov, the Kol'tsov Institute and the Evolutionary Synthesis // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 242—246; *Dobzhansky Th.* The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 229—242; *Галл Я. М., Колчинский Э. И.* Исследования по эволюционной теории в СССР // ВИЕТ. 1984. № 1. С. 14—24; *Weiner D.* Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington; Indianapolis, 1988; *Вейнер Д.* Экология в Советской России. Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991; и др.
2. *Vucinich A.* Darwin in Russian Thought. Berkeley; Los Andgeles; London, 1988.
3. *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т. 1—4. М.; Л., 1951—1959; *Гайсинович А. Е.* К. Ф. Вольф и учение о развитии организмов. М., 1961.
4. *Микулинский С. Р.* Развитие общих проблем биологии в России. М., 1961.
5. *Рулье К. Ф.* О животных Московской губернии. М., 1845. *Микулинский С. Р.* К. Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира. М., 1957.
6. *Завадский К. М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859—1920-е годы). Л., 1973; *Vucinich A.* Darwin in Russian Thought. Berkeley; Los Andgeles; London, 1988; *Todes D.* Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought. New York; Oxford, 1989; *Георгиевский А. Б., Хахина Л. Н.* Развитие эволюционной теории в России. СПб., 1996.
7. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 354.
8. *Розанов Я.* Дарвинизм и марксизм (библиография) // Дарвинизм и марксизм. Харьков, 1925. С. 317—322.
9. *Rogers J.* Darwinism, Scientism and Nihilism // Russian Review. 1960. Vol. 19. P. 10—23; *Rogers J.* Russia: Social Sciences // The Comparative Reception of Darwinism. Chicago; London, 1988. P. 256—268; *Schapiro L.* Marxism behind the Iron Curtain // Darwin, Marx and Wagner. Ohio, 1962. P. 117—138; *Rossmanith W.* Darwinismus, Kommunismus, Lysenkoismus // Darwin und Darwinismus: Eine Ausstellung zur Kultur und Naturgeschichte. Berlin, 1994. S. 192—200.
10. *Dobzhansky Th.* The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 229—242.

11. Provine W. Origins of the Genetics of Natural Populations Series // Dobzhansky's Genetics of Natural Populations I—XLIII. New York, 1981. P. 5—63; *Конашев М. Б.* Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Вып. 1. Л., 1991. С. 240—263; The Evolution of Theodosius Dobzhansky. Princeton (New Jersey), 1994.
12. *Paul D., Krimbas C.* Nikolay V. Timofeeff-Ressovsky // Scietific American. 1992. № 2. P. 64—70; Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Очерки, воспоминания, материалы / Под ред. Н. Н. Воронцова. М., 1993.
13. Письмо тов. Л. Д. Троцкого // ПЗМ. 1922. № 1. С. 5—7; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 22—33.
14. *Троцкий Л. Д.* Внимание к теории // Новое поколение Октября. М., 1924. С. 80.
15. *Троцкий Л. Д.* Пролетарская культура и пролетарское искусство // Литература и революция (1923). М., 1991.
16. *Филипченко Ю. А.* Эволюционная идея в биологии. Пг., 1923; *Завадский К. М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина. Л., 1973; *Назаров В. И.* Финализм в современном эволюционном учении. М., 1984.
17. *Равич-Черкасский М.* Предисловие // Дарвинизм и марксизм. Харьков, 1923. С. 6.
18. Это статья Тимирязева «Ч. Дарвин и К. Маркс», опубликованная впервые в 1919 г. (Пролетарская культура. № 9—10), и глава «Историческая биология и экономический материализм» из книги «Исторический метод в биологии» (1922).
19. *Тимирязев К.* Ч. Дарвин и К. Маркс // Дарвинизм и марксизм. 2-е изд. М., 1925. С. 40.
20. Там же.
21. *Попов-Подольский М.* Современный антидарвинизм и марксизм // Коммунистическая мысль. 1923. № 6—7. С. 31—35; *Он же.* Пробный камень диалектики // Там же. № 12. С. 31—45; *Боголепов Л.* Роль труда в изменчивости организма (к вопросу о диалектическом методе в биологии) // Спутник коммуниста. 1923. № 22. С. 231—238; *Бартенев А. Н.* К вопросу о старых и современных путях в биологии // ПЗМ. 1925. № 12. С. 72—78.
22. *Троцкий Л. Д.* К Первому Всероссийскому съезду научных работников // Правда. 1923. 24 ноября.
23. *Троцкий Л. Д.* Дарвинизм и марксизм // Новое поколение октября. М., 1924. С. 56—57.
24. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 130.
25. См., например: *Гульбе Д. Г.* Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма // ПЗМ. 1924. № 8—9. С. 157—166; *Гредескул Н. А.* Происхождение и развитие общественной жизни. Л., 1925. Т. 1; *Островский К. К.* Кто прав? // Преформизм и эпигенезис. Вологда, 1926. С. 70—72.
26. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 4. Л. 64.
27. *Семковский С. Ю.* Что такое марксизм (Дарвин и Маркс). Харьков, 1922; *Гурев Г. А.* Дарвинизм и марксизм. Гомель, 1924; и др.

28. *Сарабьянов В. Н.* Назревший вопрос // Спутник коммуниста. 1923. № 20. С. 232.
29. *Бройдо Г.* Дарвинизм и марксизм // Печать и революция. 1923. № 3. С. 148—149; *Даян Г.* Дарвинизм и марксизм // Спутник коммунизма. 1923. № 21. С. 206—208.
30. *Степанов И. И.* (Скворцов-Степанов). Диалектическое понимание природы — механистическое понимание // ПЗМ. 1925. № 3. С. 213.
31. *Рязанов Д. Б.* Примечания // Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. М., 1923. С. 122.
32. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 2. Д. 109. Л. 11.
33. *Бубликов М.* Борьба за существование и общественность. Дарвинизм и марксизм. М., 1926; *Гуреев Г. А.* Дарвинизм и марксизм. Гомель, 1924. С. 107.
34. *Выдра Р.* О новом «коммунистическом» откровении // ПЗМ. 1925. № 10—11. С. 170—182; *Слепков В. Н.* Витализм, механицизм и диалектика // ПЗМ. 1926. № 9—10. С. 89—109.
35. Цит.: *Дучинский Ф. Ф.* Эволюционное учение. М.; Л., 1928. С. 243.
36. *Дучинский Ф. Ф.* Является ли дарвинизм тихогенезом // ПЗМ. 1925. № 8—9. С. 122.
37. *Козо-Полянский Б. М.* Диалектика в биологии. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1925.
38. Там же. С. 39, 54.
39. *Шаксель Ю.* Биологические теории и общественная жизнь. Л., 1926. С. 25, 32.
40. *Шаксель Ю.* Виталистические блуждания современной биологии // ВКА. 1925. № 12. С. 208—218.
41. *Adams M.* Severtsov and Schmalhausen: Russian Morphology and the Evolutionary Synthesis // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 222.
42. *Huxley J.* Towards the New Systematics // The New Systematics. Oxford, 1940. P. 8.
43. *Деборин А. М.* Энгельс и диалектика в биологии // ПЗМ. 1926. № 1—2. С. 54—89; № 3. С. 5—28; № 9—10. С. 5—25.
44. *Агол И. И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М., 1927. С. 26.
45. *Серебровский А. С.* Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции // ЕиМ. 1929. № 2. С. 53—72; *Местергази М. М.* Эпигенез и генетика // ВКА. 1927. № 19. С. 187—222; *он же.* Основные проблемы органической эволюции. М., 1930.
46. *Агол И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М., 1927. С. 39—40.
47. *Агол И. И.* Проблемы органической целесообразности // ЕиМ. 1930. № 1. С. 3—20.

48. *Слепков В. Н.* Диалектический материализм и биология // ПЗМ. 1927. № 10—11. С. 261.
49. *Агол И. И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М., 1927. С. 144.
50. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 136. Л. 1—60.
51. *Берг Л. С.* Номогенез. СПб., 1922. С. XV.
52. *Любищев А. А.* Понятие эволюции и кризис эволюционизма // Известия Биолог. НИИ Пермского ун-та. 1925. Т. 4. Вып. 4. С. 142.
53. Там же. С. 145.
54. *Dobzhansky Th.* The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass); London, 1990. P. 229—242.
55. Интервью с Е. И. Лукиным в сентябре 1990 г. (видеозапись).
56. *Шимкевич В. М.* Новая фаза в развитии российского антидарвинизма // Теория номогенеза: Новая фаза в развитии российского антидарвинизма. Сборник критических статей / Под ред. Б. М. Козо-Полянского. М., 1928. С. 1—25. (Впервые статья была опубликована в журнале «Экскурсионное дело» за 1922 г. в № 4—6); *Никольский А. М.* Номогенез Л. С. Берга // Уч. записки Наркомпроса Украины. Вып. 1. Харьков, 1923. С. 229—256; *Талиев В. И.* Организм, среда и приспособление. М.; Л., 1926.
57. *Филипченко Ю. А.* Эволюционная идея в биологии. М., 1923.
58. *Козо-Полянский Б. М.* Последнее слово антидарвинизма. Краснодар, 1923.
59. *Иванцов Н. А.* Факторы эволюции. М.; Пг., 1923; *Козо-Полянский Б. М.* Диалектика в биологии. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1925; *Дучинский Ф.* Является ли дарвинизм тихогенезом? // ПЗМ. 1925. № 8—9. С. 116—125; *Агол И. И.* Диалектика и метафизика в биологии // ПЗМ. 1926. № 3. С. 118—150; *Левит С. Г.* Эволюционные теории в биологии и марксизм // Медицина и диалектический материализм. Вып. 1. М., 1926. С. 15—32; *Слепков В. Н.* Витализм, механицизм и диалектика // ПЗМ. 1926. № 9—10. С. 89—109.
60. *Агол И.* Проблема органической целесообразности // ЕиМ. 1939. № 1. С. 18.
61. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 88. Л. 17.
62. Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии. М., 1931. С. 39.
63. *Бах А. Н., Келлер Б. А., Коштоянц Х. С.* и др. Лжеученым не место в Академии наук // Правда. 1939. 11 янв.
64. *Чайковский Ю. В.* О классиках и комментаторах // ВИЕТ. 1992. № 4. С. 137—146.
65. *Dobzhansky Th.* The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1990. P. 233.

66. *Сушкин П. П.* Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений // Природа. 1922. № 3—5. С. 3—32; *Яковлев Н. Н.* Вымирания животных и их причины по данным геологии // Известия Геологического комитета. 1922. Т. 41. № 1. С. 17—31; *Павлов А. П.* О некоторых малоизученных факторах вымирания // *Павлова М. В.* Причины вымирания животных в прошедшие геологические эпохи. М.; Пг., 1924. С. 89—130; *Павлова М. В.* Причины вымирания животных в прошедшие геологические эпохи. М.; Пг., 1924; *Голенкин М. И.* Победители в борьбе за существование. М., 1927; и др.
67. *Соболев Д. Н.* Историческая биогенетика. Харьков, 1924; Он же. Земля и жизнь. Ч. 1—3. Киев, 1926—1928; *Он же.* Диастрофизм и органическая революция // Природа. 1927. № 7—8. С. 566—581; и др.
68. *Колчинский Э. И.* Д. Н. Соболев — автор первой концепции синтетического неокатастрофизма // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 35—42.
69. *Соболев Д. Н.* Историческая биогенетика. Харьков, 1924. С. 175.
70. *Никольский А. М.* Разновидность номогенеза // Теория номогенеза: Новая фаза в развитии российского антидарвинизма. Сборник критических статей / Под ред. Б. М. Козо-Полянского. М., 1928. С. 62—84.
71. *Давиташвили Л. Ш.* Развитие идей и методов в палеонтологии после Дарвина. М.; Л., 1940. С. 121.
72. *Вавилов Н. И.* Роль Дарвина в развитии биологических наук // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм. М., 1932. С. 68.
73. *Попов-Подольский М.* Пробный камень диалектики // Коммунистическая мысль. 1923. № 11. С. 31—45.
74. *Гульбе Д. Г.* Дарвинизм и тория мутаций с точки зрения диалектического материализма // ПЗМ. 1924. № 8—9. С. 157—166.
75. Там же. С. 164.
76. *Дучинский Ф. Ф.* Дарвинизм и теория мутаций // ПЗМ. 1925. № 3. С. 128—139.
77. *Великанов И. М.* Теория мутаций в биологии // Медицина и диалектический материализм. Вып. 1. М., 1926. С. 40.
78. *Гайсинович А. Е.* У истоков советской генетики. 1: Борьба с ламаркизмом (1922—1927) // Генетика. 1968. Т. 4. № 6. С. 158—175; *Бляхер Л. Я.* Проблема наследования приобретенных признаков. М., 1971; *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1973; *Завадский К. М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина. Л., 1973; *Gaisinovich A. E.* The Origin of Soviet Genetics and the Struggle with Lamarckism (1922—1929) // J. Hist. Biol. 1980. Vol. 13. № 1. P. 1—51; *Dobzhansky Th.* The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass); London, 1990. P. 229—242; *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988; *Фролов И. Т.* Философия и история генетики: Поиски и дискуссии. М., 1988.
79. *Комаров В. Л.* Ламарк и его научное значение // *Ламарк Ж. Б.* Философия зоологии. Л., 1935. Т. 1. С. LXXV.

80. *Мозелов А. П.* К переоценке философских основ неодарвинизма // Методологические проблемы биологии. Л., 1971; *Фролов И. Т., Пастушный С. А.* Мендель, менделизм и диалектика. М., 1977.
81. The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass); London, 1980.
82. *Еленкин А. А.* Закон подвижного равновесия в сожительствах и сообществах растений // Известия Гл. ботан. сада РСФСР. 1921. Т. 20. Вып. 2. С. 75—121.
83. *Комаров В. Л.* Ламарк. М.; Л., 1925.
84. *Келлер Б. А.* Растительный мир русских степей, полупустынь. Воронеж, 1923.
85. *Смирнов Е. С., Вермель Ю. М., Кузин Б. С.* Очерки по эволюции. М., 1924.
86. Там же. С. 113, 197.
87. Там же. С. 6.
88. *Смирнов Е. С., Леонов Н. Д.* Преформация или эпигенезис? // Преформизм или эпигенезис. Вологда, 1926. С. 1—24; *Кузин Б. С.* Кризис преформизма // Там же. С. 51—61; *Островский К. К.* Кто прав? // Там же. С. 70—72.
89. Механистическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925.
90. *Серебровский А. С.* Происхождение видов в свете последарвинского изучения изменчивости и наследственности // Происхождение животных и растений. М., 1924. С. 42—78; *Кольцов Н. К.* Новейшие попытки доказать наследственность благоприобретенных признаков // РЕЖ. 1924. Т. 2. Вып. 2. С. 159—167; *Морган Т., Филипченко Ю. А.* Наследственны ли приобретенные признаки? Л., 1925; *Добржанский Ф. Г.* К вопросу о наследовании приобретенных признаков // Преформизм и эпигенезис. Вологда, 1926. С. 24—47.
91. *Слепков В. Н.* Наследственность и отбор у человека // ПЗМ. 1925. № 4. С. 102—122.
92. *Слепков В. Н.* Рецензия на кн. Т. Моргана и Ю. А. Филипченко «Наследственны ли приобретенные признаки?» (Л., 1925) // ПЗМ. 1925. № 7. С. 234—237.
93. *Дучинский Ф. Ф.* Дарвинизм, ламаркизм и неодарвинизм // ПЗМ. 1926. № 7—8. С. 101.
94. Там же. С. 106.
95. Там же. С. 121.
96. *Талиев В. И.* Организм, среда и приспособление. М.; Л., 1926; *Мензбир М.* За Дарвина. М.; Л., 1927.
97. *Завадовский Б. М.* Дарвинизм, ламаркизм и проблема наследования приобретенных признаков // ПЗМ. 1925. № 10—11. С. 113.
98. *Завадовский Б. М.* Дарвинизм и марксизм. М., 1926.
99. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 20 об.; Д. 4. Л. 14 об; Д. 6. Л. 4 об.; *Серебровский П. В.* Наследуются ли приобретенные призна-

ки? // Записки НОМ. 1927. № 7 (1). С. 173; *он же*. Дарвинизм и учение об ортогенезе // Теория номогенеза: Новая фаза в развитии российского антидарвинизма. Сборник критических статей / Под ред. Б. М. Козо-Полянского. М., 1928. С. 87—158; *он же*. Старый и новый дарвинизм // Записки НОМ. 1927. № 7 (1). С. 172—173.
100. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 98. Л. 1—2.
101. Там же. Д. 147. Л. 14.
102. Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 109. Л. 2—4.
103. Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 147. Л. 11—13.
104. *Левит С. Г.* Эволюционная теория в биологии и марксизм // Медицина и диалектический материализм. Труды кружка врачей-материалистов 1-го МГУ за 1924—1925 гг. Вып. 1. М., 1926. С. 15—32.
105. *Левит С. Г.* Проблема конституции в медицине и диалектический материализм // Медицина и диалектический материализм. Труды кружка врачей-материалистов 1-го МГУ за 1925—1926 гг. Вып. 2. М., 1927. С. 5—34.
106. *Левит С. Г.* Диалектический материализм в медицине: Некоторые итоги и перспективы // Вестник современной медицины. 1927. № 23. С. 1487.
107. *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988. С. 286—292.
108. Протокол общего собрания Коммунистической академии 2-го июня 1925 г. // ВКА. 1925. № 12. С. 363—389; Краткий отчет о деятельности Коммунистической академии за 1925 г. // ВКА. 1926. № 15. С. 325—338, 325—338.
109. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 50. Л. 3—5.
110. Памяти проф. П. Каммерера // ВКА. 1926. № 17. С. 3—10.
111. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 163. Л. 25.
112. Памяти проф. П. Каммерера // ВКА. 1926. № 17. С. 8.
113. *Луначарский А. В.* Как возник сценарий «Саламандра» // Советский экран. 1929. С. 47.
114. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 163. Л. 15, 17, 27; Д. 103. Л. 104—107;
115. Там же. Д. 190. Л. 173.
116. Деятельность Коммунистической академии // ВКА. 1929. № 31 (1). С. 229—247.
117. *Навашин М. С.* Об изменении числа и формы хромосом вследствие гибридизации // Труды по прикладной ботанике, генетике, селекции. 1927. Т. 17. Вып. 3. С. 121—150; *он же*. Морфология клеточного ядра видов Crepis в связи с вопросом о видообразовании // Сборник им. С. Г. Навашина. М., 1928. С. 171—186.
118. *Навашин М. С.* Проблема происхождения жизни в свете цитологического исследования // ВКА. 1926. № 14. С. 170—183.
119. *Завадовский Б. М.* Дарвинизм и марксизм: доклад и прения // ВКА. 1926. № 14. С. 226—274; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 48. Л. 1—63.
120. *Серебровский А. С.* Теория наследственности Моргана и Менделя и марксизм // ПЗМ. 1926. № 3. С. 98—117; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 112. Л. 1—58.

121. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 115. Л. 1—70.
122. *Местергази М. М.* Эпигенез и генетика: доклад и прения // ВКА. 1927. № 19. С. 187—222; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 93. Л. 1—68.
123. *Волоцкой М. В.* Спорные вопросы евгеники: доклад и прения // ВКА. 1927. № 20. С. 212—254; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 68. Л. 1—71.
124. Секция естественных и точных наук // Информационный бюллетень Коммунистической академии при ЦИК СССР. 1927. № 7, июнь—ноябрь. С. 43—48.
125. *Рубинштейн Д. Л.* Физико-химические факторы среды // ВКА. 1926. № 15. С. 108—134.
126. *Смирнов Е. С.* Новые данные о наследственном влиянии среды и современный ламаркизм: доклад и прения // ВКА. 1928. № 25. С. 183—213; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 217. Л. 1—81.
127. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 207. Л. 1—51.
128. *Серебровский А. С.* V Интернациональный генетический конгресс // ВКА. 1927. № 23. С. 212—225.
129. *Смирнов Е. С.* Новые данные о наследственном влиянии среды и современный ламаркизм: доклад и прения // ВКА. 1928. № 25. С. 198; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 207. Л. 41.
130. *Шаксель Ю.* Биологические теории и общественная жизнь. Л., 1926.
131. *Агол И. И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М., 1930. С. 122.
132. *Серебровский А. С.* Ортогенез П. В. Серебровского // ЕиМ. 1930. № 1. С. 21—32.
133. *Финкельштейн Е. А.* Жизнь как диалектический процесс. Харьков, 1928. С. 108.
134. *Серебровский А. С.* Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции // ЕиМ. 1929. № 2. С. 53—72.
135. *Дубинин Н. П.* Генетика и неоламаркизм // ЕиМ. 1929. № 4. С. 89.
136. *Волоцкой М. В.* Спорные вопросы евгеники // ВКА. 1927. № 20. С. 212—254; Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 68. Л. 1—71.
137. *Смирнов Е. С.* Проблемы учения о наследственности // ЕиМ. 1929. № 2. С. 73—82.
138. *Смирнов Е. С.* Новые данные о наследственном влиянии среды и современный ламаркизм // ВКА. 1928. № 25. С. 197.
139. Информационный бюллетень Коммунистической академми при ЦИК СССР. 1927. Апрель—июнь, № 6. С. 27—32.
140. Секция естественных и точных наук // Информационный бюллетень Коммунистической академии наук при ЦИК СССР. 1928. № 8. С. 14—21.
141. Деятельность Коммунистической академии наук // ВКА. 1929. № 31 (1). С. 229—247.
142. *Местергази М. М.* Основные проблемы органической эволюции. М., 1930. С. 153.
143. Там же. С. 154—155.

144. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1993.
145. *Артемов Н. М., Калинина Т. Е.* Сергей Сергеевич Четвериков. М., 1994.
146. Исследования по генетике: К 75-летию кафедры генетики и селекции С.-Петербургского университета. Вып. 11. СПб., 1994.
147. Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений. СПб., 1994.
148. *Левина Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский. Биология в СССР: История и историография. М., 1995.
149. *Harwood J.* Styles of Scientific Thought. The German Genetics Community. 1900—1933. Chicago; London, 1993.
150. *Бабков В. В.* Московская школа эволюционной генетики. М., 1985.
151. Наряду с ранее цитированными работами Л. Я. Бляхера (1971), А. Е. Гайсиновича (1967, 1968, 1980, 1988) и И. Т. Фролова (1968, 1988) эти вопросы рассматривались в следующих книгах и статьях: *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1973; *он же.* Генетика: Страницы истории. Кишинев, 1988; *Фролов И. Т., Пастушный С. А.* Мендель, менделизм и диалектика. М., 1977; *Беляев Д. К., Рокицкий П. Ф.* О некоторых методологических проблемах развития советской генетики // ВФ. 1977. № 2. С. 124—135; *Бабков В. В.* Н. К. Кольцов: Борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // ВИЕТ. 1989. № 3. С. 3—19; *Детлаф Т. А.* Институт экспериментальной биологии // Онтогенез. 1988. Т. 19. № 1. С. 94—112; и мн. др. Среди зарубежных публикаций прежде всего должны быть названы пионерские работы по истории генетики в СССР американского историка науки М. Адамса: *Adams M.* The Founding of Population Genetics: Contribitions of the Chetverikow School, 1924—1934 // J. of Hist. of Biol. 1968. Vol. 1. № 1. P. 23—39; *Adams M.* Towards a Synthesis: Population Concepts in Russian Evolutionary Thought, 1925—1935 // J. of Hist. of Biol. 1970. Vol. 3. No 1. P. 107—129; *Adams M.* Sergei Chetverikov, the Kol'tsov Institute, and the Evolutionary Synthesis // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 242—278, а также его серия биографических очерков о Б. Л. Астаурове, Н. И. Вавилове, Г. Д. Карпеченко, С. Г. Левите, Г. А. Левитском, А. С. Серебровском, Ю. А. Филипченко в издании «Dictionary of Scientific Biography».
152. *Берг Р. Л.* Суховей. Воспоминания генетика. New York, 1983; *Эфроимсон В. Н.* О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. № 1—4; *Любищев А. А.* В защиту науки. Л., 1991; *Завадовский М. М.* Жизнь одного биолога. М., 1992; *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. СПб., 1992; *Гершензон С. М.* Тропою генетики. Киев, 1992; и мн. др. См. также интервью с А. Д. Александровым, С. М. Гершензоном, Н. П. Дубининым, В. С. Кирпичниковым, Д. В. Лебедевым, А. А. Нейфахом, Ю. И. Полянским, Е. С. Якушевским и др. в сб. «Репрессированная наука» (Вып. 1. Л., 1991; Вып. 2. СПб., 1994).

153. *Резник С. Е.* Дорога на эшафот. Париж; Нью Йорк, 1983; *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. М., 1993; *Поповский М.* Дело академика Н. И. Вавилова. М., 1991; *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; *Музрукова Е. Б., Чеснова Л. В.* Советская биология в 30—40-е годы: Кризис в условиях тоталитарной системы // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб., 1994. С. 45—56; *Есаков Е. Д.* Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Там же. С. 57—58; и мн. др.
154. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 113—124; 1988. № 1. С. 121—131; № 2. С. 91—112; Друзья и враги Н. Тимофеева-Ресовского // Человек. 1990. № 2. С. 112—114; *Маневич В. Д.* В защиту Н. И. Вавилова // ВИЕТ. 1991. № 2. С. 138—143; *Müller-Hill B.* Murderous Science. Elimination by Scientific Selection of Jews, Gypsies and Others, Germany 1933—1945. New York, 1988; *Paul D., Krimbas C.* Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky // Scientific American. 1992. No 2. P. 64—70; *Левина Е. С.* Трагедия Н. И. Вавилова // Репрессированная наука. Вып. 1. 1991. С. 223—239. См. подробнее: *Левина Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский. М., 1995, С. 23—30.
155. *Тимирязев К. А.* Исторический метод в биологии. М., 1922. С. 131.
156. *Кайданов Л. З.* Формирование кафедры генетики и экспериментальной зоологии в Петроградском университете // Исследования по генетике: К 75-летию кафедры генетики и селекции С.-Петербургского университета. Вып. 10. СПб., 1994. С. 6—12; *Горошенко Ю. Л.* Юрий Александрович Филипченко — основатель отечественной генетической школы // Там же. С. 12—22.
157. The Evolution of Thedosius Dobzhansky. Princeton (New Jersey), 1994.
158. Соратники Николая Ивановича Вавилова: Исследователи генофонда растений / Под ред. В. А. Драгавцева, Д. В. Лебедева. СПб., 1994.
159. *Завадский К. М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина. Л., 1973. С. 270—287.
160. *Слепков В. Н.* Наследственность и отбор у человека // ПЗМ. 1925. № 4. С. 102—122; *Левит С. Г.* Эволюционные теории в биологии и марксизм // Медицина и диалектический материализм / Труды кружка врачей-материалистов 1-го МГУ за 1925—1926 гг. М., 1926. С. 15—32.
161. *Dobzhansky Th.* The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 230.
162. *Серебровский А. С.* Теория наследственности Моргана и Менделя и марксизм // ПЗМ. 1926. № 3. С. 98—117; *Серебровский А. С.* Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции // ЕиМ. 1929. № 2. С. 53—72.
163. *Четвериков С. С.* О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Журн. эксперим. биологии. 1926. Сер. А. Т. 2. Вып. 1. С. 3—54.

164. *Вавилов Н. И.* Генетика // БСЭ. 1-е изд. 1929. Т. 15. С. 191—201; *он же.* Географическая локализация генов пшениц на земном шаре // ПЗМ. 1929. № 6. С. 146—149; *он же.* Линнеевский вид как система. М.; Л., 1931; *Дубинин Н. П.* Природа и строение гена // ЕиМ. 1929. № 1. С. 59—75; *Агол И. И.* Проблемы эволюционного учения // ПЗМ. 1930. № 4. С. 180—201; *Слепков В. Н.* Дарвинизм и марксизм. М., 1930; и др.
165. *Агол И. И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М., 1930. С. 141.
166. *Смирнов Е. С.* Проблемы учения о наследственности // ЕиМ. 1929. № 2. С. 73—82.
167. *Дубинин Н. П.* Генетика и неоламаркизм // ЕиМ. 1929. № 4. С. 88.
168. *Сталин И. В.* Соч. Т. 1. С. 376.
169. *Конашев М. Б.* Бюро по евгенике (1922—1930) // Исследования по генетике: К 75-летию кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского университета. Вып. 10. СПб., 1994. С. 22—28.
170. *Захаров И. А.* Письмо Германа Мёллера к И. В. Сталину // ВИЕТ. 1977. № 1. С. 65—67; *Бабков В. В.* Биологические и социальные иерархии: Контексты письма Г. Г. Мёллера И. В. Сталину // Там же. С. 76—94.
171. *Graham L.* Science and Values. The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920's // The American Historical Review. 1977. Vol. 82. P. 1133—1154; *Adams M.* The Politics of Human Heredity in the USSR, 1920—1940 // Genome. 1989. Vol. 31. No 2. P. 879—874 (русск. пер.: Эволюционная биология. Труды СПб. общества естествоиспытателей. Т. 90. Вып. 1. 1994. С. 15—25); *Adams M.* Eugenics in Russia. 1900—1940 // The Wellborn Science. Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia. New York; Oxford, 1990. P. 153—216.
172. *Презент И. И.* Классовая борьба на естественнонаучном фронте. М.; Л., 1932; *Кольман Э.* Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // ПЗМ. 1936. № 11. С. 64—72; *Бах А. Н., Келлер Б. А.* и др. Лжеученым не место в Академии наук // Правда. 1939. 11 янв.
173. *Иоганзен Б. Г., Логачев Е. Д.* Основная дискуссионная биологическая проблема XX века. Кемерово, 1987.
174. *Эфроимсон В. П.* Введение в медицинскую генетику. М., 1968; *он же.* Генетика этики и эстетики. СПб., 1995; *Канаев И. И.* О работах Медико-генетического института имени М. Горького // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 8. Л., 1973. С. 155—158; *Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф.* Николай Константинович Кольцов. М., 1975; *Беляев Д. К., Рокицкий П. Ф.* О некоторых методологических проблемах в развитии советской генетики // ВФ. 1977. № 2. С. 124—135; *Медведев Н. Н.* Юрий Александрович Филипченко. М., 1978.
175. *Kenneth L.* Genetics and American Society: A Historical Appraisal. Baltimore, 1972; *Searle G.* Eugenetics and Politics in Britain: 1900—1914. Leiden, 1976; *Kevles D. I.* In the Name of Eugenics: Genetics and the Uses of Hunan Heredity. New York, 1985; *Weiss Sh.* Race Hygiene and National Efficiency: The Eugenics of Wilhelm Schallmayer. Berkeley, 1987;

Schmuhl H.-W. Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie. Von der Verhutung zur Vernichtung «lebensunwerten Lebens», 1890—1945. Göttingen, 1987; *Weingart P., Kroll Ju., Bayertz K.* Rasse, Blut und Gene: Geschichte der Eugenik und Rassenhygiene in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988; *Proctor R.* Racial Hygiene: Medicine under the Nazis. Cambridge (Mass.), 1988; *Roll-Hansen N.* The Progress of Eugenics: Growth of Knowledge and Change in Ideology // History of Science. 1988. Vol. 26. P. 295—331; *Weingart P.* German Eugenecs between Science and Politics // Osiris. 1989. No 5. P. 260—282; *Weindling P.* Health, Race and and German Politics between National Unification and Nazism, 1870—1945. Cambridge, 1990.
176. *Филипченко Ю. А.* Что такое евгеника? Пг., 1921; *он же.* Как наследуются различные особенности человека. Пг., 1921; *он же.* Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л., 1924; *Кольцов Н. К.* Улучшение человеческой породы // РЕЖ. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 1—27.
177. *Кольцов Н. К.* Генетический анализ психических особенностей человека // РЕЖ. 1923. Т. 2. Вып. 3—4. С. 307.
178. *Кольцов Н. К.* Родословные наших выдвиженцев // РЕЖ. 1926. Т. 4. Вып. 3—4. С. 143.
179. *Филипченко Ю. А.* Интеллигенция и таланты // Известия Бюро по евгенике. 1925. № 3. С. 83—101.
180. *Александров Д. А.* Особенности Петрограда—Ленинграда как центра развития евгеники // Наука и техника: вопросы истории и теории. 1996. № 10. С. 61—62.
181. *Волоцкой М. В.* О половой стерилизации наследственно дефективных // РЕЖ. 1923. Т. 2. Вып. 1. С. 201—222; *он же.* Поднятие жизненных сил расы: Новый путь. М., 1923; *он же.* К истории евгенического движения: Книга В. М. Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода» // РЕЖ. 1924. Т. 2. Вып. 1. С. 50—55; *он же.* Классовые интересы и современная евгеника. М., 1925; *он же.* Вопросы биологии и патологии евреев. СПб.; М., 1926.
182. *Серебровский А. С.* Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // Медико-биологический журнал. 1929. № 5. С. 1—19.
183. *Слепков В. Н.* Наследственность и отбор у человека // ПЗМ. 1925. № 4. С. 102—122; *он же.* (Рецензия) Морган Т. Г., Филипченко Ю. А. Наследственны ли приобретенные признаки? // ПЗМ. 1925. № 7. С. 234—237.
184. *Волоцкой М. В.* Физическая культура с точки зрения евгеники // Физическая культура в научном освещении. М., 1924. С. 62—75.
185. *Морган Т. Г., Филипченко Ю. А.* Наследственны ли приобретенные признаки? Л., 1925. С. 56—57.
186. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 68. Л. 1—71; *Волоцкой М. В.* Спорные вопросы евгеники // ВКА. 1927. № 20. С. 212—254.
187. Там же. С. 251.
188. *Финкельштейн Е. А.* Жизнь как диалектический процесс. Харьков, 1928; *Слепков В. Н.* Диалектический материализм и биология // ПЗМ. 1927.

№ 10—11. С. 249—262; *Местергази М.* Основные проблемы органической эволюции. М., 1930.
189. *Агол И. И.* Неовитализм и марксизм // ПЗМ. 1928. № 3. С. 3.
190. *Агол И. И.* Метафизика и диалектика в биологии // ПЗМ. 1926. № 3. С. 143.
191. *Кольцов Н. К.* Жизнь // Научное слово. 1928. № 9. С. 23—41; *он же.* Физико-химические основы морфологии // Успехи экспериментальной биологии. Сер. Б. 1928. Т. 7. Вып. 1. С. 3—31.
192. *Gurwitsch A. G.* Die gistologische Grundlagen der Biologie. Jena, 1930; *Гурвич А. Г.* Митогенетическое излучение. М., 1932.
193. *Бауэр Э. С.* Физические основы биологии. М., 1930.
194. *Бауэр Э. С.* Теоретическая биология. М.; Л., 1935. С. 21.
195. *Вернадский В. И.* Биосфера. Л., 1926; *он же.* Эволюция видов и живое вещество // Природа. 1928. № 3. С. 227—250.
196. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. М., 1977. С. 18.
197. *Кедров Б. М., Серебровская К. Б.* Проблема происхождение жизни и ее философский аспект // Журн. Всесоюзн. химич. общ-ва им. Д. И. Менделеева. 1980. № 3. С. 252—266.
198. *Опарин А. И.* Происхождение жизни. М., 1924.
199. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 196. Л. 1—59;
200. Там же. Д. 318. Л. 1—60.
201. *Вернадский В. И.* Об условиях происхождения жизни на Земле // Известия АН СССР. Сер. 7. 1931. № 5. С. 633—653.
202. *Вернадский В. И.* Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук // Коммунист. 1988. № 18. С. 73.
203. *Сеченов И. М.* Избр. произведения. Т. 1: Физиология и психология. М., 1952; Т. 2: Физиология нервной системы. М., 1956.
204. *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. Т. 3, кн. 1. М.; Л., 1951.
205. *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. СПб., 1904; Объективная психология. Вып. 1—3. СПб., 1907—1910.
206. *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921. С. 26.
207. *Ухтомский А. А.* Собр. соч. Т. 1: Учение о доминанте. Л., 1951.
208. *Вагнер В. А.* Этюды по сравнительной психологии. Возникновение и развитие психических способностей. Вып. 1—9. Л., 1924—1928.
209. *Введенский А. И.* Психология без всякой метафизики. Пг., 1914; *он же.* Логика как часть теории познания. М.; Пг., 1923; *Челпанов Г. И.* Мозг и душа. М., 1900; *он же.* Психология. Ч. 1—2. М., 1909; и др.
210. *Бухарин Н. И.* Культурный фронт и интеллигентский пессимизм // Правда. 1923. 24 июня; *он же.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем: Ответ проф. И. Павлову // Красная новь. 1924. № 1—2. С. 170—188.
211. *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921. С. 406.
212. *Корнилов К. Н.* Школа и завет божий. М., 1919.
213. *Троцкий Л. Д.* Соч. Т. 21. 1925. С. 275—277, 430—431, 488—499.

214. *Joravsky D.* Russian Psychology. A Critical History. Cambridge (Mass.), 1989. P. 40.
215. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 223.
216. Физиологические науки в СССР. Становление, развитие, перспективы. Л., 1988. С. 123—125, 152—156, 195—201, 242—257.
217. *Залкинд А. Б.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924. С. 154.
218. *Франкфурт Ю. В.* Рефлексология и марксизм. М.; Л., 1926; *он же.* Учение В. М. Бехтерева и марксизм // ПЗМ. 1928. № 6. С. 48—79.
219. *Слепков В. Н.* Биология человека // ПЗМ. 1925. № 10—11. С. 115—142; *Сапир И. Д.* Рефлексология и марксизм // Медицина и диалектический материализм. Труды Кружка врачей-материалистов 1-го МГУ за 1925—1926 гг. М., 1927. Вып. 2. С. 49—83; *он же.* Высшая нервная деятельность человека. М., 1925.
220. *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Пг. 1924.
221. *Корнилов К. Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения (реактология). М., 1922; *он же.* Современная психология и марксизм // ПЗМ. 1923. № 4. С. 86—114; *он же.* Диалектический метод в психологии // ПЗМ. 1924. № 1. С. 107—113.
222. *Бехтерев В. М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925; *Бехтерев В. М., Дубровский А. И.* Диалектический материализм и рефлексология // ПЗМ. 1926. № 7—8. С. 69—94; *Рейснер М. А.* Проблемы психологии в теории исторического материализма // Вестн. Соц. Академии. 1923. № 3. С. 210—255; *Иванов-Смоленский А. Г.* Условные рефлексы // Молодая гвардия. 1924. № 4. С. 163—171; *Челпанов Г. И.* Психология и марксизм. М., 1924; *он же.* Спинозизм и материализм: Итоги полемики о марксизме в психологии. М., 1927; *Выготский Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения // Психология и марксизм. М.; Л., 1925; *Струмлинский В.* Марксизм в современной психологии // ПЗМ. 1926. № 3. С. 207—233; *Артемов В. А.* Введение в социальную психологию. М., 1927; *Черановский Р.* Рефлексология или психология? // ПЗМ. 1928. № 9—10. С. 198—214; *Курманов Б.* Рефлексология или психология // ПЗМ. 1929. № 6. С. 127—145; Рефлексология или психология: Материалы дискуссии. Л., 1929; Рефлексология и смежные направления: Материалы II конференции методологической комиссии Рефлексологического ин-та. 24—30 сентября 1929 г. Л., 1930.
223. *Корнилов К.* Современное состояние психологии в СССР // ПЗМ. 1927. № 10—11. С. 195—217.
224. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 126.
225. Там же. С. 27.
226. Там же. С. 34.
227. Там же. С. 67.
228. *Bauer R.* The New Man in Soviet Psychology. Cambridge (Mass.), 1952; *Петровский А. В.* История советской психологии. М., 1967; *Kussmann Th.* Sowjetische Psychologie. An der Suche nach der Methode-Pavlovs

Lehren und das Menschenbild der marxistischen Phychologie. Bern; Stuttgart; Wien, 1974; *Ярошевский М. Г.* Психология XX века. М., 1971; *он же.* История психологии. М., 1985; *он же.* Марксизм в советской психологии // Репрессированная наука. Вып. 2. Л., 1994. С. 24—44; *Thielden M.* Sowjetische Phychlogie und Marxismus. Frankfurt/M., 1984; *Joravsky D.* Russian Psychology. A Critical History. Cambridge (Mass.), 1989; *Грэхем Л.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991; *Rütting T.* Evolutionskoncepte in Pavlovs Erbe und die Stalinische Monobildung in den Lebenswissenschaft // На переломе / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. Вып. 1. С. 280—305.

229. *Орлов И.* Об объективном изучении синтетической деятельности мозга // ПЗМ. 1928. № 12. С. 180.
230. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 359. Л. 1—44.
231. Там же. Д. 283. Л. 1—36.
232. Там же. Д. 296. Л. 1—41.
233. Там же. Д. 354. Л. 1—99.
234. Там же. Д. 280. Л. 1—63.
235. Там же. Д. 337. Л. 1—71; Д. 393. Л. 1—56.
236. *Быховский Б. Э.* О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда // ПЗМ. 1923. № 11—12. С. 158—177; *Юринец В. Л.* Фрейдизм и марксизм // ПЗМ. 1924. № 8—9. С. 51—93; *Сапир И. Д.* Фрейдизм и марксизм // ПЗМ. 1926. № 11. С. 39—86; *Рейх В.* Психоанализ как естественнонаучная дисциплина // ЕиМ. 1929. № 4. С. 99—125.
237. *Боровский В. Н.* О бихевиоризме и материализме // ПЗМ, 1928. № 7—8. С. 207—216; *он же.* Роль инстинктов в поведении человека // ПЗМ. 1929. № 2—3. С. 183—198.
238. Наши задачи // ЕиМ. 1929. № 1. С. 3—5.
239. Соображения о характере работ Раздела Психоневрологии Секции естественных и точных наук в Комакадемии // ВКА. 1925. № 13. С. 278—281.
240. Там же. С. 280.
241. Деятельность Коммунистической академии за январь—июнь 1926 г. // ВКА. 1926. № 17. С. 301—319.
242. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 44. С. 32.
243. *Вейнер Д.* Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991. С. 70.
244. *Слепков В. Н.* Диалектический материализм и биология // ПЗМ. 1927. № 10—11. С. 257.
245. *Ферсман А. Е.* Химические проблемы промышленности. Л., 1924. С. 50.
246. *Вернадский В. И.* Очерки геохимии. М.; Л., 1927.
247. *Пачоский И. К.* Основы фитосоциологии. Херсон, 1921; *Сукачев В. Н.* Растительные сообщества: Введение в фитосоциологию. М., 1928.
248. *Вавилов Н. И.* Селекция как наука. М.; Л., 1934.
249. Новый этап // ПЗМ. 1929. № 5. С. 5.

4. «КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И БИОЛОГИЯ

4.1. «Культурная революция» и естествознание

4.1.1. Причины и задачи «культурной революции»

Значительные успехи советской науки в годы нэпа создали у многих тогдашних правителей Советской России иллюзию, что не последнюю роль в этом сыграло последовательное утверждение идеологической гегемонии диалектического материализма. Они всегда были уверены, что ключи от будущего у них в руках и задача заключается лишь в том, чтобы поскорее заставить всех маршировать по избранному пути. Это должна была обеспечить «культурная революция» в науке и образовании, призванная окончательно подчинить науку задачам социалистического строительства [1].

Руководство страны сочло, что настало время через подготовленные в послереволюционные годы кадры вмешаться в тематику научных исследований, научные дискуссии и выносить вердикты о соответствии тех или иных теорий и концепций проводимым в стране преобразованиям. Поводом для этого послужили сфабрикованные процессы «Шахтинское дело», «Трудовая крестьянская партия», «Промпартия», на которых были осуждены видные ученые и руководители народного хозяйства. Ранее ожесточенная внутрипартийная борьба не позволяла контролировать все научные исследования, в том числе и в области философских проблем биологии. Этим и объясняется некоторая вялость, точнее сказать, аморфность диалектизации биологии в годы нэпа, когда власти фактически не вмешивались в споры между механицистами и диалектиками. К началу «культурной революции» ключевые посты в Комакадемии и других марксистских организациях, где обсуждались философские проблемы биологии, заняли приверженцы Деборина, которые в геге-

Lehren und das Menschenbild der marxistischen Phychologie. Bern; Stuttgart; Wien, 1974; *Ярошевский М. Г.* Психология XX века. М., 1971; *он же.* История психологии. М., 1985; *он же.* Марксизм в советской психологии // Репрессированная наука. Вып. 2. Л., 1994. С. 24—44; *Thielden M.* Sowjetische Phychlogie und Marxismus. Frankfurt/M., 1984; *Joravsky D.* Russian Psychology. A Critical History. Cambridge (Mass.), 1989; *Грэхем Л.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991; *Rütting T.* Evolutionskoncepte in Pavlovs Erbe und die Stalinische Monobildung in den Lebenswissenschaft // На переломе / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. Вып. 1. С. 280—305.
229. *Орлов И.* Об объективном изучении синтетической деятельности мозга // ПЗМ. 1928. № 12. С. 180.
230. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 359. Л. 1—44.
231. Там же. Д. 283. Л. 1—36.
232. Там же. Д. 296. Л. 1—41.
233. Там же. Д. 354. Л. 1—99.
234. Там же. Д. 280. Л. 1—63.
235. Там же. Д. 337. Л. 1—71; Д. 393. Л. 1—56.
236. *Быховский Б. Э.* О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда // ПЗМ. 1923. № 11—12. С. 158—177; *Юринец В. Л.* Фрейдизм и марксизм // ПЗМ. 1924. № 8—9. С. 51—93; *Сапир И. Д.* Фрейдизм и марксизм // ПЗМ. 1926. № 11. С. 39—86; *Рейх В.* Психоанализ как естественнонаучная дисциплина // ЕиМ. 1929. № 4. С. 99—125.
237. *Боровский В. Н.* О бихевиоризме и материализме // ПЗМ, 1928. № 7—8. С. 207—216; *он же.* Роль инстинктов в поведении человека // ПЗМ. 1929. № 2—3. С. 183—198.
238. Наши задачи // ЕиМ. 1929. № 1. С. 3—5.
239. Соображения о характере работ Раздела Психоневрологии Секции естественных и точных наук в Комакадемии // ВКА. 1925. № 13. С. 278—281.
240. Там же. С. 280.
241. Деятельность Коммунистической академии за январь—июнь 1926 г. // ВКА. 1926. № 17. С. 301—319.
242. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 44. С. 32.
243. *Вейнер Д.* Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991. С. 70.
244. *Слепков В. Н.* Диалектический материализм и биология // ПЗМ. 1927. № 10—11. С. 257.
245. *Ферсман А. Е.* Химические проблемы промышленности. Л., 1924. С. 50.
246. *Вернадский В. И.* Очерки геохимии. М.; Л., 1927.
247. *Пачоский И. К.* Основы фитосоциологии. Херсон, 1921; *Сукачев В. Н.* Растительные сообщества: Введение в фитосоциологию. М., 1928.
248. *Вавилов Н. И.* Селекция как наука. М.; Л., 1934.
249. Новый этап // ПЗМ. 1929. № 5. С. 5.

4. «КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И БИОЛОГИЯ

4.1. «Культурная революция» и естествознание

4.1.1. Причины и задачи «культурной революции»

Значительные успехи советской науки в годы нэпа создали у многих тогдашних правителей Советской России иллюзию, что не последнюю роль в этом сыграло последовательное утверждение идеологической гегемонии диалектического материализма. Они всегда были уверены, что ключи от будущего у них в руках и задача заключается лишь в том, чтобы поскорее заставить всех маршировать по избранному пути. Это должна была обеспечить «культурная революция» в науке и образовании, призванная окончательно подчинить науку задачам социалистического строительства [1].

Руководство страны сочло, что настало время через подготовленные в послереволюционные годы кадры вмешаться в тематику научных исследований, научные дискуссии и выносить вердикты о соответствии тех или иных теорий и концепций проводимым в стране преобразованиям. Поводом для этого послужили сфабрикованные процессы «Шахтинское дело», «Трудовая крестьянская партия», «Промпартия», на которых были осуждены видные ученые и руководители народного хозяйства. Ранее ожесточенная внутрипартийная борьба не позволяла контролировать все научные исследования, в том числе и в области философских проблем биологии. Этим и объясняется некоторая вялость, точнее сказать, аморфность диалектизации биологии в годы нэпа, когда власти фактически не вмешивались в споры между механицистами и диалектиками. К началу «культурной революции» ключевые посты в Комакадемии и других марксистских организациях, где обсуждались философские проблемы биологии, заняли приверженцы Деборина, которые в геге-

левской диалектике, в трудах Маркса и Энгельса усматривали методологическую и мировоззренческую основу естествознания.

Объективными причинами для перехода к более жесткому контролю над наукой было соперничество новых научно-правительственных учреждений с традиционными школами и институтами, базировавшимися прежде всего в Ленинграде, и стремление партийно-правительственной бюрократии лишить Академию наук СССР ее особого статуса как высшего научного учреждения страны и дать возможность партийному аппарату прямо воздействовать на избрание новых «бессмертных» — академиков [2]. Хотя партийные выдвиженцы оккупировали важные посты в управлении наукой, в самой науке лица, получившие образование до 1917 г., как и прежде, занимали ведущее положение. Система подготовки «пролетарских» кадров Комакадемии и ИКП не обеспечивала вытеснение «буржуазных» специалистов. За пять лет (1924—1928) Российской ассоциации институтов по общественным наукам (РАНИОН) удалось среди аспирантов процент членов партии поднять с 11,4 только до 38,4, а выходцев из рабочих и крестьян с 22,5 до 41,3 [3]. К 1928 г. только половина студентов происходила из рабочих и крестьян, а остальные из других социальных групп и классов. Из них 15,2 процента были членами и кандидатами ВКП(б), 19,2 — комсомольцами [4]. В естественнонаучных же учреждениях партийная и пролетарская прослойка составляла ничтожное меньшинство. Даже в секции естественных и точных наук Комакадемии, по данным на 1 октября 1926 г., не было ни одного коммуниста [5].

Зачарованное успехами быстрого роста промышленности в 1928—1929 гг., партийное руководство требовало такого же рывка от науки. Попытки ученых объяснить якобы имевшееся отставание науки от промышленного развития особенностями научного творчества, его независимостью от непосредственного влияния внешних факторов, внеклассовым характером науки и т. д. вызывали негодование у руководства Комакадемии. Так, О. Ю. Шмидт, базируясь на литературных данных и результатах обследований научных учреждений АН СССР и Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ), пришел к выводу, что в классовом составе научных работников коренится их незаинтересованность в ускоренном социалистическом строительстве. Из 18 500 научных сотрудников в 1929 г. только 6,5 процента были членами партии, а среди последних лишь 16 процентов оказались бывшими рабочими. В естественных науках показатели были соответственно 1,3 и 1,9 процента [6].

Попытки коренным образом изменить это положение и вызвали «культурную революцию» в науке. Существовали и политические мотивы этого процесса, связанные с наличием среди научной и технической интеллигенции групп, скептически относящихся к действиям властей. За годы нэпа ученые почувствовали себя уверенно, осознав свою необходимость для нынешних властей. Все чаще они претендовали на участие в решении вопросов научной политики и образования. И такая позиция не нравилась многим коммунистам.

Выступая весной 1927 г. на Всероссийском съезде советов, Б. П. Позерн предостерегал «лордов на кафедрах», что им не удастся монополизировать командные высоты, и призвал к борьбе с авторитетами, чтобы привести в науку новые силы [7]. Годом позже на Первой конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений с резкими нападками на «довоенных профессоров» выступил Д. Б. Рязанов [8]. Он протестовал против привилегированного положения буржуазных специалистов, которые на государственные деньги разъезжают за границей, в то время как выпускники ИКП дискриминируются, а сотрудники институтов РАНИОН получают всего 80 рублей в месяц. Отметая попытки использовать естествознание для развития диалектического материализма, Рязанов призывал естествознание оплодотворить марксизмом. Он предлагал собрать все институты под эгидой единого наркомата для облегчения контроля за научными исследованиями.

Некоторые руководители Комакадемии прямо ставили вопрос об уравнивании их в правах с АН СССР. Они жаловались, что за десять лет своего существования Комакадемия получила всего 58 процентов того, что досталось АН СССР за два года [9]. Последней были выделены и дополнительные ассигнования на юбилейные торжества осенью 1925 г. В условиях недостаточного финансирования сотрудники Комакадемии вынуждены работать на износ, тратя значительную часть времени на совместительство в других учреждениях. Справедливости ради надо сказать, что вначале 1928 г. сам Покровский считал некорректным сравнивать расходы АН СССР и Комакадемии, указывая, что в составе последней находится лишь Институт ВНД и Биологическая лаборатория.

Одним из первых шагов по реализации планов усиления контроля над интеллигенцией было создание Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия соци-

алистическому строительству (ВАРНИТСО). Устав этой «общественной» организации, созданной по инициативе группы московских ученых и руководителей науки, был утвержден 13 февраля 1928 г. постановлением Совнаркома [10]. Председателем Президиума ВАРНИТСО стал бывший народоволец биохимик А. Н. Бах. Председателем Ленинградского отделения ВАРНИТСО был назначен Н. И. Вавилов, но вскоре он был заменен на этом посту, так как отделение долгое время практически не функционировало. Названная «приводным ремнем» между партией и научной интеллигенцией, ВАРНИТСО должна была развернуть непримиримую борьбу с частью научной и технической интеллигенции, якобы «враждебной социалистическому строительству». Эту борьбу предполагалось вести «против контрреволюции и вредительства, нередко прикрываемых внешней лояльностью к советской власти, аполитичности и нейтральности, а также против маловеров, правых и левых оппортунистов и двурушников, идейных помощников контрреволюции и вредительства» [11]. В ходе борьбы следовало использовать всяческие ошибки научных руководителей, чтобы ослабить их влияние среди специалистов и доказать, что их авторитет является ложным. При этом планировались не только прямые удары по крупным ученым, но и по молодежи, способной их поддержать.

ВАРНИТСО была классовой организацией, и предписывался тщательный отбор ее членов. Желавшие вступить в ассоциацию должны были представить рекомендации лиц, в лояльности которых к советской власти не было сомнений, пройти через рассмотрение кандидатур в специально создаваемой конфликтно-приемочной комиссии и быть принятыми на общем собрании членов ВАРНИТСО, где их расспрашивали о всех аспектах научной, политической, общественной и даже личной жизни. По сути дела, осуществлялась процедура, отработанная и апробированная не раз в различных партийных и кадровых чистках.

В том же году было решено объединить Общество воинствующих материалистов с Обществом материалистических друзей гегелевской диалектики. Это объединение было названо Обществом воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД). Его учредители (А. М. Деборин, Б. М. Гессен, С. Г. Левит и др.) рассматривали ОВМД как массовую организацию для «консолидации всех сил, ведущих теоретическую и практическую борьбу за марксизм, против ревизионизма, против буржуазных теорий, против идеализма и механицизма в его грубых и утонченных формах» [12], против

так называемых извращений диалектического материализма во всех науках, включая естествознание. Прежде всего ОВМД должна была вести борьбу со старой профессурой.

Руководители Комакадемии стали добиваться значительного расширения сети своих институтов, лабораторий и обществ и прямого подчинения ей других марксистских учреждений в области биологии. 16 февраля и 23 марта 1929 г. Президиум рассматривал вопрос о слиянии учреждений РАНИОН с Комакадемией и включении в ее состав Общества врачей-материалистов при 1-м МГУ и Биологического музея при Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова [13].

Через неделю пришла очередь Тимирязевского научно-исследовательского института. 30 марта 1929 г. на заседании Президиума Комакадемии был заслушан отчетный доклад О. Ю. Шмидта [14], который отметил, что если в области гуманитарных наук работа Комакадемии велась как бы в международном масштабе, то этого нельзя сказать об естественных науках. Здесь вся работа шла через кружки и общества. Для реальных же успехов в этой области необходима серьезная экспериментальная работа в рамках специальных институтов. Отсутствие таких институтов, по мнению Шмидта, приводит «во-первых, к схоластике, во-вторых, портит наших людей, в-третьих, это не дает нам возможности ставить острые задачи, наиболее остро — так, как мы хотим» [15]. Он утверждал, что Тимирязевский институт не оправдал себя, не обеспечил серьезную работу в области биологии с позиций марксизма, и поэтому его следует включить в Секцию естественных и точных наук наряду с другими институтами биологического профиля.

С негативной оценкой работы Тимирязевского института не согласился А. К. Тимирязев. В частности, его обидел выпад в адрес механицистов, что, мол, «разные люди по-разному с ума сходят, а некоторые люди с ума сходят на диалектическом материализме» [16]. А. Н. Залманзон посчитал, что для марксизма большую опасность представляет не механоламаркизм, а вейсманизм с его идеей о «бессмертной зародышевой плазме». При этом и Тимирязев, и Залманзон ссылались на позицию Энгельса в вопросе о наследовании приобретенных признаков. Такая аргументация вызвала отпор со стороны М. Л. Левина, который выступил против цитат Энгельса как истин в последней инстанции, поскольку Энгельс не был естественником и к тому же не мог ничего знать о достижениях генетики. Позиция Шмидта была поддержана также И. И. Аголом и С. Г. Левитом. По мнению

Л. Н. Крицмана, дискуссия отразила острую идеологическую борьбу в области биологии, но Секция естественных и точных наук не должна ускорять диалектизацию естествознания, поддерживая лишь одну точку зрения и подавляя сторонников другой. Секция должна ставить перед собой реальные цели и не ограничиваться лишь проблемами биологии. В круг ее исследований должны были войти проблемы химии, геологии и других наук о неорганической природе.

В принятой резолюции Президиума «Задачи марксистов-естественников и деятельность Секции естественных и точных наук Коммунистической академии» [17] были поставлены следующие задачи: организовывать острые дискуссии по сложным вопросам естествознания; обеспечить участие секции в съездах по естественным наукам, проходящих как в СССР, так и за рубежом; создать при секции сеть экспериментальных научных учреждений; создать комиссию для изучения вопроса о возможности передачи Тимирязевского института в Комакадемию; заняться разработкой проблем химии, геологии и антропологии.

4.1.2. Торжество деборинцев и «марксистская» биология

Началом нового этапа в диалектизации биологии стали Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских учреждений, состоявшаяся 8—13 апреля 1929 г., и последовавшее за ней Первое Всесоюзное совещание «воинствующих материалистов-диалектиков». Накануне состоялся Пленум Комакадемии, на котором обсуждался доклад М. Н. Покровского о директивах к составлению плана на 1929 г. По его мнению, настало время прекратить мирное сотрудничество «марксистов с учеными, далекими от марксизма или даже враждебными марксизму» [18]. Он призвал «начать решительное наступление на всех фронтах научной работы, создавая свою собственную марксистскую науку, и взять решительно в свои руки дело подготовки научной смены». Наиболее отсталыми в этом отношении Покровский считал естественные и точные науки, где коммунисты не «изжили тон фетишизма перед буржуазными учеными». Будущее советской науки Покровскому виделось неким подобием коллективизации, при которой четыре тысячи рабфаковцев, кончавших вузы в 1929 г., должны взять в свои руки науку, отобранную у буржуазных ученых, т. е. произвести нечто подобное раскулачиванию.

Установки Покровского были учтены в ходе дискуссий по докладам О. Ю. Шмидта «Задачи марксизма в области

естествознания» и А. М. Деборина «Современные проблемы философии марксизма». Принятые резолюции показали, что время споров уходит в прошлое и начинается «охота на ведьм», тотальное подавление всякого инакомыслия в области философии и методологических проблем естествознания. Идея группы Деборина о необходимости создания некоей специальной «марксистской теории естествознания» получила официальное одобрение. В резолюции по докладу Деборина отмечалось, что сторонники механистического материализма «не понимали основ материалистической диалектики, подменяли на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм — позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания и т. д., это течение представляет явный отход от марксистско-ленинских философских позиций» [19]. Буржуазия паразитирует на кризисе естествознания, стараясь использовать его в своих целях, «...в то время как разработка теории материалистической диалектики и методологии современного естествознания — возможна лишь на основе самой тесной связи между работой марксистов в области философии и в области естествознания» [20].

Деборин в своем программном выступлении разногласия с механицистами рассматривал прежде всего с точки зрения естествознания, которое он стремился охватить «с диалектической точки зрения в целом» [21]. Материалистическая диалектика должна стать всеобщей методологией науки. При этом диалектика должна строиться в теснейшей связи с наукой, в центре проблем которой чисто «философские, т. е. гносеологические и методологические проблемы». Деборин призвал положить конец пятилетней дискуссии и принять решение, так как «завоеванию естествознания диалектическим материализмом» якобы препятствуют механицисты. Их выступления на совещании Деборин охарактеризовал как беспомощные и убогие по форме и антимарксистские по содержанию, ревизирующие основные положения материалистической диалектики. При этом предполагалось, что ведущую роль в построении «диалектического естествознания» должны играть философские воззрения Деборина. На этой конференции большая часть советских ученых была осуждена как идущая на «поводу „новейших" западных видоизменений идеализма и агностицизма» или как хранящая «традиции старого упрощенного материализма (механистического)». В резолюции конференции механистические воззрения естествоиспытателей отвергались не столько по научным соображе-

ниям, сколько как проявление «философского ревизионизма» [22].

В поддержку Деборина выступили Б. М. Гессен, С. Ю. Семковский, И. И. Агол, Г. К. Баммель, Н. А. Карев, М. Л. Левин, С. Л. Гоникман, Э. Я. Кольман, В. Л. Юринец и др. Отмечая неприятие механицистами многих достижений современной биологии и физики, некоторые из них ставили в заслугу себе борьбу с психоанализом. Они призывали сделать журнал «Под знаменем марксизма» руководящим марксистским органом, ведущим беспощадную борьбу со всякими отклонениями от Маркса, Энгельса и Ленина. Попытки некоторых механицистов (В. Н. Сарабьянова, А. К. Тимирязева, С. С. Перова) както оправдаться и их призывы к сохранению свободы дискуссий были оценены Н. А. Каревым и С. Л. Гоникманом как «проповедь подрыва диктатуры марксизма» [23] и ревизионизм «на философском фронте». И хотя механицисты понимали, что их осуждение уже санкционировано где-то свыше, тем не менее, некоторые из них не только оправдывались, но и продолжали атаковать деборинцев, обвиняя их в насилии над естествознанием, навязывании ему аристотелевских схем, в формализме, в скрытом витализме, в абсолютизации диалектики Гегеля и т. д. (А. И. Варьяш, З. А. Цейтлин). Диалектикам предлагалось сдать экзамен по естествознанию, прежде чем философствовать о нем. В распространенном на совещании анонимном стихотворении говорилось: «У католиков (т. е. деборинцев. — *Э. К.*) очередное задание — прибрать к рукам естествознание, превратить ботанику и зоологию в марксотеологию» [24]. На этот выпад Агол ответил запиской в Президиум конференции, в которой подчеркивал, что «для того, чтобы судить о современном состоянии биологии, необходимо изучать ее, а не судить понаслышке» [25]. Так, клятвы в верности марксизму подкреплялись взаимными обвинениями в невежестве в области биологии.

Центральное место в дискуссиях по докладу О. Ю. Шмидта «Задачи марксистов в области естественных наук», сделанному 10 апреля 1929 г., заняла все та же проблема наследования приобретаемых признаков. Но по существу новых доводов и идей оппоненты не высказывали [26]. Осторожной была позиция О. Ю. Шмидта, который хотя и рассуждал о кризисе в естествознании, тем не менее брал под защиту большинство естественнонаучных концепций, отвергаемых деборинцами и механицистами, включая даже бихевиоризм и психоанализ. По мнению Шмидта, Комакадемия должна дать возможность вести исследования и генетикам, и механоламаркистам. Настаивал он и на необходимости эксперимента в естественных науках. Вместе с тем он считал, что естествознание становится важнейшим фронтом идеологической борьбы и призвал выступить с развернутой диалектической программой на всех крупных научных съездах.

Взвешенная позиция председателя Секции естественных и точных наук Комакадемии была только на словах поддержана выступившими в прениях И. И. Аголом, Ю. М. Вермелем, Б. М. Гессеном, М. О. Гуревичем, А. Б. Залкиндом, Б. М. Завадовским, А. Н. Залманзоном, М. Л. Левиным, С. Г. Левитом, Е. Б. Пашуканисом, И. Д. Сапиром, С. Ю. Семковским, Г. С. Тымянским, В. Л. Юринецем и др. Большинство из них доказывали, что только разделяемые ими естественнонаучные концепции могут быть полезны диалектическому материализму: С. Ю. Семковский не соглашался с тезисом о материалистических тенденциях в психоанализе; А. Н. Залманзон заявил о неприемлемости фрейдизма; Б. М. Завадовский клеймил ламаркизм за механицизм в биологии; Е. А. Финкельштейн яростно атаковал евгеников. Для С. Г. Левита продолжение исследований по наследованию приобретаемых признаков было пустой болтовней и тратой денег. О кризисе всей современной биологии говорил М. Л. Левин, выделив одиннадцать категорий виталистов, четыре категории механицистов среди современных биологов, в том числе и отечественных (Л. С. Берг, А. А. Любищев, Д. Н. Соболев). В конечном счете И. И. Агол призвал «очистить Комакадемию от чуждых марксистской идеологии элементов» и «покончить с разбродом, царящим в ее стенах» [27]. Он же поддержал призыв Деборина превратить «современное естествознание в марксистское». Превращать биологию в марксистскую науку было поручено тому же Аголу, назначенному директором Тимирязевского института, и Левиту, ставшему вскоре директором Биолого-медицинского института. В связи с этим его прежняя должность секретаря секции естественных и точных наук в апреле 1930 г. была предоставлена П. П. Бондаренко [28].

Сразу после окончания этой конференции было принято специальное постановление ЦК ВКП(б), придавшее ее решениям директивный характер. В постановлении идеологический контроль за работой всех научно-исследовательских институтов поручался Комакадемии [29]. Ей отводилась роль центрального учреждения культурной революции в науке. Тем самым уточнялась ее функция как высшего научного учреждения, разрабатывавшего проблемы общественных и ес-

тественных наук на основе марксизма-ленинизма [30]. Начался период бурной реорганизации Комакадемии, создания сети учреждений, призванных ускорить диалектизацию естествознания. В марте—июле 1929 г. состоялись соответствующие решения Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями, Секретариата и Президиума ЦИК Союза ССР о расширении числа биологических учреждений при Комакадемии [31].

В сентябре в состав Комакадемии был включен Тимирязевский институт, который отныне стал называться Биологическим институтом им. К. А. Тимирязева [32] и по объему работ и по количеству сотрудников превосходил всю секцию естественных и точных наук [33]. В Комакадемию были переданы Институт мозга, Биологический музей, Общество врачей-материалистов и ряд других учреждений. При Комакадемии существовали различные общества материалистов: биологов, врачей, математиков, физиков, почвоведов, психоневрологов и т. д. Был создан и специальный журнал «Естествознание и марксизм» («ЕиМ»), испытавший трудности с публикациями «ввиду чрезвычайно малого количества подготовленных марксистов-естественников» [34]. Все эти организации и общества были объединены в Ассоциацию естествознания, возглавляемую О. Ю. Шмидтом [35]. По утвержденной 11 августа 1930 г. Президиумом Комакадемии структуре Ассоциации в ее состав входило одиннадцать учреждений с общей численностью около 300 человек. Помимо этого здесь было также несколько марксистских обществ [36]. Велась длительная переписка с Коллегией Наркомздрава о передаче в ведение Комакадемии Института физики и биофизики и Института экспериментальной биологии [37].

17 мая 1930 г. Президиум Комакадемии утвердил Президиум ОБМ в составе И. И. Агола, С. М. Гершензона, Вендровского, Б. М. Завадовского, М. Л. Левина, С. Г. Левита, О. Б. Лепешинской, М. М. Местергази, М. С. Навашина, А. И. Опарина, А. С. Серебровского, Е. С. Смирнова [38]. Подавляющее большинство их них были активными противниками механицистов.

Прошедшие в те годы всесоюзные съезды по генетике, зоологии, ботанике, физиологии, охране окружающей среды показали, что многие ученые были готовы идти «в авангарде мировой науки» и вести научные исследования согласно партийным директивам. Так, например, на Первом Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству генетике был придан образ науки, не

просто способной на чудо, а уже творящей чудеса в кратчайшие сроки и способной передать свои достижения на поля. Уподобляя генетика Создателю, Вавилов говорил, что генетик «должен действовать как инженер, он не только обязан изучать строительный материал, но он может и должен строить новые виды живых организмов» [39]. К числу учреждений, которые «идут впереди научных организаций всего мира», Вавилов причислял и Генетико-селекционный институт в Одессе, где тогда уже работал Т. Д. Лысенко [40]. Как уже отмечалось, А. С. Серебровский предложил перейти к социалистической евгенике. Суть ее заключалась в увеличении потомков с желательными признаками путем искусственного оплодотворения женщин спермой, взятой от талантливых и ценных мужчин. По его мнению, это позволило бы выполнять пятилетку за два с половиной года [41]. Таким образом, генетики начали культивировать веру в быстродействующие средства для подъема сельского хозяйства и обновления общества. Правда, урожай с этой веры на сталинской ниве собрали лысенкоисты.

Как недавно было показано Ю. А. Лайус [42], конфликт ведомственных интересов и стремление обойти конкурентов побуждали ряд биологов поставить под сомнение факт нерегулярного подхода сельди к побережью Мурмана и признать мурманскую сельдь постоянным обитателем Баренцова моря, в котором якобы были расположены и ее нерестилища. Эти утверждения стали основой для интенсивного развития рыбного промысла на Мурмане, а громадные уловы в 1930—1935 гг. объяснялись успехами советской прикладной науки, борьбой с вредительскими научными теориями и очередной победой над природой.

Процессы «культурной революции» резко ускорились после пленума ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г., принявшего решение о реорганизации всей системы высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Планировалось преобразовать многие техникумы, факультеты и курсы в вузы, а лаборатории, музеи, секции — в научно-исследовательские институты. Предполагалось всестороннее планирование научной работы, контролирование хода ее исполнения, кадровое укрепление научных и учебных заведений членами партии и комсомольцами, выходцами из рабочего класса.

Это постановление стимулировало новые попытки марксистов полностью контролировать подготовку кадров в области естествознания. В письме, направленном в Президиум Комакадемии в декабре 1929 г., Тимирязев отмечал, что ас-

6 Зак. 3008

пиранты готовятся по узкой тематике, прежние профессора ничего не могут дать, кроме знаний в своей области [43]. Для устранения этих недостатков он предлагал в дальнейшем работу всех НИИ и вузов увязать с соответствующими подразделениями Комакадемии. Особое внимание он уделял вопросу о прежних научных обществах, где, по его мнению, окопались враги советской власти, в них числятся до сих пор эмигранты, а марксистские кадры не принимаются якобы из-за отсутствия печатных работ. Такая узко профессиональная, цеховая организация приносит, по убеждению Тимирязева, больше вреда советской науке, чем пользы. И поэтому общества надо или ликвидировать, или, подвергнув коренной реорганизации, объединить с марксистскими организациями. Он был убежден, что ни в коем случае их нельзя оставлять параллельными обществам, входящим в состав Комакадемии.

Важным моментом подобных планов была кооперация научно-исследовательских и учебных заведений. 1 марта 1930 г. состоялось заседание Президиума Комакадемии в связи с ее слиянием с ИКП, который к тому времени принял решение о резком увеличении численности слушателей [44]. Это объединение должно было укрепить руководящую роль Комакадемии в подготовке коммунистических кадров и в то же время обеспечить реализацию политики по партийному и социальному составу аспирантов и сотрудников, которая всегда соблюдалась в ИКП строже, чем в Комакадемии. Комплектование институтов должно было идти через ЦК партии. 12 октября 1930 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о слиянии ИКП и Комакадемии и образовании ряда новых институтов, включая ИКП философии и естествознания. При этом региональные отделения ИКП преобразовались в Институты по подготовке кадров.

В декабре 1929 г. решением Президиума ЦИК СССР в состав Комакадемии был передан из РАНИОН Ленинградский институт марксизма [45], на базе которого было создано Ленинградское отделение Комакадемии (ЛОКА), первоначально в составе трех институтов, объединенных с Ленинградским подготовительным отделением ИКП. Эти реорганизационные мероприятия продолжались и в следующем году, когда все исследовательские институты Комакадемии были слиты с учебными ИКП.

Началось и создание марксистских учреждений и организаций в союзных республиках и культурных центрах [46]. Везде организовывались региональные отделения ВАРНИТСО и ОВМД. К существовавшему с 1924 г. в Харькове Украинскому институту марксизма в 1927 г. добавляется Киевская кафедра марксизма-ленинизма при Украинской Академии наук, а в 1931 г. начинается создание Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов. В Минске в 1928 г. возникает Общество марксистов Белоруссии, а в 1929 г. кафедра философии при Белорусской Академии наук. В марте 1929 г. создается Среднеазиатская ассоциация научно-исследовательских учреждений. В января 1931 г. в Алма-Ате возникает общество марксистов-ленинцев, а в мае — Казахстанский институт марксизма-ленинизма. Аналогичные организации возникают и в закавказских республиках. Практически в каждой из них были секции естествознания, состоящие преимущественно из биологов и врачей. Доминирующее положение в них занимали сторонники Деборина, а борьба с представителями механицизма считалась важнейшей задачей. К середине 1931 г. филиалы обществ Ассоциации естествознания Комакадемии были в Ленинграде, Минске, Харькове, Ташкенте, Баку, Ростове и Саратове. Руководители марксистских организаций по-прежнему ставили перед ЦИКом вопрос о приравнивании действительных членов Комакадемии к членам АН СССР [47].

В резолюции, принятой на совместном заседании Института философии Комакадемии и Московской организации ОВМД 24 мая 1930 г., выдвигалась цель подчинения «наук о природе методологическому руководству марксизма» и утверждалось, что вопросы, выдвинутые новейшим развитием естествознания, в том числе и биологией, могут быть решены только на базе диалектического материализма [48]. Отсюда был один шаг до провозглашения марксистской философии верховным судьей в дискуссиях по проблемам биологических наук.

4.1.3. «Против меньшевиствующего идеализма и механицизма»

Этот шаг и был сделан, когда грозные идеологические, а в тех условиях по существу и политические обвинения, были выдвинуты против победителей механицистов. Речь Сталина «К вопросам аграрной политики», произнесенная 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов в Комакадемии, положила начало дискредитации признанных авторитетов в отдельных отраслях науки. Сталин обратил внимание на отставание теоретического фронта от «успехов социалистического строительства». Он был убежден, что практика опровергает возражения науки, доказывая, что последней следовало бы поучиться у практики. Фактически

Сталин освятил главный лозунг «культурной революции» в науке: теоретическая наука является пустым самоутверждением и скорее вредна, чем полезна для практики социалистического строительства.

Эти идея была воспринята недавними выпускниками ИКП и руководителями его партийного бюро М. Б. Митиным и П. Ф. Юдиным, начавшими атаку на позиции Деборина. Хронология их борьбы против Деборина изложена в предисловии к сборнику «За поворот на философском фронте» (М., 1931. С. 3—7), вышедшему уже после поражения Деборина. Наиболее интересный и объективный анализ причин свержения деборинцев содержится в книге И. Яхота [49].

Здесь только отметим, что с борьба с деборинцами была с самого начала санкционирована сверху. Публикации в центральных партийных изданиях — в «Правде» (7 июня 1930 г.) статья М. Б. Митина, В. Н. Ральцевича и П. Ф. Юдина «О новых задачах марксистско-ленинской философии» с редакторским примечанием о солидарности с высказанной там позиции; в «Правде» (2 августа 1930 г.) резолюция бюро ячейки ВКП(б) «Очередные задачи ячейки философского отделения ИКП»; в журнале «Большевик» (1930. № 19—20) резолюция бюро ячейки бюро ВКП(б), созданного уже в ходе дискуссии ИКП философии и естествознания «К вопросу о положении на философском фронте» — ясно показали, кто инициатор этой борьбы и на чьей стороне его симпатии. Начинался поиск компромата на биологов, сторонников Деборина. Так, некто Долматов в июне 1930 г. информировал Президиум Комакадемии о «неправильном освещении Аголом биографии о своем социальном происхождении при чистке ячейки ВКП(б)» [50].

Тем не менее деборинцы вначале держались стойко. Не желая признавать свою обреченность, они обвиняли своих критиков, недавних своих студентов, в невежестве и путанице. Более того, в прошедших 18 июля 1930 г. выборах новых членов Комакадемии в ее состав вошли деборинцы И. И. Агол, Б. М. Гессен, С. Л. Гоникман, П. О. Горин, Е. И. Диманштейн, Н. А. Карев, А. Ф. Кон, А. К. Столяров, Г. С. Тымянский. Развязка наступила 17—20 октября 1930 г. на заседании Президиума Комакадемии [51], которое было проведено по опробированному в партийных дискуссиях ритуалу публичного уничтожения неугодных. В содокладе заместителя председателя Президиума Комакадемии В. П. Милютина и последующих выступлениях А. М. Деборин и его сторонники были раскритикованы как недооценившие ленинский этап в развитии марксистской философии и

как теоретические прислужники троцкизма. В конце дискуссии сдался и сам Деборин, выступивший с покаянной речью, признавая, что он недооценил новые веяния в политике правящей верхушки, когда критерием диалектичности научной теории становилась политика сегодняшнего дня. Отныне такой ритуал стал традиционным для так называемых научных дискуссий в последующие десятилетия.

Вскоре в дискуссию вступил сам Сталин. 9 декабря того же года на заседании бюро партийной ячейки ИКП он потребовал: «Надо разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании» [52].

Указания Сталина были приняты к исполнению. 23 декабря 1930 г. и 6 января 1931 г. на заседаниях Президиума Комакадемии была проведена дискуссия по докладу О. Ю. Шмидта «О положении на фронте естествознания» и содокладу А. А. Максимова «За поворот на фронте естествознания» [53]. До этого состоялось собрание коммунистов-сотрудников Ассоциации естествознания. По сути дела, игра шла в одни ворота. Все выступавшие — Г. А. Баткис, Р. И. Белкин, П. П. Бондаренко, Б. М. Гессен, Е. К. Голубцов, О. П. Дзенис, В. П. Егоршин, П. М. Керженцев, М. Л. Левин, И. И. Новинский, Е. Б. Пашуканис, М. Н. Покровский, И. З. Сурта, В. Т. Тер-Оганезов и др. — признавали крупные «провалы на фронте естествознания». Особенно агрессивны были представители новой когорты диалектизаторов естествознания: Р. И. Белкин, П. П. Бондаренко, И. И. Новинский и др.

Окончательные резолюции по прошедшим дискуссиям были приняты 11 января 1931 г. [54]. Особое место в них занимали задачи марксистской философии в области естествознания. Требуя сознательного применения в естествознании диалектического материализма, резолюция предлагала не ограничиваться отныне использованием современных достижений буржуазной науки, а приступить к «перестройке естественных и математических наук на основе материалистической диалектики» [55]. Работа Ассоциации естествознания была признана неудовлетворительной. Ее руководители (О. Ю. Шмидт, М. Л. Левин, С. Г. Левит, Б. М. Гессен, И. И. Агол) обвинялись в поддержке деборинцев, в извращении «проблемы партийности в науке», в «непроведении линии партии на фронте естествознания», в отождествлении работ буржуазных ученых (прежде всего по генетике) с марксизмом, в капитуляции перед буржуазной наукой, в «антимарксистском отрыве теории от практики» [56].

Сопротивление классовых врагов социалистической реконструкции науки усматривалось прежде всего «во враждебных пролетариату идеологических течениях в лице махизма (Френкель в физике), витализма (Гурвич, Берг, Соболев, Любищев в биологии), реакционных выводах из естествознания (Савич в учении о высшей нервной деятельности, Кольцов в евгенике)» [57]. Псевдомарксистскими были названы течения «типа корниловщины-бехтеревщины в психологии, Серебровский в биологии... представлявших ее форму приспособления к марксизму-ленинизму в условиях диктатуры пролетариата, по существу отражающих напор классового врага на идеологию пролетариата» [58]. Руководство Ассоциации обвинялось в засоренности состава научных работников социально-чуждыми элементами, в аполитичном и академическом характере обществ при Комакадемии, в уклонении от подготовки кадров.

Агрессивный стиль постановления свидетельствовал о том, что речь идет уже не о каком-то «союзе воинствующих материалистов с естествоиспытателями», а о попытках заставить ученых отказаться от своих воззрений, объявленных по тем или иным соображениям антимарксистскими. Для этого нужны были более бесцеремонные и агрессивные диалектизаторы естествознания. Руководителем Ассоциации естествознания стал бывший начальник политотдела Пятой армии и организатор рабочих дружин в Германии Э. Я. Кольман, его заместителем И. И. Новинский, а ученым секретарем П. П. Бондаренко. Руководство Ассоциации в основном было сформировано из противников деборинцев (А. А. Максимов, И. П. Ротцен, И. Д. Сапир, А. Б. Залкинд, Б. П. Токин, Б. М. Завадовский, Г. А. Баткис, А. К. Тимирязев и др.) [59]. В состав Бюро вошли в основном приверженцы Кольмана, который готов был не только современные концепции, но даже законы Ньютона и Бойля-Мариотта переработать с позиций диалектического материализма [60].

Кольман не сомневался, что реконструкция техники на принципах диалектического материализма будет успешна, а знание законов диалектики приведет к крупным открытиям в медицине, физике, биологии и т. д. Он уверял, что биология в СССР кишит вредителями: генетики отстаивают евгенические мероприятия; зоологи и ботаники противостоят созданию совхозов-гигантов; ихтиологи занижают производительные способности прудов и рек [61]. Выступая в апреле 1931 г. на Всесоюзном совещании ОВМД с докладом «Боевые задачи естествознания и техники на данном этапе реконструктивного периода», Кольман подчеркнул, что диалектизация естествознания имеет большое значение для формирования атеистической, марксистско-ленинской методологии.

Новому руководству Ассоциации естествознания предписывалось вести непримиримую борьбу с враждебными марксизму направлениями в естествознании, пропагандировать и распространять среди естественников марксистские идеи. Для этого предписывалось реорганизовать сеть научно-исследовательских институтов Ассоциации, установить методологический контроль над исследованиями в институтах ВСНХ, Наркомзема, Наркомздрава, Наркомпроса, АН СССР, оказывать идеологическую помощь и контроль за научными изданиями в стране, организовать просмотр учебной и популярной литературы, программ и методов преподавания во всех учебных заведениях, создать марксистско-ленинские учебники по отдельным естественным и техническим наукам, активно участвовать в политехнизации школы, преобразовать марксистские общества в массовые организации. 5 марта 1931 г. ОВМД было включено в состав Комакадемии, а для слияния науки с практикой в Ученый совет Ассоциации ввели рабочих с заводов «Серп и молот», «Трехгорная мануфактура» и т. д.

В специальных постановлениях ЦК ВКП(б) формулировалась задача беспощадной борьбы со всеми «антимарксистскими, а, следовательно, антиленинскими установками в философии, общественных и естественных науках» и прежде всего с «меньшевиствующим идеализмом деборинской группы» [62]. Провозглашенная неразрывная связь научных исследований с непосредственной практикой социалистического строительства создавала возможность для политических спекуляций и разгрома целых направлений в биологии, обвиненных в отрыве от практики социалистических преобразований в деревне, от борьбы за урожайность, за увеличение улова рыб и т. д. Комакадемия должна была участвовать во всех мероприятиях научного характера (экспедициях, конференциях, съездах, обследованиях тематических планов институтов), проводимых наркоматами. Предписывалось четко разграничить деятельность институтов и обществ, поручив последним массовую и пропагандистско-просветительскую работу. Руководство Комакадемии должно было проверить кадровый состав своих учреждений и обеспечить «решительное выдвижение молодых сил из числа проявивших себя и выдержанных коммунистов». Все научные учреждения страны должны были представлять на проверку в Комакадемию планы научно-исследовательских работ.

Сразу после опубликования этих постановлений по распоряжению Президиума Комакадемии и ИКП в Москве и в Ленинграде прошли лекции об итогах дискуссии с деборинцами. Специальные докладчики по этой теме были направлены в Нижний Новгород, Саратов, Вологду и другие крупные города. В апреле итоги дискуссии были подведены на расширенном пленуме ОВМД, где было выбрано и новое руководство этой организации. Дискуссия завершилась свержением прежнего философского руководства, на смену которому пришли еще более агрессивные диалектизаторы естествознания.

4.2. Форсированная диалектизация биологии

Отныне стало правилом переносить политические лозунги в область философских вопросов биологии, отождествляя тем самым философию и политику. Биология, как и другие естественные науки, были объявлены классовыми и партийными. Так называемый анализ философских аспектов того или иного обобщения в биологии означал чаще всего некомпетентное суждение по конкретным проблемам биологии. Крупнейшие обобщения мирового значения назывались буржуазными, вредительскими, идеалистическими, кулацкими, расистскими, фашистскими и т. п. Усилилось противопоставление советских исследований мировой науке. Сам «союз» философии и биологии отныне трактовался как идейная и методологическая гегемония упрощенно понимаемого диалектического материализма.

Теперь уже труды биологов, сторонников А. М. Деборина (И. И. Агола, М. Л. Левина, С. Г. Левита, А. С. Серебровского и др.), были объявлены антимарксистскими. Им инкриминировалось извращение марксистских положений о соотношении теории и практики, ревизия методологических установок Энгельса в области биологии, аполитичность, отождествление успехов теоретической биологии с успехами генетики и даже переход на позиции автогенеза и идеализма [63]. Биологи, сторонники Деборина, занимавшиеся и философскими проблемами, были сняты с руководящих должностей в Комакадемии и выведены из редакций журналов «Под знаменем марксизма» и «Естествознание и марксизм» как приверженцы «меньшевиствующего идеализма», борьба с которым стала одним из главных лозунгов нового этапа диалектизации биологии.

Одновременно предпринимались усилия не допустить реванша со стороны механицистов. Более того, все чаще переходили к сугубо административным методам борьбы с ними. Так, Р. И. Белкин, ненадолго занявший пост директора Биологического института им. К. А. Тимирязева, уже 24 декабря 1931 г. сообщал президиуму Комакадемии, что сотрудники экологической лаборатории (Е. С. Смирнов, Б. С. Кузин, Ю. М. Вермель, Г. Ф. Гаузе), созданной незадолго до этого путем слияния Отделения биологических основ социальных явлений с Биологической лабораторией Комакадемии, пытаются «использовать нынешнюю борьбу с антимарксистскими взглядами Деборина и борьбу с идеалистическими ошибками группы генетиков (Серебровского, Агола, Левита, Левина) в свою пользу, решительно сопротивлялись совершаемому Институтом повороту в научно-исследовательской работе» [64]. Недавний сторонник механицизма Р. И. Белкин теперь указывал на научную несостоятельность попыток продолжить опыты Каммерера, в которых используется генетически непроверенный материал и в итоге «желаемое выдается за сущее». По мнению Белкина, эти работы потеряли «политическую и социальную значимость» и только дискредитируют Комакадемию. Не довольствуясь этими аргументами, Белкин сообщает, что названные сотрудники лаборатории «срывают соцсоревнование и профсоюзную работу», «активно выступают против дарвинизма, за номогенез, пропагандируют номогенез» и, «владея диалектической терминологией, зачастую извращают диалектический материализм». В итоге — чисто административный аргумент: сотрудников экологической лаборатории уволить, а ее работу коренным образом перестроить.

Однозначен был и вывод бригады ЦК ВКП(б), обследовавшей в мае 1931 г. Биологический институт им. К. А. Тимирязева. Отмечалось, что по вине Агола институт находится в тяжелом положении и по социальному составу сотрудников, и по «политической направленности исследований» [65]. Агол якобы мешал приему в институт членов ВЛКСМ, пренебрежительно относился к выпускникам естественного отделения ИКП, не вел с механицистами серьезной борьбы, сохранял экологическую лабораторию, состоявшую в основном из сторонников механоламаркистов, покровительствовал «ползучему эмпиризму» и т. д. Вспоминалась не только его связь с группой Деборина, но и кратковременная поддержка в 1923 г. троцкистов.

Освобождающиеся места и в Комакадемии, и в новых журналах «За марксистско-ленинское естествознание» и

«Проблемы марксизма» (ПМ) занимала новая когорта диалектизаторов биологии. Президиум Общества биологов-материалистов, которое с марта 1931 года стало называться Обществом биологов-марксистов (ОБМ), возглавил Б. П. Токин. Вскоре он сменил Белкина на посту директора Биологического научно-исследовательского института при Комакадемии. Токин указывал: «Нужна решительная борьба, разоблачение реакционных „теорий" отдельных научных работников, пытавшихся ограничить возможность вмешательства экспериментатора, исследователя в ход развития животных и растений, обосновывающих созерцательное, пассивное, любительское отношение к живой природе» [66].

Обсуждению этих целей было посвящено собрание ОБМ Комакадемии, состоявшееся 14 и 24 марта. Его главным лозунгом была борьба «против механицизма и меньшевиствующего идеализма, против всяческого эклектизма, являющихся отражением буржуазных влияний, борьба за чистоту марксистско-ленинской теории в биологии, за соблюдение ленинских принципов партийности в науке, за поворот в сторону обслуживания задач социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата» [67]. В обязанности «марксистов-ленинцев» вменялось решать проблемы превращения озимых сортов культурных растений в яровые, хлопковой и каучуковой независимости, борьбы с засухой и т. д. Массы биологов должны были повернуться к задачам социалистического строительства.

В соответствии с устанавливающимся ритуалом дискуссий свой доклад Б. П. Токин начал с критики своего предшественника на посту директора Биологического института им. К. А. Тимирязева, обвиняя Агола в «аполитичности» проводимых исследований, в отрыве их от задач социалистического строительства, в протаскивании реакционных идей, прикрываемых марксистской и диалектической фразеологией. В качестве примеров «вылазки» классовых врагов в биологии Токин привел статью Н. Н. Подъяпольского [68], который писал, что сплошная распашка сельскохозяйственных угодий нанесет вред совхозам-гигантам. Токина возмущало «святое» невмешательство в методологические установки крупнейших биологов, включая Н. И. Вавилова, А. Г. Гурвича, М. М. Завадовского, снисходительное отношение Б. М. Завадовского, М. Л. Левина, А. С. Серебровского к ламаркистским ошибкам Энгельса, зачарованность И. И. Агола, М. Л. Левина, С. Г. Левита, А. С. Серебровского реакционными идеями буржуазной генетики. Досталось от него и недавним противникам деборинцев — механицистам, которые, по его словам, «обросли всяческими консервативными идеями и теориями», «протянули руку ламаркистам», «вредят борьбе с идеализмом», «тормозят разработку вопросов эволюции, проблем индивидуального развития», «наносят прямой вред социалистическому строительству». Токин предостерег механицистов от «истерической радости» по поводу краха деборинцев и призвал борьбу с обоими направлениями в философских вопросах биологии довести до конца. Все надежды на реализацию планов диалектизации биологии Токин связывал с «пролетарской и коммунистической молодежью», с «большевиком-биологом», имеющим опыт гражданской войны, борьбы с троцкизмом и правым уклоном.

Характерно, что дискуссий по докладу Токина уже не было. Все знали, что он излагает согласованную «в верхах установку», и прения носили характер хорошо отрепетированного спектакля. Новая когорта диалектизаторов биологии (П. П. Бондаренко, В. С. Брандгендлер, В. М. Каганов, Г. Ю. Яффе и др.) не стеснялась в критике своих предшественников. Недавние же лидеры ОБМ (М. Л. Левин, Б. М. Завадовский А. С. Серебровский и др.) поднимались на трибуну для того, чтобы покаяться в инкриминируемых им ошибках и преступлениях. Немногие при этом сохранили достоинство и удержались от выпадов в адрес своих недавних единомышленников, доказывая, что те совершали еще более грубые ошибки, чем выступавший в данный момент. Предпринимались и слабые попытки как-то парировать часть обвинений в свой адрес. В частности, Н. К. Кольцов сказал, что совещание ОБМ занимается лишь критикой и совершенно не обсуждает биологические проблемы, имевшие громадное хозяйственное значение. Едко подметил он и суть происходящих событий, обусловленных желанием нового поколения свергнуть прежние авторитеты и занять их места [69]. Это высказывание Кольцова особенно задело новых руководителей ОБМ, которые доказывали, что главным мотивом их действий является не личная корысть, а стремление отстаивать интересы пролетариата в науке [70].

В резолюции совещания признавалась необходимость «организовать разоблачение идеалистических концепций Гурвича, Любищева, Беклемишева, Берга, Соболева и др., также как и механистических школ и концепций Н. Кольцова, М. Завадовского, И. Павлова, П. Лазарева, А. Самойлова. Необходима борьба с ламаркистскими направлениями типа Е. Богданова, Е. Смирнова вместе с решительной

борьбой против автогенетической концепции Серебровского, Левита, Левина, Агола и др.» [71].

Сам перечень фамилий показывает, что диалектический материализм противопоставлялся фактически всем крупным направлениям в отечественной биологии. Была создана специальная бригада для «углубленной проработки и критики школ Е. А. Богданова и А. С. Серебровского в составе: Брандгендлер (бригадир), Серебровский, Коштоянц, Поздняков, Бондаренко, Власов, Богданов и Гершензон» [72], «бригаду для изучения и критической оценки работ Н. И. Вавилова», а также бригады: «а) По разбору работ Кольцова — в составе: Комиссарук (бригадир), Баткис, Елизарова, Закгейм, Николаев, Конов, Муравейский, Морозова и Рохлина... в) по разбору работ Самойлова — в составе: Коштоянц (бригадир), Лифшиц, Бондаренко, Очаковская, Закгейм и товарищи от кафедры физиологии животных МГУ» [73].

Аналогичные бригады создавались во всех научных исследовательских и учебных заведениях биологического профиля. В ходе проработок крупнейших ученых с позиций «диалектического материализма» их заставляли каяться в философских и идеологических ошибках. Так происходило насильственное «обращение» естествоиспытателей в сторонников диалектического материализма. С ходу отвергался тезис о различии между естественнонаучной методологией и философией. Мысль о возможности стихийной «диалектизации» биологии была объявлена антимарксистской, а вместе с ней и тезис о дарвинизме как общей методологии биологии. Дарвинизм все чаще подвергался критике как плоско-эволюционная теория развития.

Запрету стали подвергаться целые научные направления и даже дисциплины. Прежде всего вне закона оказались попытки использовать биологические знания для объяснения социальных процессов, поиск общих закономерностей развития в природе и обществе. В широкий оборот был запущен термин «биологизировать», используемый для обвинения противников в идеологических грехах.

Первой жертвой стала фитосоциология, сторонники которой (Б. А. Келлер, В. Н. Сукачев, В. В. Алехин, М. А. Бубликов и др.) проводили аналогии между растительными ценозами и обществом. Утверждалось даже наличие в растительных сообществах классовых группировок, ведущих между собой ожесточенную борьбу за существование [74]. Подобная антропоморфизация растений не раз вызывала критику со стороны самих биологов (Л. Г. Раменский, А. А. Еленкин, В. А. Вагнер). Однако объектом ожесточенной идеологической и политической критики фитосоциология стала уже после выступления в 1928 г. в НОМ П. Н. Овчинникова и публикации на следующий год разгромной статьи И. И. Бугаева [75]. Сам термин «фитосоциология» стал бранным и заменен на «фитоценологию».

Вскоре нападкам стала подвергаться и экология в целом. На IV Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве (1930), 1-й Всесоюзной конференции по геоботанике и флористике в Ленинграде (1930), Всесоюзной конференции по фаунистике в Ленинграде (1932) во время серии дискуссий, организованных Ботаническим институтом АН СССР в 1934 г., высказывались упреки в адрес экологов и биоценологов за абсолютизацию целостности, взаимосвязанности и динамического равновесия в биологических сообществах, за отрыв теории от практики, за ползучий эмпиризм, за неоправданное широкое использование математики и т. д. [76].

Осуждению подверглись и попытки установить точки взаимодействия между марксизмом и психоаналитической концепцией З. Фрейда, рефлексологией В. М. Бехтерева, реактологией К. Н. Корнилова, теории условного рефлекса И. П. Павлова. Так, начатая еще Л. Д. Троцким и поддержанная некоторыми немецкими и советскими марксистами линия на синтез фрейдизма и исторического материализма [77] была отвергнута руководителями Общества психоневрологов в Комакадемии. Как показала дискуссия в Комакадемии 28 ноября 1929 г. в связи с докладом немецкого марксиста-фрейдиста В. Рейха, если И. Д. Сапир еще допускал практическое использование некоторых достижений З. Фрейда, то А. Н. Залманзон, А. Б. Залкинд утверждали, что «практика психоанализа вредна, так как его идеология вредна», и что фрейдизм играет реакционную роль в педагогике, отвлекает внимание педагогов от социальных эмоций ребенка, от трудовой тренировки и воспитания волевых усилий, мешает пропаганде психогигиены, демонстрируя бессилие интеллекта перед бессознательными импульсами [78]. В итоге фрейдизм фактически вплоть до начала перестройки оказался под запретом в СССР, а исследователи бессознательного в психике человека (В. Н. Басин, Д. Н. Узнадзе) должны были скрывать близость своих воззрений к психоанализу. За биологизаторство социальных явлений, механицизм, дуализм и противоречивость критиковалось учение И. П. Павлова.

В 1930 г. было распущено Русское евгеническое общество, ликвидирована Секция евгеники в Институте экспериментальной биологии, а ее апостолы в СССР Н. К. Кольцов,

А. С. Серебровский, Ю. А. Филипченко в течение десятков лет обвинялись в пропаганде «черносотенного бреда», «звериного шовинизма» и «зоологической ненависти к людям». Им инкриминировалось обоснование необходимости законов о стерилизации, еврейских погромов, распространение человеконенавистнической идеологии [79]. Широкую известность получило стихотворение Демьяна Бедного «Евгеника», опубликованное в «Известиях» 4 июня 1930 г., где будущая Москва изображалась заселенной тысячами тождественных копий людей. Отныне само упоминание об евгенике ассоциировалось с расизмом и фашизмом, а исследования по генетике человека назывались медико-генетическими. По мнению Агола, классовый характер буржуазной науки наиболее ярко проявился в антропологии и евгенике [80].

Нападкам подвергались и другие отрасли биологии. Оригинальные биогеохимические идеи В. И. Вернадского, существенно обогатившие представление о сущности жизни, были подвергнуты резкой критике в статьях А. М. Деборина, А. А. Максимова, Д. И. Новогрудского, обвинивших его в создании специфического витализма, названного ими геохимическим витализмом [81]. Труды Вернадского были объявлены нематериалистическими и даже ненаучными. Однако критики не дождались в данном случае покаяния и смирения. Резкая отповедь им была дана самим Вернадским. Отвергая эти обвинения как ложные, Вернадский писал, что они высказаны «людьми, говорящими о том, чего они не знают, а углубиться во что они не желают» [82]. И саркастически добавлял: «Углубиться, конечно, нелегко. Для этого необходим большой тяжелый труд».

Постепенно главным объектом критических нападок становилась генетика. Причем, если в 20-х гг. ее противники не отрицали теоретического и практического значения генетики, то отныне курс был взят на ее огульное охаивание. Примером здесь может служить статья Г. Ю. Яффе, члена президиума ОБМ. Его цель — «вскрыть чуждые нам философские тенденции в неодарвинизме» [83]. Он уверяет, что методология махизма пронизывает все теоретические построения генетики и что «это кантианско-махистское учение о фенотипе и генотипе полностью принимается т. Аголом и другими представителями меньшевиствующего идеализма в биологии» [84]. Зародышевая плазма у Вейсмана, по мнению Яффе, играет роль души, которая наделяется активностью в отличие от пассивной сомы. Отсюда следуют обвинения генетиков в их заигрывании с идеализмом и витализмом. Яффе уверяет, что все экспериментальные опровержения наследования приобретенных признаков негодны, так как строились исходя из философских позиций кантианства и махизма. Поэтому генетика тащит нас к неодарвинизму, проникнутому «мистикой, механистическими и математическими (?) тенденциями». И в заключение можно прочесть, что «неодарвинизм играет на руку интересам буржуазии в эпоху ее загнивания, в эпоху социалистической реконструкции, ибо неодарвинизм... тащит нас от методологии дарвинизма» [85]. Он требует от генетиков «пересмотра своих позиций и соответствующей критики реакционных тенденций неодарвинизма». Подобные обвинения в адрес генетики были повторены в последующие тридцать лет в сотнях философских работ [86].

Надо сказать, что определенная часть генетиков на эту критику реагировала сходными декларациями. Еще в 1929 г. на Первом Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству произошел большой поворот советской генетики к политике, ставший предпосылкой будущих коллизий. Благодаря усилиям руководителей съезда и журналистов генетике был придан образ некоей чудо-науки, творцы которой должны и могут, по словам Н. И. Вавилова, «строить новые виды живых организмов» [87]. Через два года в обращении оргкомитета по созыву очередной всесоюзной конференции генетиков их уже призывали искать пути «для ускорения научных исследований, осветить ряд теоретических моментов, необходимых для идейного вооружения пролетариата, для борьбы против вредительства, против идеалистических и механистических извращений марксизма» [88]. Судя по этому обращению, генетики были готовы к «реконструкции своей науки», «пересмотру методов ее работы», «внедрению принципа партийности на основе марксистско-ленинской методологии», «пересмотру направлений и взаимоотношений с другими науками», приведенными буржуазными учеными «к состоянию раздробленности, взаимной оторванности и взаимного непонимания, а тем самым к состоянию загнивания, часто к прямому крохоборству».

Все чаще подобные «дискуссии» вели к закрытию научных учреждений, кафедр, к увольнениям и арестам критикуемых. Так, арестом в 1931 г. с последующим осуждением Б. Е. Райкова и его учеников завершилась кампания против его методов преподавания биологии в школе и институте [89]. Серией арестов (Л. А. Зенкевич, Г. А. Клюге, Н. П. Танайсичук и др.) завершилась «дискуссия» о путях миграции сельди в Баренцевом море и перспективах ее ловли на Мурмане [90].

В планах биологических учреждений появляются специальные разделы «Борьба с враждебными идеологическими направлениями», к числу которых относились работы крупнейших советских биологов, критика которых поручалась ученикам этих школ. В этом отношении показательны планы биологических подразделений Комакадемии, ОБМ, Украинского ОБМ, Ленинградского ОБМ на 1931—1932 гг. [91]. Главной задачей этих планов была «большевистская реконструкция биологии, ...проводимой на основе широкого развертывания подлинной коллективности, соцсоревнования и ударничества». Для этого Биологический институт Комакадемии должен был установить методологический контроль над учреждениями Наркомпроса, Наркомзема (прежде всего ВАСХНИЛ), биологическими институтами и кафедрами университетов и других вузов, участвовать в подготовке всесоюзных съездов зоологов, ботаников, физиологов и генетиков, подготовить к изданию труд «Против витализма», разрабатывать типовые программы по биологическим курсам для вузов и рабфаков, проводить антирелигиозную и пропагандистскую работу, обеспечить методологический контроль над выпускаемой биологической литературой и т. д. Слушателям на заводах и фабриках предлагались лекции о борьбе за дарвинизм, о религии и душевных болезнях, о роли социальных факторов в становлении человека. Характерны и названия лекций: «Против буржуазной идеологии в биологии», «Пути механистической генетики», «Задачи естествознания в реконструкционный период», «К методологии основ регенерации», «Механистическое направление в ботанике», «Антимарксизм „марксистов" в биологии» и т. д.

В числе главных исполнителей в разделе «Методологическая и практическая помощь в организации разработки биологических проблем биологии» значилась старая большевичка О. Б. Лепешинская, автор концепции «живого вещества», ставшая позднее наряду с Т. Д. Лысенко, И. В. Мичуриным и В. Р. Вильямсом классиком агробиологии [92]. Вместе с тем явно наметилось раздвоение между заявляемыми целями и сущностью проводимых исследований. Даже в планах Комакадемии на 1931—1932 гг. большую часть занимали обычные биологические проблемы [93]. Так, генетическое отделение Ассоциации естествознания под руководством А. С. Серебровского разрабатывало проблемы строения хромосом, взаимодействия генов, внешних факторов в реализации наследственности и изменчивости и т. д. Физиологическое отделение под руководством Б. П. Токина занималось проблемой митогенетических лучей, клеточного деления. Бригады под руководством В. С. Брандгендлера и Х. С. Коштоянца обсуждали проблемы селекции, генетики и животноводства, а руководимая Б. М. Завадовским бригада работала над проблемой естественного отбора, борьбы за существование и целесообразности. Чисто биологическая проблематика значилась в планах гидробиологического отделения и отделения механики развития. Показательно, что в различных разделах планов Комакадемии и ОБМ значились одни и те же фамилии: П. С. Беликов, И. А. Вайсберг, Б. М. Завадовский, Х. С. Коштоянц, Ф. П. Майоров, Н. Н. Никитин, Д. М. Новогрудский, И. И. Презент, П. Н. Овчинников, Б. Г. Поташникова, А. С. Серебровский, Б. П. Токин, что свидетельствует о том, что число людей, активно пытавшихся диалектизировать биологию, было весьма невелико.

Захватив руководство диалектизацией биологии, молодая когорта диалектизаторов (Б. П. Токин, В. С. Брандгендлер, П. П. Бондаренко, Р. Э. Яксон, Х. С. Коштоянц и др.) использовали и представителей старой интеллигенции, полагавших, что они недостаточно оценены академическим сообществом (Б. А. Келлер, В. Р. Вильямс, А. И. Опарин, А. В. Немилов, В. П. Бушинский), или вынужденных в силу своего прошлого (участие в гражданской войне на стороне белых или пребывание в антибольшевистских партиях) с особым усердием демонстрировать свою лояльность властям (А. Н. Бах, К. М. Быков, П. В. Серебровский). Ведь требование связи научных исследований с задачами социалистического строительства позволяло ликвидировать любое направление, обвиненное в отрыве от практики. Проверке и проработке подлежали все ученые.

Таким образом, не столько борьба с буржуазными учеными, сколько конкуренция за руководящие посты, за покровительство партийной элиты, за финансы, за большее влияние были движущими силами в диалектизации биологии. Победители со спокойной совестью занимали освобождавшиеся места, нередко способствуя ниспровержению предшественников. Возглавивший биологию в Комакадемии Б. П. Токин уже готов был к борьбе с Вавиловым. Но не успел Токин разобраться с «механистическим материализмом и меньшевиствующим идеализмом» в Биологическом институте Комакадемии, как на него напала О. Б. Лепешинская [94]. Она же за несколько лет до этого с не меньшей страстностью атаковала коммунистов-медиков 1-го Московского университета, в первую очередь С. Г. Левита, за поддержку А. Г. Гурвича [95]. В архивах немало документов о

том, что и будущие непреклонные борцы с лысенкоизмом не брезговали использовать марксизм для осуждения научных противников. Примером может служить письмо В. Н. Сукачева от 26 декабря 1931 г. И. И. Презенту, где он предлагает выступить на философском семинаре с критикой работ В. Н. Беклемишева [96]. Весной того же года он резко выступал против своих коллег по Лесотехнической академии. Сукачев заявлял: «Контрреволюционная теория проф. Орлова в течение 14 лет преподавалась с кафедры и была положена в основу многих хозяйственных мероприятий», а в трудах «директора ЛТА, коммуниста Шульце, до самого последнего момента мы имеем троцкистские установки, так как он отрицал возможность освоения Севера» [97].

«Проработке» подлежали все ученые, но в первую очередь заставляли каяться в философских и идеологических грехах свергнутых лидеров «диалектической биологии». В письме в редакцию газеты «Правда», опубликованном в журнале «Под знаменем марксизма» (1932. № 3—4) освобожденный от должности директора Биологического института им. К. А. Тимирязева И. И. Агол «признавался» в игнорировании основных вопросов социалистического строительства, в подмене марксистской методологии естественнонаучными теориями, в либеральном отношении к буржуазной науке, контрабандном протаскивании «писаний и идеек», выдаваемых за марксизм, в биологизации социологии и т. п. Он обещал все силы приложить для борьбы с собственными теоретическими воззрениями. В те годы подобным смирением еще можно было на время заслужить прощение. Агол назначается главным редактором нового журнала «Успехи современной биологии», а через год — вице-президентом Всеукраинской ассоциации марксистских учреждений и потом заведующим отделом генетики в Институте зоологии и биологии АН УССР. Но в марте 1937 г. он был расстрелян.

4.3. И. И. Презент — герой своего времени

На каждом этапе культурной революции к руководству приходили все более агрессивные группы, а идеологический террор по отношению к биологам усиливался. Конкуренция была особенно жестокой между лицами, стремившимися к активному сотрудничеству с советской властью. В конечном итоге, победителем в этой борьбе вышел И. И. Презент.

20 октября 1929 г. Презент возглавил естественнонаучную секцию Ленинградского отделения ОВМД, сменив на

этой должности Г. С. Тымянского [98]. Одновременно он — доцент в Педагогическом институте им. А. И. Герцена и научный сотрудник Института философии ЛОКА, где доминировали деборинцы во главе с директором С. Л. Гоникманом и руководителями естественнонаучной секции Г. С. Тымянским и Я. М. Урановским. В начавшейся летом дискуссии с деборинцами Презент оказался среди тех молодых философов, которые «быстро поняли правильную партийную ориентировку» [99] и изменили соотношение сил, присоединившись к критикам своего недавнего кумира.

14 января 1931 г. он становится членом бюро секции естествознания Института философии ЛОКА и ему с И. А. Вайсбергом поручается руководство группой по коллективной разработке проблем биологии [100]. Руководитель секции Я. М. Урановский среди ее важнейших задач называл организацию групповых докладов, проработку различных направлений ленинградских естественнонаучных учреждений, обследование отдельных учреждений, определение их научно-методологических советов, учет партийных, комсомольских и околонаучных кадров. Ответственным за работу в области биологии был назначен И. И. Презент, а в области физиологии — Н. Н. Никитин [101]. Для проработки вначале были выбраны школы физиолога растений Н. А. Максимова и геоботаника В. Н. Сукачева.

7 марта 1930 г. естественнонаучная секция ОВМД преобразуется в Ленинградское общество биологов-марксистов (ОБМ), которое должно было действовать в качестве филиала ОВМД и одновременно входить в состав ЛОКА, где создавался сектор биологии в Секции естествознания, осуществлявший организационное и идейное руководство ОБМ [102].

12 апреля 1931 г. на заседании Президиума Ассоциации естествознания Комакадемии работа Секции естествознания была признана неудовлетворительной. Я. М. Урановский был обвинен Э. Я. Кольманом в защите прежнего руководства Комакадемии и в уклонении от настоящей борьбы с «меньшевиствующим идеализмом», в результате чего в Ленинграде сложилось «ненормальное положение». «Борьба со старым руководством не доведена до конца. В работе не обеспечено четкой партийной линии, несмотря на то, что Ленинград представляет собой крупнейший пролетарский научный центр. Кадры не организованы» [103]. Были отвергнуты и ссылки на недостаток в Ленинграде подготовленных кадров для проведения борьбы на два фронта с меньшевиствующими идеалистами и механицистами. Руководство

Комакадемии поддержало просьбу ленинградцев о создании Института естествознания при ЛОКА с тремя отделениями: медицины, агробиологии и неорганических наук (физика, химия, математика и геология). На базе института предполагалось организовать учебную работу.

Такой институт был создан решением Президиума ЛОКА от 19 мая 1931 г. [104]. Ему было поручено и методологическое руководство ленинградскими научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями. Первоначально эту функцию призваны были выполнять пять научных сотрудников, включая директора Р. Э. Яксона и его заместителя Я. М. Урановского. Все они состояли в партии более 10 лет, но за исключением Яксона, не могли похвастаться рабоче-крестьянским происхождением. Высшее образование они получили после революции на сокращенных двух- и трехгодичных курсах ИКП, университета и Военно-медицинской академии. Были и научные сотрудники без высшего образования. Благодаря партийной мобилизации на первый курс аспирантуры было принято 8 человек.

Через год в институте было 36 научных сотрудников, преимущественно совместителей, распределенных по семи секциям. Секцией биологии заведовал И. И. Презент, секцией физиологии — Н. Н. Никитин. Обе секции работали в тесном контакте с ОБМ, возглавляемом Презентом. В 1931 г. Презент организовал в университете кафедру диалектики природы и общей теории биологии. Таким образом, используя терминологию Кольмана, именно Презенту было поручено «организовывать кадры» в Ленинграде по установлению «союза» биологии и марксизма. Ему удалось к началу в 1931 г. стать во главе всех марксистских организаций и обществ, созданных в те годы в Ленинграде для проведения политики партии среди биологов, насильственного внедрения диалектического материализма в биологические исследования, искоренения всяких поползновений к инакомыслию. Крах деборинцев Презент умело использовал для ускорения своей карьеры. В материалах, хранящихся в личном архиве моего учителя К. М. Завадского, высказывается предположение, что последующая гибель ленинградских философов (И. А. Вайсберга, С. Л. Гоникмана, П. Ф. Куразова, В. Н. Ральцевича, Г. С. Тымянского, Я. М. Урановского, Б. А. Фингерта и Р. Э. Яксона) связана с оговорами Презента.

Закаленный одиночеством в предшествующих попытках привлечь ленинградских ученых к диалектизации биологии, И. И. Презент как никто другой умел придать научным дискуссиям характер обострившейся классовой борьбы, будь то дискуссии о методике преподавания биологии, охране природы, фитосоциологии и т. д. 7 марта 1931 г. на первом заседании Биологического сектора И. И. Презент вещал: «...Октябрьская революция в отношении перетряхивания теоретических установок только начинается... Нам нужно все взять на свои плечи. Основная задача — самокритика и перетряхивание. Нужно проделать черновую работу по сбору материала, чтоб представить себе все реакционные течения. Нужно взять на критику всех. Черновой просмотр, сборка материала должны вестись широко и массово во всех учреждениях» [105].

Днем раньше при обсуждении плана предстоящей работы Презент подчеркивал, что необходим «разбор различных реакционных течений в биологии и наряду с этим тщательная проверка их влияния на работу наших прикладных учреждений» [106]. В первую очередь он предлагал заняться: 1) генетикой и учением о растительном сообществе; 2) подготовкой к проведению Всесоюзных съездов с целью захвата руководства научными биологическими обществами; 3) провести методический просмотр всех кафедр биологического профиля в вузах Ленинграда, изучить их печатные труды за весь период после революции. Его возмущало, что профессора не ссылаются в своих работах и лекциях на партийные документы, а если и упоминают о них, то со скрежетом зубов [107].

С особой яростью Презент клеймил своих недавних кумиров «за примиренчество к Филипченко, Кольцову и другим буржуазным ученым, рупором которых (а через них и рупором буржуазии как класса) являются меньшевиствующие идеалисты» [108]. Наряду с обычными обвинениями в «отрыве теории от практики», «либеральном и оппортунистическом отношении к теоретическим вылазкам прямых классовых врагов» Презент инкриминировал бывшему «деборинскому руководству на философском и естественнонаучном фронте» созерцательное отношение к природе. Оно оставляло без отпора, провозглашал Презент, и «ряд теорий, объединяемых общей установкой, общей идеей: противопоставить социалистически-реконструктивным задачам пролетариата созерцательское отношение к природе, с ее, якобы раз навсегда данными, не развивающимися законами, с ее раз навсегда сложившимися стабильными, наиболее благоприятными отношениями, затронуть которые значит, с точки зрения этих теоретиков, ворваться в порядок природы, нарушить ее устои. Волховстрой, Днепрострой, большевистские

темпы и самая социалистическая революция идут наперекор природе — такая установка этих теоретиков, которые не прочь одеть природу в жандармский мундир, а самого жандарма облечь законностью природы».

Для И. И. Презента не было авторитетов и в науке. Он не признавал заслуг даже И. П. Павлова, В. В. Докучаева, В. Р. Вильямса, провозглашенных им впоследствии предшественниками лысенкоизма. Тогда же он заявлял, что в почвоведении нет докучаевской школы, есть только школы партийные и антипартийные. В те годы И. И. Презент, как и другие деборинцы, был сторонником дарвинизма и классической генетики. Он был среди самых активных гонителей механицистов и ламаркистов. Тогда И. И. Презент доказывал диалектико-материалистический характер генетики, которую он через несколько лет начнет громить за идеализм и метафизику и называть отвратительным примером буржуазной науки, исходно враждебной советской биологии.

В эти годы его жена Б. Г. Поташникова была аспиранткой В. Л. Комарова в АН СССР и специализировалась в области генетики, занимаясь проблемой преодоления стерильности межвидовых гибридов в семействе крестоцветовых [109], следуя, по сути дела, за работами генетика Г. Д. Карпеченко, ближайшего сотрудника Н. И. Вавилова. Возможно поэтому существует никем не подтвержденная легенда о том, что в начале своей карьеры И. И. Презент якобы предлагал свои услуги по диалектическому обоснованию генетики Н. И. Вавилову, который их с негодованием отверг и поплатился якобы впоследствии именно за это. Действительно, И. И. Презент сыграл зловещую роль в гибели Н. И. Вавилова, причастность к которой он публично признал весной 1941 г. на объединенном собрании комсомольцев биологического и философского факультетов, ответив на вопрос о судьбе Вавилова словами библейского Каина: «Разве я сторож брату моему?» [110]. Но тогда Презент хвалил генетика-марксиста Н. П. Дубинина [111], писал об огромных заслугах и прогрессивном значении работ Г. Менделя и подчеркивал необходимость изучения закономерностей мутагенеза и наследственности с целью использования их для дела социалистического строительства [112].

Судя по официальным данным, вечерние курсы биологов из учебных заведений Ленинграда и научных учреждений АН СССР и ВАСХНИЛ, которые вел Презент, посещало 35 человек. 26 из них были членами и кандидатами в члены ВКП(б) [113]. Было создано более 26 ячеек ОВМД и ОБМ в институтах биологического профиля. В трех секциях ОБМ

(педагогов-биологов, растениеводства, животноводства) числилось 281 человек. В списке биологической секции, насчитывавшей 35 человек, встречаются фамилии ученых, внесших вклад в развитие различных отраслей биологии: Е. Н. Павловский, Б. Е. Быховский, Р. И. Аболин, Ф. Х. Бахтеев, Н. А. Максимов, Е. Г. Бобров, С. В. Юзепчук, В. И. Кречетович и др. [114]. Но следов их активного участия в мероприятиях Института естествознания ЛОКА и ОБМ не обнаружено. Было там и несколько человек, сыгравших вскоре зловещую роль в истории советской биологии (Р. Я. Дозорцева, Г. Н. Шлыков).

Возглавляемые И. И. Презентом общества, как и созданное 10 декабря 1930 г. Ленинградское отделение ВАРНИТСО при АН СССР, имели не только одинаковые задачи, но их ядро составляла одна и та же малочисленная группа людей с повышенной политической активностью (П. С. Беликов, П. Н. Овчинников, Б. Г. Поташникова, В. А. Щепетильникова, Г. Н. Штерн и др.). Их не устраивала кастовость, замкнутость научного сообщества, куда не так просто было проникнуть выходцам из новых слоев, не обладавшим прочными профессиональными знаниями. Инициируемая ими «культурная революция» как «классовая борьба» была прежде всего борьбой маргиналов в науке за повышение своего статуса, против совершаемой якобы в отношении их дискриминации [115]. Молодежь стремилась сломать традиционные формы научного быта, ликвидировать кастовость науки путем вовлечения широких масс в обсуждение научных проблем и разоблачения «реакционной» профессуры, якобы мешавшей поставить науку на службу социалистическому строительству.

Им импонировала идея коллективных научных исследований, где можно было собственную бесплодность спрятать под флагом коллективного труда. За участие в борьбе с буржуазными специалистами им обещали быструю карьеру и освобождаемые места. Рекомендуя избрать аспиранта Д. Г. Богена действительным членом Комакадемии, Я. М. Урановский уверял, что тот способен возглавить исследовательскую работу в области рационализации и оздоровления труда, «находившейся до этого под контролем беспартийных и далеких от коммунистов лиц, в результате чего работа не оправдывает затрачиваемых на нее средств» [116]. Этот будущий руководитель, которому предлагалось возглавить еще и Научно-медицинский совет при Облздраве, до поступления в аспирантуру работал младшим научным сотрудником в Военно-медицинской академии. Как участник гражданской войны он был командирован в аспирантуру

Политотделом военного округа и на вступительных экзаменах получил по истмату и политэкономии удовлетворительно, а экзамен по специальности вообще не сдавал.

В течение двух лет аспиранты не могли приобрести твердых знаний, прослушав лишь курсы лекций по истории философии и диалектическому материализму и проработав в трех семинарах: семинар по проблемам истории и методологии естествознания в связи с историей общественного развития; семинар по современным проблемам естествознания в связи с историей философии; семинар по социальным проблемам естествознания в связи с задачами реконструкции, поставленной Наркомземом, Наркомпросом, ВСНХ и Госпланом [117]. Обучение шло путем бригадной проработки материала, где по каждой теме отвечал один аспирант. Однако и эта программа не выполнялась. Из семи тем по диалектическому материализму в течение первого семестра 1931—1932 гг. были проработаны только две, да и то не полностью, из трех тем по истории естествознания освоена только одна [118].

У аспирантов практически не было времени получить теоретические знания по специальности и тем более приобрести навыки экспериментальной работы, так как наиболее важной считалась массовая партийная работа на предприятиях, а также участие в бригадах по обследованию научных и учебных заведений. О масштабах общественной нагрузки аспирантов можно судить по характеристике Б. Г. Поташниковой, выданной парторганизацией АН СССР в 1936 г. по запросу Воронежского университета, куда поступило обвинение о ее причастности к троцкистско-зиновьевской оппозиции. Из характеристики видно, что во время пребывания Поташниковой в аспирантуре она руководила партшколой, бюро аспирантуры, ячейкой ОВМД в АН СССР, бригадой по изучению положения в генетике, а также участвовала во многих других бригадах, создаваемых ЛОКА и ОБМ [119]. Аспирантов спасало лишь то, что, как мы постараемся показать ниже, большинство этих бригад в Институте естествознании (например, по виду, по селекции и генетике, по гистологии, по растительным группировкам и т. д.) числились только на бумаге.

При посредственных знаниях поступавших в аспирантуру и невыполнении программ обучения [120] трудно было надеяться на выпуск высококвалифицированных руководителей науки. Тем не менее резко увеличилось число аспирантов. Если в 1928/29 учебном году в Институте марксизма их было четырнадцать, то в 1930—1931 гг. в созданном на его

базе ЛОКА уже четыреста двадцать. Еще грандиознее были планы. Весной 1931 г. предполагалось в 1933 г. иметь четыреста семьдесят семь преподавателей и две тысячи семь аспирантов, что обеспечило бы увеличение научных сотрудников, преподавателей и руководящего состава на 756 процентов, а аспирантов на 1364 процента [121]. Реализация подобных планов породила бы в Ленинграде армию наспех подготовленных научных сотрудников, по численности сравнимой с уже существующим контингентом представителей традиционной науки. Планировалось изменить социальный и партийный состав аспирантов, где процент выходцев из рабочего класса должен был возрасти с 50 в 1930/31 г. до 80 в 1931/32 г., а членов партии и комсомола до 97. Такие грандиозные планы вдохновляли часть молодежи на непримиримую борьбу с представителями прежней интеллигенции и побуждали их активно включаться в критику крупнейших биологов Ленинграда.

При самых низких требованиях к знаниям будущих руководителей науки были серьезные трудности с набором аспирантов, партийный стаж которых должен был быть не меньше 7 лет. В первый год Институт естествознания набрал только 8 человек (менее 25 процентов от плана), на следующий год — 20 аспирантов. Направляемые райкомами, политуправлениями Красной армии и Балтийского флота в порядке партийной дисциплины аспиранты, как правило, не претендовали на серьезную научную работу. Малокультурные, но нахально третировавшие и преподавателей, и студентов партийцы, прикрываясь фанатизмом, стремились занять места своих учителей. Характерны воспоминания В. С. Кирпичникова, который в эти годы заведовал лабораторией генетики в Институте прудного рыбного хозяйства [122]. К нему в лабораторию был направлен для прохождения практики студент В. Н. Михайлов, из набора партийных-«тысячников». Вместе со своей сотрудницей К. А. Головинской В. С. Кирпичников вынужден был почти полностью написать за В. Н. Михайлова диплом. Получив с их помощью высшее образование, Михайлов был направлен на работу в эту лабораторию и в короткий срок создал в ней такую обстановку, что Кирпичников вынужден был отказаться от заведования, а позднее уволиться. Михайлов сразу же был назначен руководителем лаборатории.

Карьеристы и не скрывали мотивов своей активности. На собрании Биологического сектора ЛОКА 9 февраля 1931 г. говорилось, что в ВАСХНИЛ идут бои за марксистскую методологию, критикуются крупные специалисты Вави-

ловской школы, якобы затиравшие молодежь [123]. Взгляды Н. И. Вавилова и Г. Д. Карпеченко, по мнению Поташниковой, мешают приблизить Всесоюзный институт растениеводства к социалистическому строительству. При всей своей агрессивности молодые подручные Презента понимали, что в своих атаках они должны учитывать позицию партийных органов. Так, Поташникова, призывая к преодолению взглядов Вавилова, отметила: «Вопрос с Вавиловым надо было бы согласовать с Обкомом» [124] и признавала, что «...за проработку Вернадского, Павлова и других лиц мы еще взяться не можем» [125].

Атаковавшие не хотели осознавать, что «кастовость», «высокомерие» буржуазной профессуры в значительной степени обусловлена более глубоким типом ее образования. Недостаток знаний они прикрывали псевдореволюционной романтикой гражданской войны. Их речь напоминала сводки с театра военных действий. Выражения типа «провести разведку», «дать бой», «потерпеть поражение», «на биологическом фронте» доминировали в лексиконе сподвижников Презента.

Из таких рвущихся в бой «специалистов» Презент формировал бригады по «проработке» лидеров научных школ в генетике, биогеохимии, экологии, лесоводстве с целью выявления в них механицизма и идеализма, разоблачения аполитичности научных исследований, несоответствия их задачам социалистического строительства. Бригады устраивали общественные лекции, диспуты, проверяли учебные планы студентов и аспирантов, разрабатывали планы подготовки и проведения ряда Всесоюзных совещаний по различным отраслям биологии, где предполагалось разоблачить оторванность большинства научных исследований от запросов практики. Особое внимание уделялось практическим занятиям, так как во время обучения методам экспериментальных исследований студенты «попадают под влияние буржуазных специалистов».

Не раз обсуждались планы реорганизации научных обществ, чей «кастовый» характер особенно возмущал молодежь, не имевшую печатных работ. Кампания против научных обществ была начата в 1930 г. на специальной конференции, созванной по инициативе ВАРНИТСО. Цель конференции была четко выражена в названии статьи К. Квятковского «Научные общества перед судом советской общественности» [126]. В серии публикаций, появившихся в журнале «ВАРНИТСО», научные общества характеризовались как «научные болота», «цитадели реакционной профессуры», «заповедники, где сохранились в девственных пущах... маститые зубры». Аналогия с заповедниками стала излюбленным штампом у критиков научных обществ. Например, Е. К. Сепп уверял, что на протяжении всех послереволюционных лет «ученые Союза жили в условиях тщательно охраняемого заповедника. В этом всесоюзном заповеднике для вымирающей породы буржуазных ученых они нашли себе укромные уголки, создали специфическую, подходящую для себя обстановку подальше от докучливых взоров советской общественности» [127]. Научные общества обвинялись в нездоровом академизме, в неспособности перестроить свою работу в интересах социалистического строительства, в отрыве теории от практики, «в сочетании чистой науки с нечистой политикой», в идеологическом терроре по отношению к ученым-коммунистам и т. д.

Этими обвинениями пользовались и ленинградские диалектизаторы биологии [128]. Они отмечали, что во всех научных обществах, за исключением почвоведов и микробиологов, было не больше одного коммуниста или комсомольца, а во многих из них, например, в Русском энтомологическом и Русском палеонтологическом обществах много дворян, в том числе и эмигрантов. Как враждебные существующему строю характеризовались Физиологическое общество во главе с И. П. Павловым, Русское ботаническое общество во главе с В. Л. Комаровым, Ленинградское общество естествоиспытателей во главе с В. И. Вернадским и т. д. Для их коренной реорганизации предлагалось провести вербовку коммунистов в эти общества, после чего провести там перевыборы и организовать Совет ассоциации обществ для укрепления коммунистического влияния. Э. Ш. Айрапетьянц и Е. И. Кирьянова предлагали все общества зарегистрировать в Комакадемии и подчинить их Институту естествознания [129].

Попытки просоветски настроенных членов научных обществ наладить сотрудничество с ОБМ и ОВМД не увенчались успехом прежде всего из-за стремления Презента сорвать обсуждение любой научной проблемы, придав ей политическое звучание. Так, будучи в апреле 1932 г. председателем совместного семинара ОБМ, Ленинградского общества естествоиспытателей, Ботанического сада и Зоологического института АН СССР по теме «Кризис буржуазной систематики», Презент резко выступил против профессионального анализа достоинств и недостатков географического, морфологического и экспериментального методов в систематике животных и растений. Он поучал систематиков (В. И. Кре-

четовича, С. В. Юзепчука и др.), что проблема должна рассматриваться не вообще, а с учетом политической позиции того или иного автора [130].

В резолюции собрания коммунистов-естественников Ленинграда [131], принятой по итогам обсуждения письма И. В. Сталина в редакцию «Пролетарская революция» (1931. № 6), говорилось о «необходимости непримиримой борьбы со всеми враждебными нам теориями и практическими извращениями на фронте естествознания и здравоохранения». Коммунистам предписывалось активно участвовать в работе марксистских обществ по специальности, где следовало бороться прежде всего «против троцкистской контрабанды и гнилого либерализма». Эту борьбу и осуществляли возглавляемые Презентом общества и организации.

Именно деятельность Презента в Ленинграде наиболее ярко отразила новые тенденции диалектизации биологии, направленной прежде всего на борьбу с традиционными научными школами. Он вовремя покинул тонущий корабль деборинцев, усвоив, что критерием истины и в философии, и в науке становится не соответствие теории высказываниям классиков марксизма, а готовность ее авторов слепо следовать политике творца «великого перелома» и «культурной революции» и менять свои взгляды вслед за ее изменениями. Это обеспечило «успех» Презента на протяжении нескольких десятилетий вплоть до его «звездного» часа на августовской сессии ВАСХНИЛ.

4.4. Дарвиновские дни в 1932 г.

Апогеем «культурной революции» в биологии стали юбилейные собрания и публикации, посвященные 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина. В постановлении Бюро Президиума Комакадемии от 21 марта 1932 г. ставилась задача превратить юбилей «в широкую политическую кампанию». Смысл ее был сформулирован так: «В противоположность буржуазии и ее многочисленных лакеев — „ученых" мракобесов, попов, социал-фашистов и пр., оголтело борющихся против дарвинизма, извращающих и фальсифицирующих учение Дарвина и использующих его в своих буржуазно-классовых целях — мировой пролетариат и научная советская общественность... подчеркнет, что только пролетариат является единственным наследником материалистических основ дарвинизма» [132]. Сотни лекций на эту тему были прочитаны на

заводах, фабриках, в рабочих клубах. Для докладчиков заранее были сформулированы лозунги и тезисы выступлений, например, «дарвинизм против „ученых" поповских мракобесов» или «социал-фашиствующие герои обезьяньих процессов» [133].

В Ленинграде этой работой руководил Презент [134], сделавший специальный инструктивный доклад «О Дарвине и дарвинизме». Проводились ежедневные консультации на тему «Марксизм и дарвинизм». В Московском и Ленинградском университетах, в Государственном Музее антропологии, во дворце им. Урицкого в Ленинграде были развернуты грандиозные выставки, посвященные Дарвину в соответствующем идеологическом обрамлении. Были подготовлены десятки лекторов, в задачу которых входило чтение лекций на заводах, фабриках, в рабочих клубах. Эти выступления шли под контролем местных секций ОБМ и Союза воинствующих безбожников (СВБ). Прошла серия объединенных заседаний АН СССР, ВАСХНИЛ, ОБМ, ОВМД и СВБ.

Наиболее крупными мероприятиями в эти дни стали общее собрание ячеек ОВМД при Академии наук (Ленинград, 15 апреля), торжественное совместное заседание АН СССР, Комакадемии и ВАСХНИЛ (Москва, 19 апреля), совместное заседание ОВМД и ОБМ (Ленинград, 19 апреля), совместное заседание АН СССР, ЛОКА и ОБМ (Ленинград, 21 апреля), совместное заседание ОБМ при Комакадемии, ИКП естествознания и Центрального совета СВБ (Москва, 26 апреля). На заседаниях выступили с докладами Н. И. Бухарин «Дарвинизм и марксизм» и «Дарвин и Маркс», Н. И. Вавилов «Дарвин и его значение в истории биологических наук» и «Дарвин и его роль в развитии биологических наук», Б. М. Завадовский «Дарвинизм и эволюционное учение», М. А. Мензбир «Что дал науке Дарвин», И. И. Презент «Учение Дарвина в свете марксистской критики», Я. М. Урановский «Дарвинизм и классовая борьба», Р. Э. Яксон «Пути развития дарвинизма в СССР» и др. На Украине И. М. Поляков сделал доклад «Дарвинизм в свете марксистско-ленинской идеологии», Е. А. Финкельштейн — «Дарвинизм и социал-национализм», Л. Н. Делоне — «Дарвинизм и социалистическое растениеводство». Был доклад и о значении дарвинизма для социалистического животноводства. В Средней Азии юбилейное заседание было посвящено теме «Дарвинизм на службе социалистического строительства», а в Нижнем Новгороде — «Классовая борьба вокруг дарвинизма» [135].

Общий тон юбилейных мероприятий задавали статьи в газетах «Известия» (18 апреля) и «Правда» (19 апреля). Целью их было доказать, что советская наука находится на небывалом подъеме, а зарубежная переживает глубокий кризис.

Посвятив две страницы дарвиновскому юбилею, редакция «Известий» снабдила их тремя лозунгами: «Мобилизуем миллионы на борьбу против „ученых" мракобесов, использующих учение Дарвина для обоснования господства буржуазии, колониального гнета и империалистических войн»; «Используем все достижения буржуазной науки и техники, критически переработав их на основе марксистской теории»; «Вооружившись методом диалектического материализма, поставить эволюционную науку на службу социалистическому животноводству и растениеводству, на выполнение исторических решений XVIII партийной конференции». В духе этих призывов было выдержано и большинство статей, опубликованных в номере: Б. А. Келлера «Дарвинизм в стране строящегося социализма», Г. О. Азимова «Классовая борьба и дарвинизм», Б. М. Завадовского «Против извращения учения Дарвина», П. И. Валескална «Дарвинизм в оценке Маркса, Энгельса и Ленина», М. Мицкевича и Б. П. Токина «Эволюционные науки на службу соцстроительства», С. Г. Левита «Учение Дарвина, расовый шовинизм и социал-фашизм». В доминирующих в этих статьях призывах использовать дарвиновский юбилей для усиления «борьбы против религии и поповщины» явно терялись скромные попытки некоторых крупных биологов остаться в рамках приличия по отношению к мировой науке в анализе современного состояния учения Дарвина. Они явно усматриваются в спокойных, выдержанных в научных тонах статьях В. Л. Комарова «Дарвин победил безоговорочно», Н. А. Максимова «Чему мы должны учиться у Дарвина?», А. Н. Северцова «Дарвинизм после Дарвина» и Н. Г. Холодного «Сочинения Дарвина должны стать настольной книгой».

Если в газете «Известия» нашлось место для нескольких статей научного характера, то «Правда» полностью выдержала лейтмотив двух тезисов, набранных в качестве заголовков страницы, посвященной юбилею. «В странах умирающего капитализма и гниющей буржуазной культуры дарвинизм — на скамье подсудимых». «Рабочий класс, вооруженный марксистско-ленинской теорией, берет все подлинно научное в дарвинизме для борьбы за построение социализма». Эти лозунги и развивались в статьях, авторы которых чаще всего были те же, что и в «Известиях». В статье В. Брандгендлера и П. Валескална «Учение Дарвина и классовая борьба» содержалась следующая оценка состояния дарвинизма за рубежом: «Современные „ученые", поповские мракобесы, герои „обезьяньих процессов", социал-фашисты, пытающиеся найти в дарвиновском учении биологическое „оправдание" капитализму, организации погромов, расстрелов пролетариев, линчеванию — все эти сторожевые псы капитализма имеют единственную „теоретическую" задачу — спасение идущего ко дну капитализма». Доказывая классовый характер эволюционных воззрений, авторы призывали к реконструкции дарвинизма на основе марксизма-ленинизма. В таком же духе была выдержана и статья П. Бондаренко и Б. Токина «Маркс, Энгельс и Ленин о Дарвине». Д. Заславский увидел в «обезьяньих процессах» в штате Теннесси общее отношение к дарвинизму в США. Весьма красноречиво называлась и его статья «От человекоподобной обезьяны к обезьяноподобному человеку».

Однако все рекорды в политизации и идеологизации юбилея Дарвина были перекрыты статьей Э. Я. Кольмана «О Карле Марксе и Чарльзе Дарвине», в которой делался упор на якобы присущих дарвинизму недостатках, характерных для всей буржуазной науки. В их числе он отмечал «агностицизм, выражающий противоречия капитализма». Кольман уверял, что в настоящее время большинство ученых «не только отказываются от атеистических и вообще прогрессивных выводов из научных теорий, но изо всех сил стараются „научно" обосновать религию, „подтвердить" непротиворечивость веры и науки, поставить науку на службу расовой и национальной ненависти, сделать ее орудием капиталистического угнетения, бешеного роста вооружений и подготовки к войне». Среди ученых, причастных, по мнению Кольмана, к осуществлению этих человеконенавистнических планов, названы Эйнштейн, Планк, Эддингтон и другие крупнейшие мыслители и естествоиспытатели XX в. Фактически под знаменем борьбы за пролетарскую биологию уже начиналось противопоставление отечественной и западной науки, вылившееся в послевоенные годы в кампании против космополитизма. Пролетарский интернационализм уже явно заменялся патриотизмом и национализмом.

Десятки аналогичных статей были опубликованы в газетах «Комсомольская правда», «Ленинградская правда», «За коммунистическое просвещение», а также в подавляющем большинстве периферийных изданий. И там диалектизаторы биологии пичкали свои публикации политическими лозунга-

ми и бездоказательными утверждениями. Статьи, посвященные соотношению марксизма и дарвинизма, а также значению учения Дарвина для практики социалистического строительства, как правило, носили поверхностный характер, содержали неоправданные выпады против генетики, современного дарвинизма и всей зарубежной науки, были переполнены политическими лозунгами. Примером таких публикаций может служить статья, опубликованная коллективом авторов (П. П. Бондаренко, В. С. Брандгендлер, П. И. Валескалн, Б. П. Токин) «К пятидесятилетию со дня смерти Чарльза Дарвина».

Центральное место в статье занимает тезис о том, что классовая борьба вокруг проблем дарвинизма обострилась, приобретая «различные формы, начиная с оголтелого отрицания основ дарвинизма идеалистами и попами, кончая утонченными формами приспособления и использования слабых сторон дарвинизма в буржуазных целях» [136]. Далее следовал дежурный перечень зверств буржуазии — от «обезьяньих процессов» до линчевания негров. Исходя из тезиса об обострении классовой борьбы в СССР, авторы обрушиваются на сторонников неодарвинизма и классической генетики, которые якобы оторвались «от задач социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата». Их обвиняли даже в борьбе «с дарвинизмом в пользу реакционнейших „последних достижений биологии“ вейсманистского типа (Агол и др.)» [137]. «Неодарвинизм... — по их оценке, — основываясь на метафизических обобщениях данных генетики, возрождает средневековую мистику преформизма». Политизируя всю борьбу против генетики и неодарвинистов, авторы называют их лагерем «буржуазной биологии», придерживающейся антиисторической, антидарвиновской и метафизической концепции. Для дальнейшего же развития дарвинизма, по их мнению, прежде всего требовалось преодолеть «обусловленные буржуазной ограниченностью и уровнем биологической науки недостатки Дарвина и на основе теоретического наследства Маркса, Энгельса и Ленина поднять биологию на новую высоту, соответствующую великим задачам построения социалистического общества в СССР и пролетарской революции всего мира» [138]. И подобные призывы с удивительным однообразием повторялись в десятках, сотнях работ по философским проблемам дарвинизма.

Исключение составляет, пожалуй, только статья Н. И. Бухарина «Дарвинизм и марксизм», которая преследовала, по-видимому, цель защитить генетику и дарвинизм и продемон-

стрировать их практическое значение для социалистического хозяйства [139]. Бухарин доказывал, что основное содержание дарвинизма — учение о естественном отборе — выдержало проверку временем. Этому прежде всего способствовали достижения генетики, установившие, с одной стороны, независимость характера мутаций от будущих адаптаций, а с другой, влияние внешних факторов на мутагенез. Особое значение он придавал закону гомологических рядов изменчивости Н. И. Вавилова, позволяющему расположить в стройную систему большое разнообразие органических форм и вскрывающему закономерный характер изменчивости.

Бухарин подчеркивал, что именно генетические открытия подвели под учение о естественном отборе надежную экспериментальную базу. Благодаря генетике дарвинизм окончательно очистился от чуждого ему принципа наследования приобретенных признаков. Крупные генетические открытия Г. де Фриза, Г. Менделя, В. Иоганнсена, Т. Моргана, Н. И. Вавилова, по оценке Бухарина, должны «быть рассматриваемы как дальнейшее развитие дарвинизма» [140]. Этот вывод делался в те годы, когда менделизм-морганизм уже становился бранной кличкой. В статье Бухарина присутствовали и характерные черты философских работ того времени. Здесь и обвинения Дарвина в отрицании всяческой роли крупных изменений, и рассуждения о кризисе буржуазной науки.

Учение Дарвина Бухарин характеризовал как «*синтетическую теорию эволюции*» [141]. Тем самым за десять лет до выхода в свет книги Дж. Хаксли «Эволюция. Современный синтез», с которой до сих пор связывают происхождение названия современного дарвинизма, Бухарин уже использовал этот термин. В целом же Бухарин пытался показать практическое и теоретическое значение дарвинизма и генетики для социалистического строительства. Сходным образом писал и Н. И. Вавилов [142].

Особняком выглядит и брошюра И. И. Презента, изданная Институтом естествознания ЛОКА как тезисы к юбилейным докладам и лекциям [143]. Ее главный тезис заключался в утверждении, что создатель теории естественного отбора «стихийно стоит на материалистически-диалектической позиции» [144]. Брошюра отражает переход Презента от оценок дарвинизма и перспектив его развития, характерных для биологов-деборинцев, к идеям «творческого дарвинизма». Как и авторы других юбилейных статей, Презент клеймит буржуазию за стремление ревизировать дарвинизм и провозглашает пролетариат «*истинным наследником всего, что было*

7 Зак. 3008

лучшего у Дарвина» [145], но еще признает, что зарубежная наука и сейчас продолжает развиваться, обогащая новыми открытиями, концепциями и фактами теорию эволюции. Вместе с тем Презент будущее дарвинизма связывает с овладением законами изменчивости и наследственности, примером чего служат работы по яровизации и формообразованию у животных и растений и другие попытки планового преобразования природы (обводнение пустынь, отепление Сибири, управление дождями и т. д.). Впервые Презент именно Мичурину и Лысенко приписывает роль «борцов-передовиков по осуществлению соцплана по отношению к жизни животных и растений» [146].

Но были статьи иного характера. Многие биологи (А. А. Борисяк, С. Н. Боголюбский, Е. В. Вульф, А. Н. Северцов, Н. Г. Холодный и др.) серьезно анализировали общебиологическое значение теории Дарвина и ее роль в развитии различных отраслей биологии [147]. Это свидетельствовало, что оставалось немало биологов, не принявших стиль и язык руководителей «культурной революции». Явным становился ее крах в биологии.

4.5. Крах «союза» философии и биологии

Но не только в биологии ощущался крах «культурной революции». Последние месяцы доживала и сама Ассоциация естествознания Комакадемии. 31 марта 1932 г. на заседании Президиума Комакадемии был заслушан доклад ее руководителя Кольмана «О положении на фронте естествознания» [148]. Кольман указывал на отсутствие фундаментальных работ в области марксистского естествознания, на политическую беспечность авторов ассоциации, на незавершенность организационных структур, на пассивность периферийных научных центров. Особенно возмущало его положение в Ленинграде, где многие естественники, например В. И. Вернадский, Я. И. Френкель, открыто выступали против диалектического материализма. Кольман был вынужден признать, что марксистам-естественникам так и не удалось показать, в чем преимущество их научных работ над трудами, выполненными с других методологических позиций. Чисто научные результаты и достижения были идентичны и у марксистов, и у их идеологических противников, а у последних нередко более значимы.

Было решено начать очередную и, как вскоре выяснится, последнюю реорганизацию Ассоциации естествознания. В

ней оставалось только пять учреждений: Институт неорганических наук, Институт психоневрологии, Биологический институт им. К. А. Тимирязева, Институт истории естествознания и ИКП естествознания [149]. Другие учреждения или ликвидировались, или передавались соответствующим наркоматам. Так, Наркомпросу передавался Биологический музей и секция психотехники, Наркомздраву — секция медицины и т. д. Было решено выделить из Комакадемии марксистские общества с целью превращения их в общесоюзные общества по соответствующим отраслям знания.

«Культурная революция» доставила немало неприятностей биологам, попавшим под проработку. Многие были отстранены от преподавания и уволены с работы. Приход в некоторые институты малограмотных людей дестабилизировал ситуацию. Но главная цель создателей марксистских обществ и учреждений — привлечь большое число ученых в свои ряды и «расслоить специалистов» — провалилась. Часть биологического сообщества, чисто внешне усвоив новую терминологию, продолжала работать по-прежнему. Другие не боялись открыто выступать против диалектизации биологии, называя, по признанию Презента, его доклады и рассуждения демагогией и словоблудием [150]. Ученые начали осознавать, сколь опасно это занятие для самой науки. Как сообщалось на заседании Правления ОВМД, Б. М. Козо-Полянский заявил о своей приверженности механицизму, так как его альтернативой может быть только витализм [151]. Особенно резок был В. И. Вернадский, который предупреждал, что культивирование в философии лишь одного направления «...приведет в нем самом к замиранию творческой философской мысли, как это всегда происходит со всеми охраняемыми — официальными — философскими учениями» [152].

Это понимали и некоторые философы. Будущий председатель Ленинградского отделения ОВМД Г. С. Тымянский говорил еще до его создания, что само название оттолкнет естественников [153]. Так оно и произошло. И хотя формально в ОВМД числилось около 1000 человек, протоколы Президиума ОВМД переполнены жалобами на малую активность членов общества, на нежелание ученых участвовать в его мероприятиях. В ОВМД вступали преподаватели философии, аспиранты и студенты. Но даже студенты уклонялись от «критики преподавателей» и борьбы «с реакционной профессурой, упорно стоящей на идеалистических и эклектических теориях» [154]. В 1932 г. специальная комиссия не обнаружила каких-либо материалов о деятельности ОВМД в

АН СССР, хотя по отчетам здесь было пять ячеек этого общества [155]. Лекция о достижениях И. В. Мичурина читалась в клубе народов Востока, о дарвинизме в клубе ГПУ, а об условных рефлексах в Василеостровском клубе трудящихся и т. д. Докладчики, видимо, искали аудиторию, не понимавшую поднимаемые вопросы и неспособную возразить лектору. Характерно сообщение о лекции на заводе «Красный коммунар», где говорится, что лекция была хорошая, но на ней присутствовали только пропагандисты [156].

На заседании правления ОВМД признавалось: «Все наши усилия по охвату беспартийной профессуры не увенчались успехом» [157]. Представитель из Иваново-Вознесенска прямо заявил, что весь состав общества — это партактив, так как оно создавалось в порядке партийной дисциплины. «Если есть в районе работник философского фронта, то существует общество. Достаточно философу уехать — общество распалось. В разговоре с профессорами выясняется, что они боятся слова диалектика». Общими недостатками в работе всех местных отделений ОВМД назывались плохая постановка организационной работы, текучесть состава, неустойчивость местных ячеек и т. д. Как правило, его ячейки числились только на бумаге. Доклады носили слишком общий характер и не способствовали пропаганде диалектического материализма среди беспартийных. В вузах же ОВМД было придатком кафедр философии. Наконец в 1934 г. общество было ликвидировано.

Такая же участь постигла ВАРНИТСО в Ленинграде. Только с третьей попытки удалось создать комиссию, принявшую 170 человек [158]. Для города с 6 тысячами научных сотрудников и 13 тысячами инженерно-технических работников эта цифра была мизерна. Как жаловались руководители ЛО ВАРНИТСО, везде они сталкивались или с непониманием задач общества, или с открытой враждебностью. Можно было «услышать самые контрреволюционные слова и фразы. Не то, что люди шепчутся, а открыто издеваются над мероприятиями советской власти» [159].

Высококвалифицированные кадры не хотели участвовать в классовой организации и не понимали, что они должны «делать в ВАРНИТСО». В общество вовлекались преимущественно члены партии, а «их хватало только на одно—два заседания». По словам председателя конфликтно-приемной комиссии Мартынова, нередки случаи, когда от так называемых кандидатов в члены ВАРНИТСО нельзя было даже получить заявления о вступлении, в комиссию поступала только анкета, присланная из парторганизации [160]. Отмечалось, что общество хиреет, «многим и на третьем году существования ВАРНИТСО не ясны его задачи», «в ВАРНИТСО нет конкретного содержания работ», и сами руководители задают вопрос: «Что нам делать?» [161]

В АН СССР, для перестройки которой прежде всего и была задумана эта ассоциация, организационное собрание членов ВАРНИТСО состоялось только 10 декабря 1930 г., т. е. почти через три года после основания ВАРНИТСО в Москве. Ее сотрудников явно не воодушевляли призывы «действительно реорганизовать АН», «развернуть темпы в научной работе и подготовке кадров», «вооружиться марксистско-ленинской методологией», «бороться с бесплановостью и индивидуализмом», «переходить к коллективным формам труда», «бороться с реакционными специалистами», «проводить четкое классовое расслоение специалистов», «быть *приводящим* ремнем (курсив наш. — *Э. К.*) между беспартийными советскими специалистами и партией» [162].

Вначале в ВАРНИТСО вступило семнадцать человек, из них три академика. К 1 апреля 1931 г. насчитывалось уже тридцать девять человек, в том числе шесть академиков, четырнадцать научных работников. Через два месяца добавилось еще тридцать два члена, в том числе два академика и два члена-корреспондента [163]. Это был численный пик ВАРНИТСО. К концу года в ней, правда, числилось уже семьдесят четыре человека, но большая часть из них давно выбыла [164]. В то время в АН СССР было более полутора тысяч научных сотрудников. Таким образом, в ряды ВАРНИТСО удалось вовлечь только 5 процентов, отнюдь не самых авторитетных сотрудников АН. Да и те были пассивны. Только в тринадцати анкетах отмечено, что члены имеют какие-то нагрузки по линии ВАРНИТСО, а в сорока карточках нет никаких сведений, кроме фамилии, имени, отчества и места работы. Лишь в нескольких карточках есть отметки об уплате членских взносов [165].

Призывы Б. Г. Поташниковой «взять на проработку» какого-либо академика не воспринимались всерьез. Отбор в аспирантуру АН СССР, в отличие от ВАСХНИЛ, отраслевых научных учреждений и вузов продолжали вести на профессиональной основе. А аспиранты знали разницу между демагогическими декларациями и научными положениями и не собирались бороться со своими учителями. Не выполнялись и требования о классовом характере ВАРНИТСО. Так, в списке из сорока трех членов ВАРНИТСО на 15 мая

1931 г., где числилось шесть академиков (Н. Я. Марр, А. И. Самойлович, С. Ф. Ольденбург, А. А. Борисяк, А. С. Орлов, Б. А. Келлер), из крестьян по социальному происхождению было всего восемь человек, а из рабочих — шесть. Были здесь и бывшие члены партии кадетов и эсэров (Н. А. Буш, Г. У. Линдберг и др.).

Более успешно, чем ВАРНИТСО, «расслоение научных сотрудников» в АН СССР провели в 1929—1930 гг. комиссии Ю. П. Фигатнера и Я. Х. Петерса по «чистке» при помощи ОГПУ. В результате из двухсот шестидесяти девяти проверенных сотрудников аппарата АН СССР было уволено семьдесят девять человек, а всего из девятисот шестидесяти ее штатных сотрудников было уволено сто двадцать восемь человек, пятьсот двадцать из восьмисот тридцати сверхштатных [166]. Правда, ученых-естественников эти чистки практически не коснулись. Как считал Ф. Ф. Перченок, четыре пятых пострадавших — это гуманитарная интеллигенция. После деятельности компетентных органов членам ВАРНИТСО делать уже было нечего. Даже активисты-аспиранты уже в 1932 г. перестали являться на заседания Бюро коллектива ВАРНИТСО при АН СССР.

«Реорганизованная» в 1929 г. АН СССР пополнилась в основном коммунистами, специализировавшимися в общественных науках, которые быстро усваивали ведомственные интересы. Новые руководители АН СССР большевики В. П. Волгин (непременный секретарь) и Г. М. Кржижановский (вице-президент), с не меньшим рвением, чем их предшественники (С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман), пытались оградить ее от дальнейших «чисток» [167]. В записке, составленной в 1933 г. для РКИ, они уверяли, что АН «превратилась из оплота реакционных элементов научных работников страны в научное учреждение вполне советское». Они возражали против сокращения Биологической ассоциации АН СССР с шестисот семидесяти двух человек до ста пятидесяти четырех, так как это приведет к разрушению научных коллективов, выполнявших важные задания. Допускалось лишь сокращение отдельных сотрудников после тщательного изучения тематики их работ. Судя по материалам Ботанического института АН СССР (БИН) [168], при таком индивидуальном подходе под сокращение и лишение права проживания в Ленинграде попадали, в основном, дворники, сторожа, шоферы, столяры и т. д. и всякие общественники. Дирекция старалась сохранить научных сотрудников. Так, ученый секретарь БИНа Б. Н. Клопотов и красный академик Б. А. Келлер заступались за О. И. Кузеневу-Прохорову, которой было отказано в получении паспорта, так как ее муж был осужден в 1931 г. [169]. ЛОКА фактически не оказывала влияния на подготовку аспирантов в АН СССР, а их участие в ее деятельности «сплошь и рядом ограничивалось формальным представительством» [170]. Этим было недовольно московское руководство ОБМ, которое отмечало, что ее представитель в АН СССР Е. М. Пружанская явно заняла «патриотическую позицию по отношению к АН» [171].

Аналогичная картина складывалась и в других организациях. Формально в ОБМ числилось шестьсот пятьдесят членов, их них двести пятьдесят в Москве и пятьдесят в Ленинграде [172]. Но реально все выглядело иначе. Руководство Института естествознания ЛОКА обращалось даже в обком с просьбой обязать коммунистов-биологов вступать в ОБМ [173]. Но мобилизованные таким образом коммунисты, жаловался Презент, приходили в Институт естествознания и просили дать «поскорее заполнить все карточки на вступление в общества, не стремясь узнать их название» [174]. Самые «массовые» организации, например ОВМД, в Ленинграде насчитывали не более двухсот человек, да и те, видимо, были только на бумаге. Из анкет видно, что подавляющее большинство членов любого обществ чисто механически заполняли анкеты о вступлении или, скорее всего, даже не знали о своей причастности к нему [175]. Жалобы на замкнутость, на отсутствие массовой поддержки со стороны научной общественности, малую активность своих ячеек скоро стали лейтмотивом выступлений на бесчисленных президиумах, правлениях, бюро и собраниях обществ.

Отсутствие успехов в работе ленинградских учреждений и обществ не раз отмечалось и в решениях Президиума Ассоциации естественных наук, и Президиума ОБМ. Основным мотивом в постановлениях физиологического и биологического секторов Института естествознания стала критика их собственной деятельности. В плане работы на 1932 г. отмечалось, что «политическое и методологическое руководство физиологическими кадрами до сих пор находится в руках старых кадров», тогда как «политическая физиономия основных представителей ленинградской физиологии должна быть охарактеризована как классово-враждебная (Павлов, Орбели и др.). В методологическом отношении физиологические школы являются в основном механистическими. Значительная часть физиологов, составляющих квалифицированное ядро указанных школ, представляет собой политически нам чуждые настроения» [176].

В конце 1931 г. партийное бюро Института естествознания признало, что физиологи-коммунисты не участвовали в реконструкции физиологии, ограничиваясь лишь выступлениями по частным вопросам, и ничего не сделали для преодоления разногласий между отдельными физиологическими школами [177], сохранение которых признавалась пережитком анархической бесплановости буржуазной науки, недопустимой в условиях диктатуры пролетариата.

Сам Презент, которого нельзя было обвинить в либерализме, вызывал нарекания. По мнению ученого секретаря Института естествознания И. И. Розенблюма, его доклады «не дают представления о расстановке классовых сил на фронте биологии и не предлагают плана работ...» [178]. В январе 1932 г. партийное бюро института отмечало, что биосекция не взяла на себя инициативу по разоблачению враждебных школ в области биологии, не начала систематической работы по реконструкции АН СССР и ВАСХНИЛ. Презент обвинялся в срыве выпуска сборника против витализма, в провале выступлений диалектизаторов биологии на различных всесоюзных конференциях и совещаниях и т. д.

15 февраля 1932 г. Президиум ОБМ отмечал, что все конференции в Ленинграде проведены плохо [179]. Например, на Конференции по пищевой и кормовой микробиологии политические лозунги не отражали «задачи современного этапа социалистического строительства», в результате чего «конференция была политически беззубой, либеральной и не дала ничего реального для планирования НИР». Столь же резкие оценки вызвали и результаты Всесоюзной фаунистической конференции, где, по словам Е. И. Кирьяновой, были открыто враждебные выступления. Заявлялось (Ш. Д. Мошковский), что марксизм никакого отношения к гельминтологии не имеет, что надо осторожно вмешиваться в природу (Б. В. Властов, А. П. Семенов-Тян-Шанский и др.). Единственным ценным докладом на Конференции по физиологии растений было признано выступление Т. Д. Лысенко. За отсутствие боевитости критиковался доклад Б. А. Келлера о применении диалектического метода в ботанических исследованиях на Всесоюзной конференции по геоботанике и флористике. В итоге было решено указать ЛОКА на «грубые политические ошибки в организации и проведении конференций» и «политическую информацию о конференциях сообщить в Директорат Ассоциации естествознания, фракцию ВКП(б), Президиум ВАСХНИЛ и секретарю ячейки ВКП(б) ИКП».

Презент признавал, что многие ученые (В. И. Вернадский, В. Е. Тищенко, И. Н. Филипьев и др.) открыто насмехались над его докладами, называя их словоблудием, и уверяя, что структура их мозгов «не способна воспринимать диалектику» [180]. Профессор Тищенко на лекциях спрашивал, чем отличается мат от диамата. И под хохот студентов сам отвечал: «Матом занимаются только в торжественных случаях, а диаматом каждый день». Глухое сопротивление, жаловался Презент, оказывают даже биологи-коммунисты. Чисто внешне демонстрировали свое согласие с диалектическим материализмом К. М. Быков, А. А. Заварзин, В. Н. Любименко, В. Н. Сукачев и др. Используя диалектико-материалистическую фразеологию, они заявляли, что всегда были стихийными диалектиками. Оставаясь сторонником автогенеза и номогенеза, Заварзин даже сделал доклад о диалектике в гистологии.

На словах В. Н. Сукачев признавал ошибочным поиск аналогий между растительными группировками и обществом. Каялся он и в склонности к механицизму, якобы усвоенному им некритически из учений Г. Ф. Морозова о лесе и концепции Н. И. Бухарина о подвижном равновесии [181]. Однако тщательно подготавливаемый ОБМ диспут в Лесотехнической академии, где после доклада Сукачева предполагалось «дать решительный бой СУКАЧЕВУ» и развенчать его вместе с другими профессорами перед научной общественностью, правлением ОБМ 28 апреля 1931 г. был признан проваленным. Диалектизаторов биологии не поддержали даже члены партии. Проигравшие жаловались, что Сукачев, «прикрываясь марксистской фразеологией, продолжает протаскивать свои идеи» [182].

Нередко инициаторы дискуссии встречали отпор не только со стороны выбранных для проработки ученых, но и их коллег. Попытки Презента и другого диалектизатора биологии И. А. Вайсберга раскритиковать генетиков за созерцательное отношение к животному организму и их призывы овладеть «формообразованием животных так, как инженер владеет своими машинами», были отвергнуты, а критики обвинены в незнании основ генетики [183]. Неудачей для Презента закончился и диспут в Институте рыбного хозяйства, где в защиту критикуемых В. А. Догеля и Л. С. Берга выступил лидер ленинградских ихтиологов, член Ученого совета при Научно-исследовательском секторе Наркомснаба, академик Н. М. Книпович [184], которого власти в те годы стали превращать в отца-основателя советской гидробиологии. Тем не менее он отметил односторонность нападок

Презента и непонимание им значения критикуемых работ. По словам члена ОБМ почвоведа В. А. Ковды, Вернадский публично говорил, что «географическая и минералогическая наука в Советском Союзе деградирует быстрыми темпами. Наибольшей деградации она достигла в Московском горном институте, где малограмотные студенты и научные работники-недоучки расхищают коллекции, библиотеку и т. д.» [185]. Особенно Ковду возмущало, что это «открыто погромная, черносотенная вылазка» не встретила никакого отпора со стороны присутствовавших. Не только Вернадский, но и АН СССР в целом старалась воспрепятствовать разграблению научных коллекций и требовала, чтобы без ее ведома не проводились палеонтологические и археологические раскопки, а также сборы коллекций минералов, предназначаемых для экспорта [186].

Даже молодые члены ОБМ пытались парировать беспричинные нападки на крупных ученых. Коммунист С. В. Солдатенков, которому поручили раскритиковать физиологов Н. А. Максимова и С. П. Костычева, выступил в их защиту. Оправдывал он и гидробиолога К. М. Дерюгина, не желавшего при приеме аспирантов учитывать партийность поступавших. Практически каждое выступление Презента встречало возражение, резкую критику, а нередко и обвинения в невежестве и в диалектическом словоблудии.

Пожалуй, только выступление против профессора Педагогического института, методиста Б. Е. Райкова, арестованного ОГПУ, осталось безответным. Но, вопреки распространенной в литературе версии, главную роль в травле и последующем аресте Райкова сыграл не Презент, а А. Ф. Бенкен и Б. В. Всесвятовский [187], поощряемые конкурентами Райкова из Главного ученого совета Наркомпроса. Уже после ареста Райкова состоялась конференция педагогов-естественников, посвященная борьбе с «райковщиной», на которой выступил и Презент с погромной речью «Классовая борьба и естествознание». Именно его доклад был рекомендован к публикации как образец «классовой борьбы в казалось бы в столь отдаленной от непосредственной борьбы классов теории и методики преподавания» [188]. В этом докладе Презент представил разногласия в области методики преподавания биологии как столкновение «двух миров» на «фронте борьбы идеологий» и призвал завершить начатую карательными органами борьбу с «вредительством» в методике преподавания окончательным искоренением «райковщины» [189].

Бригады Презента все чаще приходили в учреждения уже после поголовных арестов всех сотрудников (например, на биологических станциях Волжской, Тихоокеанской, Мурманской и др.), и проверяющим оставалось лишь выяснить официальную версию происшедшего [190]. Правда, об истинных мотивах этих арестов стало известно лишь в последние годы [191]. В итоге Презента и его сотрудников обвиняли в запаздывании в разоблачении вредителей в биологии.

К весне 1932 г. стала очевидной неудача поставить под контроль биологическое сообщество при помощи массовых марксистских организаций. Крах этой кавалерийской атаки обусловлен и отсутствием варианта «советской биологии», с позиций которой можно было бы регламентировать исследования. Наспех подготовленные аспиранты не могли серьезно критиковать крупных биологов, а борьбу с ними с большим успехом осуществляли специальные комиссии по «чистке» АН СССР, ВАСХНИЛ, университетов и т. д. и особенно ОГПУ, арестовывавшие и ссылавшие неугодных (М. С. Алексин, Е. И. Балкашина, Ю. М. Вермель, Г. А. Клюге, Б. С. Кузин, Н. Н. Кулешов, Г. А. Левитский, Р. Г. Лейбсон, Н. А. Максимов, В. Е. Писарев, М. Г. Попов, Б. Е. Райков, П. Ф. Рокицкий, Д. Д. Ромашов, Н. П. Танайсичук, С. С. Четвериков, В. П. Эфроимсон и др.). Некоторые из них уже не вернулись к научной работе.

4.6. Конец «культурной революции» и начало альянса Презента и Лысенко

Провал «культурной революции» был очевиден и лидерам партии. В речи Сталина, опубликованной 23 июня 1931 г. в газете «Вечерняя Москва», предлагалось прекратить травлю старой интеллигенции. В ноябре этого же года появляется сталинское письмо в журнал «Пролетарская революция» (1931, № 6), означавшее начало чистки уже среди коммунистической интеллигенции и ликвидацию пролетарских организаций. Выдвинутые Сталиным «шесть условий» положили конец форсированному проведению «культурной революции». На смену «великому перелому» пришел «the great retreat» [192], одним из проявлений которого стало широкое привлечение «буржуазных» специалистов к социалистическому строительству.

Надвигавшиеся перемены уловил Презент. «Культурная революция» не удовлетворила его притязаний на роль вождя пролетарской биологии. Это побуждало искать покровителя,

популярного среди партийного руководства, от имени которого можно было бы создать некую теоретическую базу для новых усилий по «диалектизации» биологии. Презент знал, что такого нет в Ленинграде, да и никто из местных ученых не стал бы с ним сотрудничать.

К этому времени был уже создан миф о Т. Д. Лысенко как талантливом агрономе, ищущем нетрадиционные пути повышения урожайности зерновых. Его фамилия все чаще появляется в выступлениях Презента в качестве примера успешного овладения формообразованием растений в интересах социалистического строительства.

Вопреки существовавшим в литературе версиям начало их альянса датируется 11 февраля 1932 г. В этот день, воспользовавшись участием Лысенко в конференции по физиологии растений, на заседании актива ОБМ в присутствии Лысенко обсуждаются методологические установки его работ [193]. В плане работ ОБМ на 1932 г., составленном 23 марта, появляется бригада под руководством П. С. Беликова для разработки «методологических основ проблемы управления физиологией развития растений (яровизация)». Предполагается также руководство комплексными работами по проблемам яровизации в ленинградских учреждениях (Петергофский биологический институт, физиологические лаборатории ВИРа). Планировалась и совместная летняя работа.

В апреле Презент составляет докладную записку в дирекцию Института естествознания ЛОКА, в которой обосновывает необходимость поездки с группой аспирантов и сотрудников биосектора к Т. Д. Лысенко в Генетико-селекционный институт в Одессе, в заповедник Аскания-Нова и к И. В. Мичурину [194]. Цель командировки — овладеть экспериментальным методом преобразования организмов и подготовить сборник о новых методах биологического экспериментирования. Официальный запрос с удовольствием воспринимается Лысенко. Из его письма от 22 мая 1932 г. к Презенту можно понять, что Лысенко еще плохо знаком со своей будущей «правой рукой». Он даже не знает его отчества, именуя «Исаем Исаевичем» [195]. Лысенко считал приезд бригады Комакадемии «крайне желательным, особенно Ваш (Презента. — *Э. К.*) приезд, если не на весь срок пребывания бригады в Институте, то хотя бы на месяц».

Взаимная готовность к сотрудничеству дала быстрые плоды. Из письма Лысенко к Презенту от 6 ноября 1932 г. видно, что они уже приступили к написанию совместных работ [196]. Лысенко просит Презента доработать статью и считать ее «результатом работы бригады Комакадемии». Так

началось многолетнее сотрудничество Презента с Лысенко, итоги которого оказались столь пагубными для отечественной биологии, что не раз становились предметом отечественных и зарубежных исследований.

Летом 1932 г. началась ликвидация марксистских учреждений и обществ, возникших в период «культурной революции». Ученым комитетом по заведованию учеными и учебными заведениями при ЦИК СССР, в ведении которого находилась Комакадемия, было решено выделить из ее состава ряд институтов гуманитарного профиля. Тогда же на заседании Президиума Комакадемии была заслушана информация нового ее руководителя М. А. Савельева о ликвидации Института естествознания и техники. Вскоре последовала ликвидация всей Ассоциации естествознания.

К возвращению Презента из вояжа к Лысенко 11 июля 1932 г. на совместном заседании Президиума и Секретариата ЛОКА [197] было сообщено о решении ликвидировать Институт естествознания и о снятии слова «марксистов» из названия ОБМ, чтобы сделать его более доступным для биологов. Фактически в Ленинграде ОБМ прекратило существовать. Презент перестал быть членом Президиума ОВМД. В 1934 г. его выгоняют из университета, и он уезжает к Лысенко в Одессу. Его ученики из Института естествознания были переданы в биологические учреждения АН СССР и ВАСХНИЛ, их дальнейшая судьба зависела от прочности позиций традиционных научных школ, куда они попали. Наиболее разрушительной их деятельность была в ВИРе у Н. И. Вавилова.

Ликвидация учреждений «культурной революции» растянулась на несколько лет. В 1932 г. из состава Комакадемии вновь выделяется ИКП, насчитывавший к тому времени около трех тысяч аспирантов. Вскоре перестали выходить журналы «За марксистско-ленинское естествознание» и «Проблемы марксизма», бывшие главными печатными органами по диалектизации биологии на этом этапе «культурной революции». Для решения судьбы журнала «Проблемы марксизма» оказалось достаточной одной фразы Сталина: «Здесь нет ни проблем, ни марксизма». Эта очередная реорганизация оценивалась руководством ЛОКА как фактор «дальнейшего развития и улучшения ее работы, повышения квалификации научных работников, изживания обезличивания в научной работе и увеличения научной продукции» [198]. Утверждалось, что коллектив Комакадемии «очистил свои собственные ряды от всякого рода оппортунистов и вырастил кадры идеологически стойких научных работников». В

сентябре состоялась передача имущества ликвидированного Института Комакадемии [199]. Ликвидирована была и Ассоциация естествознания, что объяснялось улучшением дела с марксистскими кадрами в естественных науках и созданием большой «сети естественнонаучных учреждений, теснейшим образом связанной с практикой социалистического строительства, имеющей огромную экспериментальную базу, что как раз и не было у Ассоциации естествознания» [200]. Из всех ее учреждений к сентябрю в Комакадемии остался только кабинет естествознания, да и тот был включен в состав общей библиотеки Комакадемии [201].

В ближайшие годы прекратили свое существование ОВМД и ВАРНИТСО. Комакадемия была ликвидирована в 1936 г., а в 1937 г. закрылось ИКП, в начале 1938-го — Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. Исчезли все центры по диалектизации биологии.

Критика современной биологии, предпринятая в годы «культурной революции», нуждалась в каком-то обосновании. Им не мог стать механоламаркизм, признанный несовместимым с диалектическим материализмом. Его сторонники, участники дискуссий 20-х гг., как правило, не участвовали в спорах, вспыхнувших вновь вокруг проблемы наследования приобретенных признаков. Сама проблема быстро стала борьбой за «советский, творческий дарвинизм», основой которого был гальванизированный жоффруизм и натурфилософия додарвиновского времени. Его соавторами стали Лысенко и Презент.

Социальными корнями его возникновения было исключительно тяжелое положение в нашей стране, сложившееся в результате «великого перелома». Насильственная коллективизация крестьянства привела к острой нехватке продуктов питания и гибели миллионов людей от голода. Выход усматривался в скорейшем получении высокоурожайных сортов растений и продуктивных пород животных, в нахождении каких-то чудодейственных агрономических приемов. В этих условиях на веру воспринимались широко разрекламированные обещания Т. Д. Лысенко и И. И. Презента о выведении новых сортов пшениц, превращении яровых сортов в озимые, «расшатывании консервативной наследственности» и т. д. Газеты и журналы популяризовали построения Лысенко как некую передовую советскую науку. В 1935 г. его «борьба за яровизацию» получила публичную поддержку И. В. Сталина на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Вождя не устраивали обещания генетиков, селекционеров, агрономов, почвоведов, реализация которых требовала много лет. В условиях становления идеологии патриотизма раздражали его и апелляции к мировой науке, воспринимаемые как доказательство изначальной ошибочности столь милого его сердцу «творческого дарвинизма».

Приверженцами Лысенко стали прежде всего те, кто в годы «культурной революции» приобщились к науке. Большинство из них не обладали знаниями для самостоятельных суждений о научных проблемах и слепо шли за официально поддерживаемым Лысенко. Не последнюю роль играли здесь карьеристские соображения. К нему на первых порах примкнула и часть животноводов и растениеводов, где, как и среди зоологов и ботаников, оставались сторонники наследования приобретенных признаков. Наконец, некоторые механицисты в поддержке Лысенко увидели шанс реванша за поражение в 20-е гг.

Ученые, имевшие опыт селекционной работы, и авторы всемирно известных сортов культурных растений и пород животных выступили против Лысенко [202]. Но «философы» оценивали его взгляды как передовые. По словам А. А. Любищева, в работах по философским вопросам биологии в те годы было много напутано «и за материализм выдано то, что не является ни материализмом, ни идеализмом, а является сплошным невежеством в философии и полным шарлатанством в науке» [203]. О резком падении интереса к философским вопросам биологии свидетельствует и тот факт, что с 1933 г. на страницах журнала «Под знаменем марксизма» ежегодно появляется всего две — три работы. Чаще всего в них разбирались какие-то специальные проблемы биологии. Из участников дискуссий страницы журнала предоставлялись лишь сторонникам Лысенко.

Среди пострадавших в репрессиях 30-х гг. оказалось немало диалектизаторов биологии в 20—30-е гг. За исключением П. Н. Овчинникова и И. И. Презента, погибли все главные диалектизаторы естествознания в Ленинграде (И. А. Вайсберг, Н. А. Гредескул, П. Ф. Куразов, Л. А. Лейферт, Н. Н. Никитин, П. В. Серебровский, Г. С. Тымянский, Я. М. Урановский, Р. Э. Яксон и др.). Такая же картина была по всей стране. Вскоре за ними были уничтожены первоклассные биологи, лояльные к властям и бывшие активными организаторами советской науки. Достаточно назвать Н. И. Вавилова, Г. К. Мейстера, Г. А. Надсона, В. В. Станчинского. Кровью заплатили за свое участие в диалектизации биологии талантливые ученые-партийцы, последователи А. М. Деборина в философских проблемах биологии (И. И. Агол, М. Л. Левин, С. Г. Левит, В. Н. Слепков и др.). В лагерях и

тюрьмах побывали В. Л. Меркулов, Б. Б. Полынов, Ю. Шаксель. Список философов и биологов-марксистов, пострадавших в репрессиях 30-х гг., огромен. К сожалению, в публикациях обычно называются одни и те же немногие фамилии, что не дает возможности представить подлинные масштабы ущерба, нанесенного сталинским террором в биологии. Их места в вузах и отраслевых институтах нередко занимали выдвиженцы «культурной революции», в том числе и подготовленные Презентом.

Самому Презенту удалось вновь вовремя покинуть тонущий корабль и найти нового покровителя, с которым он и осуществил план диалектизации биологии. Агробиология, созданная Презентом с Лысенко, была представлена руководителям партии как подлинно пролетарская наука, изначально построенная на принципах диалектического материализма и поэтому способная стать орудием для осуществления самых грандиозных планов в сельском хозяйстве. В конечном счете им удалось убедить дряхлеющего И. В. Сталина, что только сокрушение всех других конкурирующих течений и направлений и ограждение агробиологии от критики может обеспечить ее использование на полную мощь. Это произошло на августовской сессии ВАСХНИЛ. Но эти события находятся уже за рамками данной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Fitzpatrick Sh.* (ed.) Cultural Revolution in Russia, 1928—1931. Bloomington, 1984; *idem*. Power and Culture Front in Revolutionary Russia. Ithaca; London, 1992.
2. *Перченок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья (исторический альманах). Вып. 1. 1991. С. 163—235; *он же*. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: Репрессированные ученые АН СССР. М., 1995. С. 201—235.
3. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 58. Л. 21.
4. Культурное строительство СССР в цифрах (1930—1934 гг.). М., 1935. С. 45.
5. Архив РАН. Ф. 350. Д. 51. Л. 202.
6. *Шмидт О.* Проблема научных кадров // ВКА. 1930. № 37—38. С. 15—23.
7. Известия. 1927. 17 апр. С. 5.
8. Первая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений (22—25 марта 1928). Стенографический отчет // ВКА. 1928. № 24. С. 252—253.
9. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 174. Л. 1—62.

10. *Тугаринов И. А.* ВАРНИТСО и Академия наук СССР (1927—1937 гг.) // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 46—55.
11. ПФА РАН. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
12. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.
13. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 258. Л. 9—18; Д. 271. Л. 5, 34—34 об.
14. Архив РАН. Ф. 350. Д. 263. Л. 1—28.
15. Там же. Л. 4.
16. Там же. Л. 8.
17. Там же. Д. 258. Л. 19—19 об.
18. *Торбек Г.* Деятельность Коммунистической академии // ВКА. 1929. № 33. С. 270.
19. Современные проблемы философии марксизма. М., 1930. С. 197.
20. Там же. С. 198.
21. Там же. С. 21.
22. Там же. С. 197
23. Там же. С. 107.
24. Задачи марксистов в области естествознания. М., 1929. С. 8.
25. Архив РАН. Ф. 350. Д. 249. Л. 31.
26. Там же. Д. 252. Л. 1—198.
27. Задачи марксистов в области естествознания. М., 1929. С. 105.
28. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 311. Л. 164.
29. Постановление ЦК ВКП(б) о мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений // ВКА. 1929. № 33. С. 283.
30. Положение (Устав) о Коммунистической академии при ЦИК Союза ССР // ВКА. 1927. № 19. С. 296.
31. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 240. Л. 15—16, 78, 85, 89, 111, 115, 119.
32. Там же. Д. 311. Л. 151 об.
33. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 44. Л. 40—41.
34. Там же. Л. 1.
35. Там же. Д. 46. Л. 97.
36. Там же. Д. 44. Л. 257, 298.
37. Архив РАН. Ф. 350. Д. 468. Л. 41, 44.
38. Там же. Д. 336. Л. 20.
39. Вечерняя Москва. 1929. 17 янв.
40. Ленинградская правда. 1929. 12 янв.
41. *Серебровский А. С.* Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // Медико-биол. ин-т. М., 1929. № 1. С. 3—19.
42. *Лайус Ю.* Ученые, промышленники и рыбаки // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 64—81; *она же*. «Сельдяная проблема Баренцова моря»: Взаимоотношения науки, практики и политики // На переломе. Вып. 1. 1997. С. 171—205.
43. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 285. Л. 1—3.

44. *Козлова Л. А.* Институт красной профессуры // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96—107.
45. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 44. Л. 104.
46. *Викула.* О работе украинского института марксизма // ВКА. 1929. № 32. С. 232—233; *Вольфсон С.* Научная работа марксистов в Белоруссии // Там же. С. 285—290; *Гидревский К.* Среднеазиатская ассоциация научно-исследовательских учреждений (САНИУ) // ВКА. 1930. № 42. С. 148—156; и др.
47. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 305. Л. 106—111.
48. Об итогах и новых задачах на философском фронте // ПЗМ. 1930. № 4. С. 6.
49. *Яхот И.* Подавление философии в СССР: 20—30-е годы. New York, 1981.
50. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 352. Л. 60—61.
51. Разногласия на философском фронте. М.; Л., 1931.
52. *Митин М. Б.* Некоторые итоги на философском фронте // ПЗМ. 1936. № 1. С. 25.
53. Современные задачи марксистско-ленинской философии: Резолюция Президиума Коммунистической Академии по докладам тт. Милютина и Деборина «О разногласиях на философском фронте», принятой 11 января 1931 // ВКА. 1931. № 1. С. 20.
54. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 313. Л. 197—225; Д. 410. Л. 1—57.
55. Там же. Д. 413. Л. 2—3.
56. О положении на фронте естествознания: Резолюция Президиума Коммунистической Академии совместно с Ассоциацией естествознания и естественным отделением ИКПФиЕ по докладу О. Шмидта и содокладу А. Максимова «О положении на фронте естествознания» // ВКА. 1931. № 1. С. 26.
57. Там же. С. 19.
58. Там же. С. 24.
59. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 435. Л. 50.
60. План научно-исследовательской работы Институтов на 1932 г.: Сокращ. стеногр. заседания Президиума от 14 февраля 1932 г. // ВКА. 1932. № 1. С. 17—39.
61. *Кольман Э.* Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 71—81.
62. О журнале «Под знаменем марксизма»: Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. // Справочник партийного работника. М., 1934. № 8. С. 340; О работе Комакадемии: Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. // Там же. С. 340—342.
63. За партийность в философии и естествознании // ЕиМ. М., 1930. № 2—3. С. III—VI; *Вайсберг И.* Борьба на два фронта по коренным проблемам дарвинизма // Проблемы марксизма. 1932. № 4—5. С. 145—174.
64. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 471. Л. 4—4 об.
65. Там же.

66. *Мицкевич М., Токин Б.* Эволюционную науку на службу соцстроительства // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм. М., 1932. С. 127.
67. Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии. М.; Л., 1931. С. 4.
68. *Подъяпольский Н. Н.* Индустриализация сельского хозяйства и очередные задачи охраны природы // Охрана природы. 1930. № 1. С. 49—50.
69. Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии. М.; Л., 1931. С. 47.
70. Там же. С. 83—84.
71. Там же. С. 89.
72. Там же. С. 92—93.
73. Там же. С. 93.
74. *Бубликов М. А.* Борьба за существование и общественность. М., 1926.
75. *Овчинников П. Н.* Социологическая ботаника // Записки НОМ. 1928. № 2 (10). С. 147—155; *Бугаев И. И.* Фитосоциология или фитоценология // ЕиМ. 1929. № 1. С. 76—92.
76. *Кирьянова Е. И.* Всесоюзная фаунистическая конференция // Природа. 1932. № 5. С. 453—458; Труды Всесоюзной фаунистической конференции Зоологического института. Секция гидробиологическая. Л., 1934; Основные установки и пути развития советской экологии // Советская ботаника. 1934. № 3. С. 3—68; Что такое фитоценоз? // Советская ботаника. 1934. № 5. С. 3—59; Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М., 1935; и др.
77. *Рейх В.* Психоанализ как естественнонаучная дисциплина // ВКА. 1929. № 35—36. С. 345—346.
78. *Проппер Н. И.* Рефлексологическое направление в физиологии // За марксистско-ленинское естествознание. М., 1932. № 3—4. С. 17—37.
79. *Баткис Г. А.* Евгеника // БСЭ. Т. 23. 1931. С. 812—819; *Кольман Э. Я.* Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // ПЗМ. 1936. № 11. С. 64—72; *Бах А. Н., Келлер Б. А., Коштоянц Х. С.* и др. Лжеученым не место в Академии наук // Правда. 1939. 11 янв.; *Иоганзен Б. Г., Логачев Е. Д.* Основная дискуссионная проблема XX века. Кемерово, 1987.
80. *Агол И. И.* Задачи марксистов-ленинцев в биологии // ПЗМ. 1930. № 5. С. 95.
81. *Деборин А. М.* Проблема времени в освещении акад. Вернадского // Изв. АН СССР. Сер. 7. 1932. № 4. С. 543—569; *он же.* Критические замечания на критические замечания акад. В. И. Вернадского // Изв. АН СССР. Сер. 7. 1933. № 3. С. 409—419; *Новогрудский Д. И.* Геохимия и витализм // ПЗМ. 1931. № 7—8. С. 168—203.
82. *Вернадский В. И.* По поводу критических замечаний академика А. М. Деборина // Изв. АН СССР. Сер. ОМЕН. 1933. № 3. С. 406.
83. *Яффе Г. Ю.* Философские основы неодарвинизма // ПЗМ. 1932. № 7—8. С. 196.
84. Там же. С. 221, 236.

85. Там же. С. 237.
86. *Вайсберг И. А.* Теория выпадения гена: Против механистической генетики // Проблема марксизма. 1931. № 2. С. 103—122; *он же.* Проблема гена и проблема индукции: Против механистической генетики // Там же. 1931. № 4. С. 154—172.
87. Вечерняя Москва. 1929. 17 янв.
88. ПФА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.
89. ПФА РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 24.
90. *Лайус Ю. А.* «Сельдяная проблема Баренцова моря»: Взаимоотношения науки, практики и политики // На переломе. Вып. 1. СПб., 1997. С. 171—199.
91. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—72; Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2; Д. 3. Л. 1—5; Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии. М.; Л., 1931. С. 92—103.
92. *Гайсинович А. Е., Музрукова Е. Б.* «Учение» О. Б. Лепешинской о «живом веществе» // Репрессированная наука. Т. 1. Л., 1991. С. 71—90.
93. ПФА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—72.
94. Архив РАН. Ф. 1588. Д. 103. Л. 1.
95. Там же. Д. 91. Л. 17; Д. 92. Л. 23—29.
96. Там же. Ф. 1593. Д. 142. Л. 1—1 об.
97. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 119.
98. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12. Л. 48.
99. Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.
100. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
101. Там же. Л. 8.
102. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.
103. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
104. Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.
105. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
106. Там же. Л. 35.
107. Там же. Д. 35. Л. 101—134.
108. *Презент И. И.* Классовая борьба на естественно-научном фронте. Обработанная стенограмма лекции на конференции педагогов-естественников. Л., 1932. С. 2—3.
109. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
110. Личное сообщение Д. В. Лебедева.
111. *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1973. С. 159.
112. *Презент И. И.* Учение Ленина о кризисе естествознания и кризис буржуазной биологической науки / Под ред. В. Н. Ральцевича. Материализм и эмпириокритицизм В. И. Ленина. Л., 1935. С. 245; *он же.* Классовая борьба на естественно-научном фронте. Обработанная стенограмма лекции на конференции педагогов-естественников. Л., 1932. С. 70.
113. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 40. Л. 1—35.
114. Там же. Ф. 240. Д. 5. Л. 5—6; Д. 4. Л. 16; Д. 16. Л. 1—43.

115. *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4. С. 9.
116. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
117. Там же. Д. 24. Л. 3.
118. Там же. Д. 29. Л. 23.
119. Там же. Ф. 4. Оп. 28. Д. 33. Л. 90.
120. Там же. Д. 33. Л. 1—9.
121. Там же. Ф. 225. Оп. 5. Д. 4. Л. 2.
122. *Колчинский Э. И.* Запоздалое признание // Нева. 1993. № 12. С. 226.
123. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56—58.
124. Там же. Л. 57.
125. Там же. Л. 58.
126. *Квятковский К.* «Научные болота» // ВАРНИТСО. 1931. № 3. С. 53—56.
127. *Сепп Е. К.* Необходимо реорганизовать научные общества // ВАРНИТСО. 1930. № 1 (2). С. 20.
128. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
129. Там же. Л. 39.
130. Там же. Д. 35. Л. 97.
131. Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.
132. ВКА. 1932. № 4—5. С. 119—120.
133. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 600. Л. 1—53.
134. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 22.
135. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 633. Л. 1—41.
136. *Бондаренко П. П., Брандгендлер В. С., Валескалн П. И., Токин Б. П.* К пятидесятилетию со дня смерти Чарльза Дарвина // За марксистско-ленинское естествознание. 1932. № 2. С. 16—18.
137. Там же. С. 18.
138. Там же.
139. *Бухарин Н. И.* Дарвинизм и марксизм // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм. М., 1932. С. 34—61.
140. Там же. С. 46.
141. Там же. С. 47.
142. *Вавилов Н. И.* Роль Дарвина в развитии биологических наук // Природа. 1932. № 6—7. С. 511—526.
143. *Презент И. И.* Теория Дарвина в свете диалектического материализма: Тезисы к пятидесятилетию со дня смерти Ч. Дарвина 19 апр. 1932 г. Л., 1932.
144. Там же. С. 7.
145. Там же. С. 20.
146. Там же. С. 18.
147. *Борисяк А. А.* Ч. Дарвин и геологическая летопись // Природа. 1932. № 6—7. С. 527—540; *Боголюбский С. Н.* Дарвин и эволюция домашних животных // Природа. 1932. № 6—7. С. 563—588; *Вишневский Б. Н.* Дарвин и вопросы антропогенеза // Природа. 1932. № 6—7. С. 589—

618; *Вульф Е. В.* Дарвин и ботаническая география // Природа. 1932. № 6—7. С. 545—559.
148. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 600. Л. 1—53.
149. Там же. Д. 590. Л. 44.
150. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 101—134.
151. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
152. *Вернадский В. И.* Записки о выборе члена Академии по отделу философских наук // Коммунист. 1988. № 18. С. 73.
153. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 32. Л. 24.
154. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.
155. Там же. Д. 32а. Л. 191.
156. Там же. С. 102.
157. Там же. Л. 14.
158. Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 2а. Л. 15.
159. Там же. Л. 22.
160. Там же. Л. 20.
161. Там же. Л. 30.
162. Там же. Д. 1. Л. 13
163. Там же. Д. 6. Л. 1—2.
164. Там же. Д. 7. Л. 61.
165. Там же. Д. 19.
166. *Перченок Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 212—214.
167. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 28. Д. 46. Л. 108—116.
168. Там же. Д. 27. Л. 75.
169. Там же. Л. 71—72.
170. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.
171. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
172. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 654. Л. 115.
173. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 7. Л. 16; Ф. 240. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.
174. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 110.
175. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 44; Ф. 245. Оп. 1. Д. 19.
176. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
177. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
178. Там же. Л. 36.
179. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
180. Там же. Д. 35. Л. 101—134.
181. Там же. Д. 31. Л. 119; Д. 37. Л. 61.
182. Там же. Д. 5. Л. 26.
183. Там же. Д. 35. Л. 1—53.
184. Там же. Д. 5. Л. 2 об.
185. Там же. Д. 35. Л. 128.
186. Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 384. Л. 24.
187. ПФА РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 24. Л. 46.

188. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.
189. *Презент И.* Классовая борьба на естественно-научном фронте: Обработанная стенограмма лекции на конференции педагогов-естественников. Л., 1932. С. 62, 63, 71; и др.
190. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 42—44.
191. *Танайсичук В. С.* Аресты на Мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб., 1994. С. 306—318.
192. *Tamasheff N. S.* The Great Retreat: the Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1948.
193. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—5.
194. Там же. Ф. 232. Оп 1. Д. 24. Л. 7—12.
195. Там же. Л. 240. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
196. Архив РАН. Ф. 1593. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.
197. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 59. Л. 80.
198. Там же. Д. 14. Л. 75—76.
199. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 760. Л. 1—9.
200. К итогам работы Комакадемии за первую пятилетку // ВКА. 1933. № 6. С. 100.
201. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 740. Л. 40.
202. В эти годы генетики и селекционеры не были поддержаны биологами других специальностей. Как сказал автору В. Я. Александров, активный борец с лысенковщиной в 50-е гг., «тогда пожар был у соседей. Мы им сочувствовали, но не помогали». Только после войны для всех стало ясно, что Лысенко губит не только генетику, но и всю отечественную биологию.
203. *Любищев А. А.* Мысли о многом. 1957. С. 55 (Рукопись).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разыгравшиеся в 1929—начале 1932 г. события оказали решающее влияние на последующее развитие биологии в нашей стране. Под идеологический контроль были поставлены все биологические учреждения. Заграничные поездки и свободное общение с иностранцами практически были запрещены на десятилетия. Известных биологов отстраняли от преподавания, арестовывали и ссылали. Отмеченный Сталиным «массовый поход революционной молодежи на науку» позволил взрастить генерацию, постоянно готовую к поискам «врагов» социализма. Целые области биологии, пограничные с социальными и медицинскими науками, были разгромлены. Ни о каком «союзе» философии и биологии не могло быть и речи. Воспитанные идеологами «культурной революции» философы не знали и не хотели знать современную науку, а философский анализ заменяли цитатами из сочинений И. В. Сталина и партийных документов.

Вместе с тем основные цели партийной политики в области биологии не были реализованы. Не удалось, хотя бы в грубой форме, очертить контуры «пролетарской» биологии, сравнимой в теоретических и практических аспектах с расовой гигиеной и антропологией в нацистской Германии. Не было здесь контролируемых партией массовых движений, сравнимых с движением гигиенистов и евгеников в нацистской Германии. Еще не были созданы марксистские учебники по биологии.

В тоталитарных условиях ученые к идеологическим аргументам прибегали по одним и тем же соображениям: одни — желая ускорить карьеру, другие — убрать конкурента, третьи — в порядке самообороны. Были и искренне верившие в плодотворность марксизма для биологии. Но частая смена кампаний и лозунгов убеждала в ненадежности карьеры, построенной на лояльности. Особенно уязвимыми оказались те, кто активно участвовал в пропаганде официальной идеологии. В массовых репрессиях 30-х гг. пострадали, в первую очередь, диалектизаторы биологии, среди которых наиболее сильна была конкуренция за покровительство властей.

Если в Германии достаточно четок был круг лиц, не принадлежащих к арийской биологии и подлежащих увольнению или аресту как ее противники, то при сталинском режиме никому не были гарантированы успех или гибель. Заклейменные за идеализм еще в 20-е гг. Л. С. Берг, А. Г. Гурвич, А. А. Любищев, Д. Н. Соболев избежали ареста, а двое из них даже были удостоены Сталинской премии. «Колебание» вместе с линией партии не обеспечивало выживания. Активные проводники очередной партийной линии первыми гибли при ее смене. Диалектизаторы пострадали от репрессий, а постоянный их критик В. И. Вернадский до конца дней был обласкан властями. И здесь не убедителен довод, что власти должны были считаться с международным авторитетом ученого. Известна судьба Н. И. Вавилова, чья популярность за границей была не меньше, чем Вернадского. Вавилова не спасли заявления о приверженности марксизму. Здесь не было торжества злодейства, как и не было некоей победы добра над злом. Шел непрерывный процесс крушения все новых и новых групп биологов и философов, где недавние победители вскоре сами становились гонимыми, подвергаясь зачастую жестоким репрессиям.

Подобная неустойчивость побуждала к борьбе, к активному отстаиванию своих взглядов, а в конечном счете и к стихийному сопротивлению правящему режиму. Тотальный террор никому не гарантировал выживания. Одними из первых это поняли генетики и селекционеры. Зная, что Лысенко и Презента поддерживает сам Сталин, они вступили с ними и их сторонниками в бескомпромиссную борьбу. После войны к ним присоединились и биологи других специальностей. Здесь номогенетик А. А. Любищев и селекционист В. Н. Сукачев были едины в выступлениях против Лысенко, а сторонники последнего в равной степени травили дарвиниста И. И. Шмальгаузена и номогенетика Л. С. Берга.

Борцы с лысенкоизмом усвоили методы и приемы предшествовавших дискуссий. Все выступали под знаменем диалектического материализма. Все апеллировали к властям как к верховному арбитру в научных спорах и каждый стремился привлечь их на свою сторону. В этой борьбе вызревала вера в возможность организованного противостояния тоталитарному режиму. В какой-то степени здесь коренятся истоки диссидентского движения в СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЧЕМУ В. И. ВЕРНАДСКИЙ ВЕРНУЛСЯ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ?

(Бремя выбора: 1922—1926 гг.)

О людях речь идет, а люди
Богов не сами ли творят?

А. Твардовский

«Феномен» В. И. Вернадского, выделенный А. В. Лапо [1], состоит и в том, что уже более 30 лет по экспоненте растет интерес к его жизни, научному творчеству и общественно-политической деятельности. Взрыв публикаций о его биогеохимических трудах в конце 60-х гг. был вскоре дополнен под влиянием книг И. И. Мочалова [2] массовым увлечением философскими размышлениями ученого, в которых искали ответы на теоретические вопросы науки и глобальные проблемы человечества. Перестроечная литература явила новый образ Вернадского: непримиримого критика большевистского режима, борца с насильственной диалектизацией естествознания, «печальника» за отечественную науку и заступника репрессированных ученых [3].

Сейчас зарождается новая тема публикаций, где основное внимание уделяется отмеченной еще К. Бэйлсом удивительной «социальной пластичности» ученого, позволявшей ему преуспевать на всех этапах трагической истории России в XX в. [4, p. VI]. Ставится задача «деканонизировать» Вернадского, расстаться с мифом о нем как носителе нравственных традиций русской интеллигенции и увидеть в Вернадском прежде всего прагматика, умело использовавшего сталинскую систему для финансирования своих научных исследований. Справедливо указывается и на необходимость введения в научный оборот новых «полноценных текстов самого ученого» [5, с. 249].

Однако возникает ряд вопросов. Что такое «полноценный текст» и насколько публикатор способен непредвзято подбирать их и читать не с позиций сегодняшнего дня, а в социально-культурном контексте развития отечественной и

мировой науки в первой половине XX в.? Не сведется ли все опять к очередному прощанию с очередным мифом ради создания мифа нового? Насколько опасно крушение мифа об ученом, интеллигенте как «альтернативы гениям зла», для оценки его «как примера подлинного патриота и гражданина»? [Там же, с. 249].

В поисках предварительных ответов на эти вопросы попытаемся на малоосвещенном в литературе периоде пребывания Вернадского за границей в 1922—1926 гг. понять, почему он не стал эмигрантом, несмотря на негативное отношение к Октябрьской революции и резкие суждения о политике большевиков. Это позволит без морализирования посмотреть на последующее сотрудничество Вернадского с коммунистическими властями.*

Ценностный мир Вернадского

Истоки жизненных ценностей Вернадского — взгляды интеллигенции послереформенной России, призывавшей к радикальным, но постепенным шагам по преобразованию общества. Эти взгляды формировались под влиянием растущего во всем мире авторитета науки, поразительных открытий и их технических воплощений, свидетельствующих о приближающемся индустриальном обществе. Развитие науки и ее соотношение с властями становилось важной проблемой государственной политики и идеологии.

Не только ученые, но и значительная часть промышленников и политиков во всем мире считали науку важнейшим фактором совершенствования общества. Приходило понимание, что развитие науки возможно при мощной государственной поддержке. Это, по мнению Вернадского, было особенно важно для России, где «вся научная творческая работа была связана, прямо или косвенно, с государственной организацией» [6, с. 104]. Вернадский всегда был на государственной службе. До революции он стал членом Академии наук, директором ее Минералогического и Геологического

* Архивный материал в Бахметьевском архиве Колумбийского университета был отобран в 1992 г. моей ученицей А. В. Козулиной, заграничная командировка которой завершилась расставанием с историей науки и обретением гражданства США. Выполняя договоренность с ней о завершении совместно задуманной статьи, я откладываю на будущее публикацию полных текстов использованных здесь документов. Приношу искреннюю благодарность председателю административного комитета Бахметьевского архива Колумбийского университета Рихарду Вортману за разрешение публиковать материалы из этого архива.

музеев, председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В Советской России Вернадский создает и до конца своих дней возглавляет целый ряд научных учреждений, принимает участие в разработке планов индустриализации страны, старается максимально влиять на научную политику в СССР. Он был инициатором развертывания исследований по радиоактивной энергии и стоял у истоков «урановой комиссии» при АН СССР и атомного проекта [7].

Вечный критик властей, Вернадский прилагал все усилия для укрепления научного потенциала страны, понимая, что Романовы и Ленины уходят, а Россия должна выстоять в катаклизмах XX в. Такое понимание долга перед страной Вернадский воспринял от своего отца, профессора политической экономии И. В. Вернадского. От своих учителей в Санкт-Петербургском университете он унаследовал широту научных интересов и веру в общественное предназначение науки. В 1882 г. Вернадский писал отцу: «Я хочу, однако, хоть отчасти увеличить сведения, улучшить хоть немного состояние человека. А улучшение это, к сожалению моему, в мое время зависит не только от научных знаний и приложения их к борьбе с природой, а еще и к борьбе с людьми, к деятельности политической» [8]. Такое понимание зависимости науки от политики объяснялось социально-политической обстановкой после убийства Александра II. Поэтому активное участие в общественно-политической жизни страны, в работе Государственного совета, в академическом либеральном движении, в кадетской партии — неотъемлемый компонент жизнедеятельности Вернадского.

Биогеохимия и революция

В предреволюционные годы Вернадский все чаще обращается к вопросам о взаимодействии биологических и геологических процессов на поверхности Земли. Избрание председателем КЕПС побуждало задумываться о геологических и биологических проблемах в глобальных масштабах, по крайней мере в рамках Российской империи. Начиная с 1916 г. он «систематически знакомится с биологической литературой на химической и химико-геологической основе и вырабатывает основные принципы биогеохимии» [9, с. 281].

В разгар революционных событий он начинает писать книгу «Живое вещество». Тогда же появляется мысль продолжить работу за границей, так как новая литература практически не поступала в Россию с начала первой мировой войны. Особенно его привлекают богатейшие собрания библиотеки Британского музея. 1917 год резко изменил планы ученого. Вернадский вместе с другими членами Российской Академии наук (РАН) воспринял захват власти большевиками как национальную катастрофу. В отчетном докладе за 1917 г. непременного секретаря РАН С. Ф. Ольденбурга, ближайшего друга Вернадского, сказано: «Россия стала на край гибели» [10, с. 5]. Вырисовывалась угроза и для самой РАН, так как раздавались официальные призывы уничтожить прежние научные учреждения «как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества». Их авторы были убеждены: «Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное трудовое жизненное дело, а не как волхование в неприступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию классовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства» [11, с. 69].

В гражданскую войну ученый в полной мере испытал тяготы времени: преследование властей, арест, голод, холод, инфекционные болезни, отсутствие элементарных условий для проведения исследований. Но и в этих условиях Вернадский вел экспериментальные исследования по биогеохимии на Старосельской биологической станции, Киевской опытной станции, Салгирской плодоводческой станции. В них участвует и будущий крупнейший генетик XX в. Ф. Г. Добржанский. Зреет сознание, что биогеохимия — главное дело жизни ученого и что ему удастся сказать человечеству много нового в учении о живом веществе. Возникает мысль и об эмиграции, хотя были сомнения, сможет ли он там устроиться и воспримут ли его идеи всерьез на Западе, так как основные работы Вернадского были опубликованы на русском языке и он не знал своего реального места в мировом научном сообществе [12, с. 204].

Постоянное изменение линии фронта, бешеный ритм событий сломали и эти планы. В конце осени 1919 г. он выезжает в командировку на юг России и, в конечном счете, вместо Лондона оказывается в Симферополе, где пытается возобновить биогеохимические исследования в лаборатории по изучению роли живых организмов в минералогенезе. Дневниковые записи с октября 1917 г. по январь 1921 г. показывают, сколь сложную эволюцию претерпевал его внутренний мир в первые послереволюционные годы. По его собственным словам, он смело, беспощадно и откровенно шел «по пути полной переоценки своих убеждений и убеж-

дений близких», перерабатывая «идеалы жизни» (Там же, с. 76, 77, 80 и др.). Потрясенный ужасами гражданской войны, разгромом «русским народом самого себя» (Там же, с. 81), он начинает осознавать условность и мелочность обычных и политических убеждений, опутанных массой привходящих соображений и низменных мотивов, скрываемых за красивыми словами о равенстве, демократии, справедливости.

Вернадский все более убеждается, что только наука может обеспечить создание общества, соответствующего законам эволюции биосферы. Наиболее приемлемым политическим режимом для него становится власть, создающая наиболее благоприятные условия для развития науки и внедрения изобретений в производство. Кроме того, дальнейшее процветание России он видел в рамках единого и мощного государства и все чаще задумывается о том, что из действовавших политических сил лишь «государственное творчество» большевиков может обеспечить территориальную целостность страны.

Зарождается план создать специальный институт для изучения живого вещества. Эта мысль, по словам Вернадского, пришла ему в начале 1920 г. (во время заболевания сыпным тифом). Вот запись из дневника от 23 марта 1920 г.: «Я ясно стал осознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе... Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина, и в таком случае я... попадаю в первые ряды мировых ученых... Главную часть мечтаний составляло, однако, построение моей жизни как научного работника, в частности, проведение в человечество новых идей и научной работы в связи с учением о живом веществе» [13, с. 17—18]. Поэтому одновременно возникло ощущение, что для реализации этой цели будет создан Международный институт, который и по организации, и по тематике, и по составу сотрудников представлял бы собой институт принципиально нового типа, призванный решать глобальные проблемы. Организовать этот институт Вернадский предполагал в Америке, на берегу Атлантического океана.

Многочисленные архивные документы тех лет показывают, до какой степени Вернадский был захвачен биогеохимическими идеями. Этим объясняется мессианский тон приведенных цитат. Эта вера побуждала его к эмиграции. В письме к своему многолетнему другу А. В. Гольштейн он сообщал: «Я стремлюсь за границу, так как здесь чрезвычайно трудно работать и я хочу закончить и издать по-русски и по-английски два своих труда: 1) „Основы геохимии“ и 2) „Живое вещество с геологической т[очки] зр[ения]“... и я хочу их издать до своей смерти. Здесь работать над ними можно, но я достигаю 10—25 (процентов) работы в одно и то же время, следовательно, трачу в 4—10 раз больше времени, чем следует» [14, с. 383].

Вскоре и такая работа стала невозможной. Университет выделил деньги для поездки в Лондон, но в сентябре Вернадского уговорили стать ректором университета, и отъезд был отложен. Из-за эвакуации армии Н. Н. Врангеля из Крыма намерение покинуть Россию «на время» стало особенно актуальным. Вернадский должен был уехать в Стамбул, где его ждал сын Георгий, а оттуда уже в Лондон. Однако профессора и студенты университета попросили его остаться на время смены власти. Вместо Лондона на этот раз он попал в Москву, куда был привезен в специальном вагоне вместе с женой и дочерью в марте 1921 г. После краткого ареста он возобновляет работу в Петрограде в РАН.

Вернадский и большевики в начале 20-х гг.

В течение всей гражданской войны руководители РАН, не признавая идей новой власти, старались наладить сотрудничество с нею и требовали принять меры, «дабы не гибла русская наука и не гибли напрасно русские ученые» [15, с. 174—177]. В качестве таких мер назывались сохранение преемственности научной работы, обеспечение ученых «от всякого рода посягательств на их свободный труд и формы их внутренней организации», сохранение «рассадников знания», создание «прочного научного фундамента народнохозяйственной жизни». Говорилось и об единстве прикладного и «чистого» знания, о привлечении ученых к работе правительственных органов, о бережном отношении к высшей школе, о развитии научного издательства. Один из главных путей преодоления кризиса ученые видели в росте науки.

И их призыв отчасти был услышан. Власти старались привлечь инженеров и ученых-естественников и пытались создать условия для их научных занятий. Они руководили лабораториями, кафедрами, институтами, готовили научные кадры, привлекались для разработки экспертизы законов и государственных проектов. У научной интеллигенции, издавна считавшей, что царское правительство практически игнорировало нужды науки, были основания полагать, что боль-

шевики создают обстановку, стимулирующую научные исследования. В числе ученых, вставших на путь активного сотрудничества с властями еще в годы гражданской войны были ближайший друг Вернадского — С. Ф. Ольденбург и ученик А. Е. Ферсман. Они стояли у истоков советской научной элиты, определяли политику РАН, имели прочные связи в правительственных кругах и в немалой степени способствовали беспрецедентному росту научных учреждений [16], создаваемых в рамках КЕПС и РАН, при наркоматах и ведомствах.

Проекты некоторых из этих учреждений разрабатывались при участии Вернадского еще до революции. Сам Вернадский становится директором Радиевого института и возглавляет при КЕПС крохотную лабораторию по изучению живого вещества. По-прежнему сильна в нем вера, что основывается «новое течение в изучении природы». Правда, гложут и сомнения: «Удастся ли мне это доказать и убедить? ...нельзя представить, до какой степени здесь трудна научно-исследовательская работа... При „пайке" не проживешь семьей, т[ак] к[ак] оплата труда здесь грошовая. Надо или продавать вещи, или продавать дешево труд, или же заниматься тем развращающим дух времяпровождением в разных учреждениях, чем занимаются другие (совместительство). Литературу иностранную получаем урывками, с трудом и опять-таки с величайшими усилиями...»* [17].

Вернадского гнетут новые отношения научного сообщества с властями. С горечью он пишет сыну в 1921 г. о реформе высшей школы: «Все изгажено и ухудшается — но ничего сделать не удается. Недавно был в Москве съезд ректоров, деканов и деятелей высшей школы и как всегда поддельный... чиновников, коммунистов и... „красных" профессоров вдвое почти более выбранных. Всюду меньшинство и большинство резко раскололось на этой грани... Новый проект — безумный и безжизненный: в факультеты и советы вводятся чиновники и коммунисты и им даже не дается права в канцеляриях комиссариата!... В Москве были студенческие волнения на этой почве, быстро подавленные: главари избиты в Ч.К., а затем все студенты распущены и в короткий срок высланы на родину, и все успокоилось. Высшая школа переживает тяжелый кризис, и она надолго искалечена» [18]. Рассказывая весной 1921 г. Гольштейн о тяжелом положении РАН и ее сотрудников, Вернадский замечает, что работать очень трудно, ухудшаются условия питания, пайки выдаются нерегулярно, «в общем сильнейшее чувство рабства и полное отсутствие какого бы то ни было улучшения» [19]. Он считает необходимым принять какие-то меры для физического спасения научной интеллигенции, не говоря уже о моральной стороне дела.

* Везде сохранены авторская стилистика и подчеркивание. Дополнения к сокращенным словам взяты в квадратные скобки.

Из опыта братоубийственной борьбы Вернадский вынес твердое убеждение, что после стольких лет потрясений непродуктивно продолжение политической борьбы, а важно сконцентрироваться на возрождении «духа России». Эта мысль становится доминантой его последующей деятельности. 15 июня 1921 г. он пишет сыну из Петрограда: «Я считаю сейчас самым важным и самым нужным творческую работу — научную, художественную, философскую. В ней спасение русской культуры, а следовательно, и России. Такое ж значение я придаю и деловой работе, практическому созданию материальных ценностей. Но политическую и публицистическую деятельность я бы сейчас поставил на втором месте...» [20].

Ему созвучна вера большевиков в возможность преобразовать общество на базе научного знания. Он допускал возможность сотрудничества с новыми властями. Более того, через месяц в письме к сыну он признает, что хотя «работать, как следует, невозможно и все время поднимается негодование над теми условиями, в которых приходится работать, но за этими тяжелыми ощущениями нельзя терять спокойствия духа и не видеть, что в них, в этих невероятных условиях, русские ученые в России делают огромное, великое дело» [21]. И их работу он оценивал «как залог всего будущего и доказательств роста и силы будущего России» [Там же].

Крохотная лаборатория по изучению живого вещества оказалась непригодной для реализации грандиозных планов. Да и вся обстановка в разоренной стране препятствовала этому. Через сына Вернадский пытается выяснить возможность получить работу в США. Однако, как видно из письма А. И. Петрункевича, работавшего в Йельском университете, Г. В. Вернадскому, перспективы были не радужными. Он писал: «Владимира Ивановича здесь хорошо знают, и это, думается, в его пользу. Но в общем русским здесь плохо... На Ваш вопрос, приезжать ли Вам сюда, чтобы лично помочь устроить Вашего отца, могу только самым категорическим образом ответить: нет. Жизнь здесь страшно дорога, безработица растет. Вы не только отцу не поможете, но и сами будете нуждаться» [22].

½ 8 Зак. 3008

Но Вернадскому удается попасть за границу. Ректор Сорбонны пригласил прочитать курс лекций по геохимии. Получение командировки облегчило избрание Вернадского почетным членом Французской академии, но пришлось бороться за возможность ехать вместе с женой и дочерью Ниной, что вначале представлялось невероятным. Потребовались многочисленные хлопоты, заполнение огромного количества бумаг, поручительства коммунистов, например заместителя Наркомпроса и руководителя Социалистической академии Покровского, прежде чем все было улажено. Командировка планировалась на четыре—пять месяцев. Если же условия для работы окажутся благоприятными, то Вернадский «дал слово» вернуться, чтобы «хлопотать о дальнейшей командировке» [23]. Он понимал последствия невозвращения для поручившихся за него и для сотрудников руководимых им учреждений.

Вернадский и политическая эмиграция

Встретили Вернадского в Париже с подчеркнутым пиететом. Французская академия присудила премию в размере 4000 франков, а Министерство иностранных дел ежемесячно выдавало 1000 франков. В пределах выделенных лабораторных средств была представлена возможность заказывать приборы, материалы и т. д. Приезд Вернадского был большим событием для эмигрантских кругов. Отовсюду шли дружеские письма, полные сочувствия и поддержки. Радовались приезду Вернадского и русские студенты-геологи из училища в Брно, и профессора в Англии, Германии, Чехословакии. Все были уверены, что Вернадский приехал навсегда. Друзья в Париже (В. К. Агафонов, А. В. Гольштейн), способствовавшие ранее организации командировки (переговоры с Французской академией об избрании, получение виз и т. д.), помогли на первых порах устроиться и осмотреться.

Ожила надежда создать в какой-либо стране лабораторию или даже институт живого вещества, чтобы наладить масштабные исследования. Вернадский посылает письма своим российским друзьям, разбросанным эмиграцией по Европе и США, стараясь уяснить ситуацию, и просит похлопотать за него. Запросы-предложения идут в Институт Карнеги, Национальный исследовательский Совет США, в Минералогическое общество Америки, в Британскую ассоциацию за прогресс в науке и т. д. В 1923 г. на английском языке он впервые излагает в концентрированном виде свои

биогеохимические идеи и задачи будущего учреждения для их разработки.

Вернадский столкнулся с необходимостью определиться по отношению к господствовавшим среди эмигрантов планам, так как многие воспринимали его приезд под лозунгом «нашего полку прибыло». Его старые политические соратники по либеральному движению И. И. Петрункевич и Ф. И. Родичев были искренне рады возобновить общение с ним, прерванное после поражения белых в Крыму [24], но не могли понять намерения не рвать с Россией, где, по их убеждению, полностью игнорируются интересы творческой личности. Начались уговоры детей не возвращаться в Россию, твердо решивших стать эмигрантами. Не желала расставаться с ними жена Вернадского Наталия Егоровна. Вернадский оказался перед сложным выбором: конфликт с семьей, друзьями-эмигрантами или же неверность данному обещанию, чреватое тяжелыми последствиями для друзей и коллег, оставшихся в Петрограде. Боясь ошибиться, он старается, с одной стороны, получить максимум информации из России, а с другой, оценить перспективы русской эмиграции.

Прежде всего он показывает, что стоит над партийными разногласиями, подчеркивая, что он ученый, не связанный никакими политическими интересами. Он убежден: «Кризис идейной государственности очень глубок. Ни монархия, как монархия, ни парламентарии, ни народовластие — не есть идеалы. Идеалы — другое содержание жизни, это содержание жизни надо сейчас охранять, м[оже]т б[ыть] от всех политиков. Конечно, всякая власть более ему благоприятна, чем большевистская, но эта всякая власть скорее сего приблизится строением жизни, несмотря на ту власть, которая сейчас господствует. Я кроме того верю и — больше научно знаю — близость больших изменений содержания жизни под влиянием роста научного сознания» [25].

Вскоре выявились принципиальные разногласия в оценке деятельности ученых в Советской России. Эмигранты называли «соглашателями» С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана и осуждали их за сотрудничество с большевиками. Вернадский же, находясь еще в Петрограде, считал «глубоко несправедливым отношение закордонных друзей к деятельности научных работников в России» и был глубоко убежден «в огромном значении не только для русской культуры и для мировой... тех ученых, которые взяли на себя тяжелый крест работы здесь... » [26]. «Я лично считаю, — подчеркивал Вернадский, — что выше всех материальных потерь

стоит творческий дух человечества, и если он в каком-нибудь народе не заглох, остальное все наживное. А здесь он не заглох, а растет, как ни странно и непонятно» [Там же].

Свои оценки сотрудничества ученых с большевиками, основанные на зарождавшихся у него идеях ноосферы, Вернадский не изменил и в Париже. «Очень тяжело и сложно, по-видимому, в России для тех, кто... связан с высшей школой или стоит во главе больших научных учреждений. Но им я (Сергею Ольденбургу и А. Е. Ферсману) обоим безусловно верю и знаю, что они ничего не сделают против своей совести или из-за личной выгоды. В конце концов — пока — жизнь их оправдывает; огромная культурная работа идет в России, и все главные центры научной жизни сохранены. Это факт и сделано волей, трудом и верой людей. Ничто само по себе не делается... Слыша критику Сергея (С. Ф. Ольденбург. — *Э. И.*), всегда вношу поправку на те трудности, в которых ему приходится жить» [27]. Примерно в тех же словах Вернадский характеризует состояние российской науки в письмах к И. И. Петрункевичу, подчеркивая: «Центр мысли и научной работы не в эмиграции, а в России...» [28].

В справедливости этих оценок убеждают Вернадского и письма учеников из России. Самойлов не раз писал об увеличившемся притоке студентов-рабфаковцев, о способной молодежи, которая учится с энтузиазмом, о создании новых институтов и кафедр при Московском университете, хотя и отмечал дефицит зарубежной литературы и плохое снабжение лабораторий научным оборудованием [29]. Письма Хлопина и Ферсмана полны известиями о повседневных проблемах, которые требуют решений Вернадского как директора Радиевого института и Минералогического музея.

Вызревает и разочарование в деятельности эмиграции, в которую пытаются вовлечь Вернадского дети. Сыну он пишет: «Что касается общественно-политической деятельности эмиграции, она мне представляется ненужной и печальной. Корней в России нет: там идет свой процесс. Задача эмиграции: подготовка личностей и работа научная и культурная» [30]. В письме же дочери подчеркивает: «Я писал и пишу сейчас против политической игры эмиграции, против всех этих ссор, распрей. Вижу здесь в Париже, как все более и более люди распыляются из-за фикций» [31]. Из дневника Вернадского за 1924 г. видно, что ему были непонятны суждения эмигрантской молодежи, не видевшей прежний режим, но идеализировавшей его представителей, искажая «истину в своей фантастической реа-

билитации Николая II» [2, с. 241], бездарных и жалких царских министров. Вернадский вспоминал, что у большинства выборных и назначенных членов Государственного совета «не было ни esprit de corps, ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни государственности. В общем, ничтожная и серая, жадная мелкохищная толпа среди красивого декорума... И это отсутствие содержания сказалось в грозный час» [Там же].

Вернадский не скрывает критического отношения к эмиграции и в письмах к бывшим соратникам по либерально-демократическому движению. И. И. Петрункевичу он пишет: «Споры о республике и монархии представляются мне гниением... Силы у эмиграции нет, и идеалы многих из них чужды в русской среде» [28, с. 207]. При таких суждениях восторг эмигрантских кругов по поводу приезда Вернадского быстро сменился разочарованием. Как писал И. И. Петрункевич из Женевы, замалчивание в русской зарубежной печати работ Вернадского «похоже на недоброжелательство, неоправданное никакими соображениями и менее всего политическими разногласиями» [32]. Сама мысль о возможности Вернадского вернуться в «совдеповский рай» приводила в неистовство и его верного друга А. В. Гольштейн [14, с. 398—400, 402—403], которая считала, что его возвращение нужно большевикам в целях пропаганды, а впоследствии они могут его арестовать, уморить, выслать, расстрелять «при надобности или без надобности». Но она понимала, что в конечном счете решение будет зависеть от того, где будут лучше условия для научной работы, так как он «все более и более отходит от всякой личной жизни и... от всякой личной мысли, кроме научной» [Там же, с. 403]. Вернадский не довел дело до разрыва и сохранил хорошие отношения со многими эмигрантами. Он не присоединялся ни к одному из противостоящих лагерей и оставался «чужим среди своих».

Затянувшаяся командировка

Вскоре стали очевидны сложности в научной работе, что заставило Вернадского просить продлить научную командировку. Первое продление до 1 мая 1923 г. не вызвало серьезных нареканий. Вторая просьба о продлении пребывания в Париже до ноября 1923 г. под предлогом закончить книгу «Очерки геохимии» пришла после того, как за подписью Ферсмана была послана выписка из заседания

Президиума РАН от 5 мая 1923 г., в которой говорилось, что до признания уважительными ходатайств о продлении командировок лицам, задержавшимся более чем на месяц после установленного срока, «не выписывать содержания и считать казенные квартиры, ими занимаемые, свободными» [33]. Не желая терять содержание и квартиру, Вернадский дважды обращается с просьбой продлить командировку до 15 ноября. В конечном счете Президиум согласился, но было отмечено, что этот срок крайний. В личных письмах А. П. Карпинский и Ольденбург старались смягчить тон постановления.

Вернадский отказывается от руководства КЕПСом и Радиевым институтом. Последнее встревожило Хлопина, считавшего, что подобная перемена поставит институт «в весьма затруднительное положение» и может его погубить. Поэтому длительная задержка лучше прямого отказа от руководства [34].

Были и другие мотивы для недовольства задержкой Вернадского. Так, П. П. Сушкин, соглашаясь с тем, что выбор места работы — неотъемлемое право ученого, голосовал бы за продление командировки крайне неохотно, так как отсутствие Вернадского — «большой ущерб для Академии» [35].

Вернадский тянул с принятием окончательного решения, не желая отрезать пути в Россию. Свои колебания он объяснял не раз в письмах детям: «Если бы я был более молод, я бы уехал совсем и пробивался бы в новых условиях. Но сейчас моя жизнь кончается, и мне хочется эти последние годы провести в той работе, которая меня захватывает. Поэтому я не ищу профессорской работы, которая оставляет относительно мало времени для чисто научной работы...» [36]. И хотя уже начали приходить вежливые отказы на просьбы о средствах на желаемую лабораторию, он продолжает надеяться, что вернется в Россию лишь на короткий срок для ликвидации дел. Такой приезд он объяснял тем, что «дал слово. И для меня абсолютно безразлично большевики или другие, которым я дал слово. Я дал его главным образом перед собой, а также перед близкими, которые мне... помогали уехать. И я знаю, что мое бегство поставит и их, и Академию наук в неприятное положение. Академия же мне дорога... Останусь ли на всю жизнь в России — сейчас не знаю, но если уеду вновь с тем, чтобы не возвращаться — не буду ехать как теперь» [37].

В продлении следующей командировки помог Ольденбург, который, будучи в заграничной командировке, доложил Президиуму РАН о болезненном состоянии Вернадского, «требующем временного пребывания в более теплом климате» до весны 1924 г. [38]. Но шансы на реализацию главной цели по-прежнему равны нулю, хотя Вернадский готов ради этого «стать французским гражданином» [39]. В поддержке отказали Институт Карнеги, Йельский университет, Национальный исследовательский Совет США, Рокфеллеровский фонд, Британская ассоциация за прогресс в науке. Неудачей закончились попытки Ф. Славика договориться с официальными лицами Чехословакии о финансовой поддержке исследований Вернадского. В 1923 г. Славик сообщал: «...Едва ли будет возможно у нас (т. е. в Праге. — *Э. К.*) и на средства наших научных организаций обосновать самостоятельный центр для систематических исследований» [40].

Еще раньше, узнав о планах Вернадского, А. И. Петрункевич из Йельского университета предостерегал его: «Что Вы хотели бы эмигрировать, я вполне понимаю. Но не делайте этого, если Вы не найдете средств на обеспечение лаборатории и научного труда, т[ак] к[ак] положение американского профессора, принужденного жить на жалованье и отдавать все время на учение — более чем не завидное. И самый уровень студентов... совсем другой, чем уровень русских и западноевропейских» [41]. Ни хлопоты самого Петрункевича, ни Л. Гендерсона, на которого «Очерки геохимии» Вернадского произвели большое впечатление, ни других крупных американских геологов и палеонтологов не могли помочь обустроиться за океаном. Поэтому оживает мысль о возвращении в Петроград. В конце 1923 г. он пишет сыну: «Я считаю, что надо здесь — в Европе пробовать все пути. Если не удастся здесь и в Америке — буду добиваться в Советской России. Для меня эта организация стоит выше преходящих форм политической жизни» [42]. Таким образом, он готов добиваться института «в России в ее варварском социалистическом строе, как ни тяжело мне лично жить в рабской стране» [28, с. 211].

Надежда забрезжила с созданием фонда С. А. Розенталя, «короля жемчуга», пожелавшего сделать что-нибудь для «химии». С ним Вернадского свел Агафонов. Розенталь, по словам Вернадского, ничего не понимал в химии, но идеи Вернадского ему понравились [43]. Это и предопределило победу русского ученого в конкурсе. Но выделенная сумма оказалась скромной — 30 000 франков на год с перспективой продления финансирования еще на год, если результаты будут признаны обнадеживающими.

«Репрессалки» РАН

Получив возможность задержаться в Париже, Вернадский направляет очередное ходатайство о продлении командировки, мотивируя теперь просьбу ссылками на международный характер развития науки. Из письма Вернадского к Ольденбургу от 6 июня 1924 г. видно его понимание возможных последствий. «В связи с этим становится вопрос о моей дальнейшей судьбе. Я не хочу эмигрировать и рвать связи с Россией. От политики я стою совершенно в стороне: остались для меня немногие дни, в лучшем случае, годы жизни и я хотел бы их посвятить научной работе, закончить то многое, что хотел бы сделать» [44]. Осознавал он и неприятности для себя и Академии наук, «которые могли последовать от... просьбы дальнейшего продления командировки. Но обратиться с этой просьбой есть мое право, а при данных условиях — было и моей прямой обязанностью как ученого» [45. л. 115]. Вернадский, зная уязвимость такой аргументации, добавлял: «...Я очутился как бы в положении борца, ушедшего из рядов в нужный момент» [Там же, с. 116]. Его явно угнетало это ощущение дезертирства. Но Академия помогла избавиться от подобного «комплекса» вины.

Как и предполагал Вернадский, реакция РАН была очень бурной. Несмотря на просьбу А. П. Карпинского, ходатайство было отклонено, а Вернадский был исключен из числа действительных членов, лишен академического содержания и квартиры. За ним сохранялось лишь звание академика. Правда, 3 сентября 1924 г. на заседании Отделения физико-математических наук было решено просить Наркомпрос «сохранить за Академией право при возвращении В. И. Вернадского в Ленинград включить его вновь в число действительных членов без новых выборов» (Цит. по: 45, с. 122). Академия наконец-то удовлетворила предыдущие просьбы Вернадского об освобождении от обязанностей председателя КЕПС и директора Радиевого института. Более того, без всякой просьбы со стороны Вернадского была закрыта созданная им Комиссия по истории знаний [46].

В полном горечи, неподцензурном письме из Берлина в Париж Ферсман выговаривал учителю: «Конечно, нас всех ужасно смущали и смущают Ваши решения; конечно, мы их считаем неправильными, несправедливыми и по отношению к Академии, которую Вы поставили в необычайно тяжелое положение, да и по отношению к себе, ибо не в тех же 30 тыс[ячах] денег дело, которые Вы, конечно, достали бы в

России легко» [47]. Еще резче второе письмо от 30 июля 1924 г., где Ферсман объяснение Вернадским причин своих задержек называет «бессознательным самообманом, которым Вы хотите замаскировать другие чувства, которые Вас удерживают за границей. Наука здесь ни при чем, я вам говорил это при отъезде из Питера, Вы мне не верили, а С[ергей] Ф[едорович] сердился. Я был принципиальнее. Вас удерживает, конечно, не наука, это слова только, а прежде всего семья, огромное влияние Ниночки (Н. В. Вернадская. — *Э. К.*), за последнее время очень вредное; удерживает пожелание вести борьбу активную, удерживает фантом свободы; конечно, она есть, когда нет обязанностей, обязанностей тяжелых, необходимых, иногда даже унизительных» [48]. Ферсман напоминает Вернадскому: за границей «Вы оторваны от помощников, от живых людей, которые могли бы работать по Вашим указаниям. Это именно такое оружие, которое Вам нужно прежде всего. А это в Париже Вам сделать все-таки трудно» [Там же]. Ферсман уверен, что Вернадский и не собирался, и не собирается возвращаться, хотя и дальше будет заниматься самообманом. Ведь на самом деле возможностей «для научной работы, конечно, у нас в 10 раз больше, чем в Париже» [Там же]. И укрепление положения ученых в России и их свободы, по его мнению, будет обеспечиваться «работой, развитием исследований».

Эти письма рассердили Вернадского, и он сразу дает резкую отповедь. Рассуждения Ферсмана о мотивах его деятельности Вернадский назвал фантастическими, а чтение в чужих сердцах посчитал опасной вещью, которая «почти всегда приводит человека в ложное, а иногда в смешное положение» [45, с. 116]. Особенно Вернадского обидели суждения Ферсмана о «бессознательном самообмане», подвергавшие сомнению восприятие им своих поступков как хорошо продуманных, рациональных и нравственных. Он считал, что Академия поступила по отношению к нему «несправедливо и ошибочно». Он понимал, что отныне попадает «на положение эмигранта или близкое» [Там же, с. 17], и сожалеет об этом, так как не уверен, что сможет без помощников в России исполнить свои замыслы. Поэтому он подчеркивает, что инициатива прекращения связей с Академией и Россией исходит не от него. Волнует его и будущее оставленных вещей и квартиры.

Не затягивает с ответом и Ферсман, обращаясь к Вернадскому и к его жене. Сожалея, что его суждения произвели на Вернадских отталкивающее впечатление, он вопрошает Н. Е. Вернадскую: «Неужели же можно думать, что русскую

9 Зак. 3008

культуру пронесет в будущее русская эмиграция — эта смесь чванства, мстительности и безумия? Неужели Вы не думаете, что только у себя же вновь возродится русская культура» [49]. Извиняясь за причиненную обиду, он заверяет в абсолютной искренности своих мыслей о том, что «для В[ладимира] И[вановича] самого, для его научной работы лучше возвращаться к нам» [Там же]. Соображения об интересах РАН Ферсман ставит на второе место. В посланном на следующий день письме к самому Вернадскому Ферсман настаивает: «Вы во многом ошибаетесь насчет Академии: она хочет Вашего возвращения и создать условия, при которых это было бы лучше всего. Напрасно Вы увидели в моем письме какие-то другие мотивы и не было бы никаких оснований называть ее шаги большевистскими» [50]. Следует отметить, что обидные и резкие суждения из уст ученика не изменили общего отношения Вернадского к Ферсману. В это же время он пишет сыну: «Ферсман в трудных положениях русской культуры был одним из тех, которые сделали для ее сохранения и развития больше всех его ругающих» [51].

После долгого молчания написал Вернадскому и Хлопин. Он сообщил, что новым директором Радиевого института утвержден выбранный коллективом Ферсман, а Вернадский стал почетным директором. Его упреки мягки. Он лишь напоминает, что коллектив института был бы рад работать под руководством Вернадского.

Были и другие мотивы для недовольства решением Вернадского остаться в Париже. В письме из Берлина Сушкин поясняет, что отсутствие Вернадского — это прежде всего «чудовищная моральная утрата» и приезд Вернадского мог бы оздоровить обстановку в самом руководстве РАН, так как «А. П. Карпинский резко постарел, во многом плохо разбирается, и его в президиуме уважают только на словах, а влияния он не имеет. Ольденбург устал и стареет... Всецело попал под влияние Стеклова... И поэтому Академия Стекловизируется и Ферсманизируется» [52]. Последнее он считал особенно опасным, поскольку «Ферсман — не европеец, и хотя талантливый, но не умный человек уже потому, что плавает в волнах своей власти. А затем без Вас он совершенно распустился, и положиться на него нельзя: полное отсутствие чувства ответственности». Особенно возмущало Сушкина, что Ферсман обращается с академиками «как со своими ближайшими минералогическими младенцами». В этих условиях Президиум РАН правит, не советуясь с конференцией. «А конференция безмолвствует». Правда Сушкин боялся уговаривать Вернадского вернуться, так как «не

желал взять на себя повторение того греха, который взял в Крыму выдвижением Вас в ректоры и тем оттянул отъезд за границу». Да и сам Вернадский не желал повторять ошибок прошлого и, маскируя мотивы своего решения, предпочитал обвинять Академию в несправедливости принятых по отношению к нему репрессиях.

Письма Сушкина убеждали Вернадского в правильности принятого решения. Из Лондона он желчно писал о требованиях Наркомата по иностранным делам составлять протесты под диктовку чиновников, о выступлениях Ферсмана с популярными лекциями, которые он называет «новым продуктом красного творчества» [53]. Он спрашивает: «На кой черт лезут люди в эту грязь? Воистину я думаю, что необходимо создание новой науки — общественной психопатологии, без которой явления революции и послереволюц[ионного] периода совершенно непонятны. Ведь в грязь лезут и люди, у кот[орых] соображения экономи[ческого] материализма не играют роли». Сушкин разделяет желание Вернадского продлить пребывание за границей, но сам отказывается от эмиграции, понимая, что интересен за рубежом лишь знанием палеонтологических коллекций в России.

В этот период Вернадский весьма мрачно смотрит «на ближайшее будущее России» [28, с. 214], так как «коммунизм чрезвычайно силен» [Там же, с. 217].

Колебания и трудное решение

Получив из фонда Розенталя средства, Вернадский погружается в работу, надеясь получить обнадеживающие результаты, которые стали бы основанием для продления финансирования. Но оказалось, что полученная сумма не позволяет мечтать о серьезном исследовании. Нельзя было нанять ни помощника, ни лаборанта. А в одиночку, как он сетует в письмах, ему далеко не уехать. К началу 1925 г. выясняется, что работы по биосфере не встречают того понимания, на которое рассчитывал Вернадский. Например, опубликованной статьей о давлении живого вещества «никто не интересуется» [54]. Экспериментальный материал, представленный экспертам, французским физикам и биологам, также встретил непонимание. Сомнения в полученных результатах были и у чехословацких химиков, о чем не раз сообщал в своих письмах к Вернадскому Славик. Вернадский осознавал: «Мои идеи проходят медленно и, как всегда, встречают непонимание и недоверие» [28, с. 212], объясняя

негативные отзывы новизной поднимаемых проблем. Уверенность в своей правоте заставляла думать, что реакция научного сообщества была бы другой при обширных экспериментальных исследованиях и активной пропаганде идей. Вспоминались слова Ферсмана о том, что настоящей работой Вернадский может заняться только в России.

Вновь начинается обсуждение доводов за и против возвращения в Россию с Сушкиным, который также затянул свою заграничную командировку, переехав из Европы в Америку. Не скрывая своего отрицательного отношения к большевикам и сотрудничавшим с ними, Сушкин без морализирования и философствования обобщает свой заграничный опыт [55]. Он пишет, что мог бы устроиться профессором в каком-нибудь государственном университете США, «но жить в американской дыре смысла нет, и затем я боюсь преподавания, тем более, что оно здесь шаблонно и пришлось бы еще перерабатывать весь курс на здешних примерах» [Там же]. Не устраивало Сушкина и предложение занять место библиотекаря и редактора в Бостонском обществе натуралистов, так как зарплата была низка, а наукой пришлось бы заниматься «в свободное от работы время». В России же он постоянно находился в статусе «research professor».

Сушкин откровенно писал, что в отличие от Вернадского «никогда не обладал общественной жилкой и обязательства перед родиной для меня в решении этих вопросов почти не играют роли. Тем более в такие стихийные эпизоды роль отдельного человека совершенно ничтожна и непосредств[енное] значение моего пребывания не выходит за пределы зоол[огического] и геол[огического] музея» [Там же]. Поэтому он был уверен, что его эмиграция никак бы не сказалась на «моральных устоях Академии», которые, по мнению Сушкина, сильно ослаблены из-за отсутствия Вернадского, которого Сушкин считал наиболее «естественным кандидатом в президенты Академии». Однако он полагал, что это трудно осуществить, так как «уж очень... загажена политика Академии политикой компромиссов, и всякое проявление достоинства, кот[орое] было бы возможно и внушило уважение несколько лет тому назад, теперь будет принято как бунт». Но менять что-нибудь, по мнению Сушкина, уже поздно. Он понимает, что «критиковать легче, чем действовать», но думает, что разумнее было бы следовать правилу: «не целуй ручку дважды, когда заставляют сделать это один раз». Предстоящие торжества по случаю 200-летия Академии наук и просьбы выступить с докладами о ее достижениях в

«рабочих аудиториях» были для Сушкина «очень неприятны». «Меня тошнит заранее от всей предстоящей лжи, и со стороны власти, и со стороны — увы — Академии на тему о заботе власти о науке». Тем не менее Сушкин возвращается в Россию, так как не видит другой возможности сохранить свой научный статус. Он не прочь остаться в Америке, чтобы периодически приезжать за материалом в Россию, но такой вариант был нереален. «И я боюсь, что в этом смысле и Академия будет мне враждебна... захочет применить ко мне известные репрессалки, как к Вам» [Там же]. Вспоминая о репрессиях, Сушкин сомневается, будут ли у Вернадского отныне вообще средства для существования в России в случае возвращения.

О неблагоприятных условиях для научной работы в США не раз писал В. И. Вернадскому С. П. Тимошенко из Питтсбурга. «Как далеки эти учреждения от тех фантазий, которые я когда-то имел в России относит[ельно] американских научных учреждений. Никакой науки и никакого Research'a здесь нет! По крайней мере, в моей области это настоящая пустыня, и здешние лаборатории ни с русскими, ни даже с Загребом сравнивать нельзя... Всегда ощущение, что здесь жизнь не настоящая, а люди только собрались временно, чтобы заработать деньги, а потом уйти» [56]. Более того, американская действительность заставляет Тимошенко «думать, что демократич[еский] строй совершенно не благоприятствует р[азвит]ию наук и искусств; для этого деспотич[еский] режим, пожалуй, лучше» [57]. И этот вывод делал российский радикал, резко осуждавший оставшихся в России ученых за «услужничество» большевикам и считавший руководителя ВСХН Ф. Э. Дзержинского не «твердым правителем», а «палачом». «Готовность русского человека „услужить“», по мнению Тимошенко, и есть вероятная причина прочности большевиков. «Довольно иметь кучку наглецов, и все готовы подчиняться» [Там же].

Обширные выдержки из писем Сушкина и Тимошенко показывают, какие вопросы волновали в середине 1925 г. Вернадского. Ясно, что невозможность реализации биогеохимических идей заставляет задуматься о возвращении на родину. В письмах Вернадского детям весной 1925 г. вновь говорится о бурном развитии науки в СССР. Вспоминаются и глубинные корни социалистической идеи. «...Я смотрю на процесс, идущий в России, совершенно иначе, чем Вы оба смотрите... Да, то, что совершается в России, мне представляется величайшим трагическим событием истории человечества, связанным с глубокой и серьезной аморальной идеоло-

гией, одним из величайших проявлений человеческой воли и чрезвычайно опасной идейной ошибкой. Это не дело шайки разбойников, и удача этой попытки не следствие „безграничности" народа, его «дикости», как часто думают здесь, но связана большими корнями с прошлым русского народа, с его идейными стремлениями и желаниями...» [58]. Начинают мучить сомнения в правильности отхода от жизни страны и народа «в этот тяжелый период его истории» и допускается возможность изменить избранный им ранее способ действий [59]. Он приходит к выводу о том, что «в научной работе нельзя долгое время быть вне ее той или иной формы национального движения».

Столь категорические суждения Вернадского обусловлены прежде всего наступившим прозрением, что «организовать исследование живого вещества или геохимическое в большом масштабе... не удается из-за недостатка средств». Он начинает понимать, что на столь экзотические исследования можно получить деньги только на родине в силу своей глубокой встроенности в научное сообщество и высокого авторитета. Вернадский убеждался, что ученые, оставшиеся в СССР, сохранили возможность заниматься научной работой и существенно расширили ее масштабы, используя заинтересованность большевиков в науке.

Иначе он оценивал ситуацию в континентальной Европе. Вернадский не раз отмечал, что близкие для него отрасли знания (геология, минералогия, кристаллография) находились в упадке, литература в библиотеках была бедна, а зарплата ученых мала. Еще весной 1924 г. Вернадский писал дочери: «Сейчас результаты научной работы в пределах России очень велики, и с ними приходится считаться здесь всем. Русские ученые, оставшиеся там (т. е. в Советской России. — *Э. К.*), сделали и делают большую мировую работу... Сейчас работы Павлова, Ферсмана, Баха, Лазарева, Кольцова, Иоффе, Зелинского, Курнакова, Марра, Карпинского и очень многих других оказывают влияние на человеческую мысль» [60]. Теперь он приходит к более радикальному выводу: «Главная научная творческая русская (и укр[аинская]) работа идет в России и в ней в этот момент особенно дорога каждая живая сила, могущая работать» [59], и уверяет, что в «этой работе творится будущее России, т. е. создается то, что не дает возможности укорениться в ней большевизму, и создается вечная ценность, независимо от рамок жизни, каковы бы они ни были» [Там же]. Для него становится ясным, что «кто может, должен научно работать в России, ибо сейчас там идет — что бы здесь ни говорили —

большое творческое строение и получаются — вопреки большевистскому укладу жизни — большие достижения» [Там же].

Так начинает доминировать мысль об окончательном возвращении на родину [61]. Подобные изменения в позиции Вернадского встревожили его детей, что заставляет его вновь и вновь излагать свои доводы. Он пишет, что прежнее решение — обосноваться за рубежом и вернуться в Россию лишь в крайнем случае — было прежде всего обусловлено нравственной ответственностью за жену и детей [62]. Теперь же он понимает, что дети могут найти «новую среду» за границей, хотя это не просто, так как «идет мировой кризис и нет „девственных" стран, которые были сто лет назад». Их же жизнь с женой подошла к тому концу, где «болезнь и смерть — его естественные спутники». Поэтому он не боится вернуться в Россию. Более того, он убежден, что только «там есть все данные достигнуть... без недопустимых для меня моральных компромиссов возможности научной широкой работы».

Вернадский стремится к активной деятельности и к полной реализации своего творческого потенциала. Он не желает перейти на содержание детей. Создание учреждения по изучению живого вещества было для него важно потому, что в этом случае появлялась возможность выдвигать и защищать «идею мировой научной организации». Он прекрасно понимал, что эти идеи не будут всерьез восприниматься, если их автор не имеет «большого общего научного авторитета и совершенно независимого научно-социального положения» [Там же].

Но он выдерживает паузу и не реагирует на намеки в письмах А. А. Борисяка и А. Е. Ферсмана о возвращении. Вернадский не хочет, чтобы инициатива шла с его стороны. В письме же к Б. Л. Личкову подчеркивает желание побывать в Петербурге и Киеве: но «как это сделать, я не знаю и думаю, что это их дело, а не мое, об этом заботиться, так как они не согласились в свое время на мою просьбу» [63, с. 35]. Роль катализатора сыграло поступившее в июне предложение Карпинского приехать на два месяца на юбилей РАН. Одновременно Ферсман в частном письме коварно добавляет: «Ведь все-таки Вы не обидите Сергея Федоровича, не приехав на торжество Академии, значение которого, конечно, в укреплении науки и научных связей» [64].

В отличие от Сушкина Вернадский считал, что «празднование юбилея Академии как национального события — явление крупного порядка и выходит за пределы советского

политиканства. Несомненно, 1) Академия наук — одна из крупных организаций человечества... 2) ...как собрание людей она сейчас занимает одно из первых мест; 3) в ней идет огромная творческая работа, в источнике и по существу независимая от современных условий и в конце концов непримиримая с их строем. ...Празднование принесет не то, что они хотят. Но я вижу здесь и новое важное: 1) Национально-народная оценка научной работы в форме, в какой это никогда не бывает. Я уверен, что это, если не произойдет очень крупного диссонанса, будет иметь след в дальнейшей жизни человечества и 2) та связь, которая устанавливается у ученых с народными слоями, которые по существу также враждебны большевизму. Я думаю, что большевики и здесь, как и в другом, потерпят фиаско в своих стремлениях втиснуть жизнь в узкие рамки и дадут выход для нее, для них неожиданный» [65]. Поэтому он замечает: «Значение этого юбилея в мировой научной среде будет не такое большое, как думают в России многие, но заметное. И с грустью вижу утиную политику эмиграции: спрятав в крыло голову, думают, что ничего не происходит, раз не видят» [Там же].

Отныне Вернадский не скрывает желания поехать в Россию и отвергает все доводы против. Но он не собирается вернуться в Россию на положении «блудного сына», не оговорив условия возвращения. В письме к дочери пересказывается ответ на предложение Карпинского [65]. Прежде всего он хотел знать о пределах политических компромиссов РАН и выдвигает условия для возвращения: 1) полная гарантия от всяких террористических-полицейских «инцидентов»; 2) временное возвращение вначале, так как он хотел приехать сначала без жены; 3) восстановление в правах академика.

Карпинский ограничился только разъяснением своей позиции о компромиссах: «Если бы я увидел, что Академия в общем уходит с научного пути, на что не имеется оснований, то верьте, что я нашел бы средство устранить себя, каким бы несоответствующим это средство ни показалось» [66]. Обсуждение остальных поставленных Вернадским проблем было поручено Хлопину, который должен был с ним встретиться во время заграничной командировки. Однако встреча не состоялась, и в письме из Берлина Хлопин изложил условия возвращения [67]. Прежде всего, Вернадского ждали «к академическим торжествам непременно обратно, что помогло бы избежать всякого рода неприятностей». Однако гарантировать этого никто не может, так как «мы все еще остаемся страной самых широких возможностей». Что же касается материальной стороны дела, то Вернадскому в

Ленинграде будет не хуже, чем в Париже: восстановление в членах Академии и академического оклада, оклад председателя КЕПС и директора Радиевого института, от руководства которого Ферсман сразу же отказывается по приезде Вернадского, литературный гонорар. В распоряжение Вернадского будет представлен большой штат помощников для экспериментальных исследований.

В следующем письме Хлопин старается оценить степень риска для Вернадского [68]. Он считает, что опасаться лишения свободы не приходится и это Академия могла бы гарантировать, «но от обыска, вызова для дачи объяснений и т. п. беспокойств оградить его с ручательством за успех уже значительно труднее». Он вновь повторяет, что Вернадский напрасно затягивал свое возвращение в Россию и мог бы иметь возможность ездить за границу ежегодно. В то же время Ферсман и Хлопин не видели причин для серьезных неприятностей, так как в целом в правительственных кругах отношение к Вернадскому «все еще доброжелательное». Враждебно к нему относится только в ВСНХ директор радиевой промышленности и Гелиевого комитета В. И. Глебова, которую Вернадский встречал в Праге и охарактеризовал так: «небольшой, но вредный человек». Но и на нее друзья Вернадского в случае необходимости собирались найти управу: «например, Дзержинский, которого она очень боится». Желание же Вернадского выехать в Прагу через год для чтения краткого курса в университете было воспринято благожелательно. Карпинский обещал оформить это как «обмен лекциями».

Возвращение. Путь в бессмертие

Наконец, Вернадский принимает решение вернуться. Отныне он не обращает внимание на рассказы приезжавших в Париж академиков (С. П. Костычев, И. П. Павлов и др.) о тяжелой политической обстановке, о переходе к стадии «государственного социализма», о потере у интеллигенции воли к сопротивлению с исчезновением «борьбы за кусок хлеба в буквальном смысле», о закрытии ряда научных обществ, о невыносимой обстановке в вузах и т. д. Для него важнее впечатление, вынесенное с юбилейных торжеств всеми иностранными гостями: «Эмиграция является в сознании всех, кроме узкого круга, ничтожной величиной, и с ней не считаются...» [69]. Вернадский же хотел, чтобы с ним считались.

Начиная с осени 1925 г. идет детальное обсуждение всех финансовых и технических проблем, которые удалось ре-

шить к февралю 1926 г. лишь благодаря настойчивости А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, П. П. Сушкина, А. Е. Ферсмана и В. Г. Хлопина, так как не все даже в руководстве АН СССР хотели идти навстречу требованиям Вернадского. Показателен эпизод с жалованием, которое выписали Вернадскому с 1 октября 1925 г., так как «...в это время Стеклова не было; приехав, он в очень грубой форме и при свидетелях отчитал Ольденбурга и деда (Карпинского. — *Э. К.*), но дело было сделано» [70]. С большим трудом удалось найти «подъемные» деньги, так как уже к началу 1926 г. Вернадский оказался без средств к существованию. «Наши средства на исходе, и если быстро не будет присылки из России, мы можем попасть в довольно затруднительное положение» [69]. Но он продолжает «держать марку» и в качестве важнейшего условия выдвигает восстановление в списке членов Академии и на посту директора до возвращения. Вопросы финансового обеспечения занимают в это время значительное место в письмах к Вернадскому его друзей из РАН, напоминая порой бухгалтерские отчеты.

Как только стало известно о намерении Вернадского вернуться в Россию, к нему начинают идти письма от бывших сотрудников и учеников с деловыми предложениями о кадровых изменениях, реорганизации учреждений, планах научно-исследовательских работ, закупке оборудования и т. д. Вернадский вновь чувствует себя востребованным, и его настроение резко улучшается. Пришли слова сочувствия и пожелания мужества от Ф. И. Родичева, который считал для себя невозможным вернуться туда, где нет свободы слова и царит «отвратительнейшая тирания — мартышек, которые очки „то понюхают, то полижут“» [71]. Сам он не верит рассказам Иоффе и Ольденбурга о внимании большевиков к науке, считает их разрушителями народной школы и высшего образования и возмущен сравнениями В. И. Ленина с Петром I, так как созданные в СССР университеты и научные институты Родичев воспринимал как потемкинские деревни. Позднее в год «великого перелома» Родичев отмечал, как вредно для национального самосознания идти на поводу у аморальных властей. «Для массы издевательства над их верованиями ужасно вредно. Это приучает молча переносить озорство власти и презирать себя за попустительство, и придумывать себе потом извинения. А власть приучает к разнузданности: „прикажут — придут сами сечься“ — говорил когда-то Троцкий» [72].

Последние попытки дочери отговорить отца от возвращения в Россию были отвергнуты в резкой форме [73]. Вернадский писал, что это равносильно требованию совершить «бесчестный поступок» или «нравственное самоубийство». Он считал, что подобное нельзя ждать от человека, «еще живого и полного духовных сил». Тем более ему было непонятно: «Во имя чего бы я это сделал? Во имя любви к детям? — но первая основа любви именно к ним — верность и искренность своей жизни... Из-за страха тюрьмы или неприятностей? Из-за тяжестей жизни? Из-за страха, наконец, смерти? ...Все эти ценности не отвечают той жертве, которую ты считаешь вправе от меня требовать». Он советует не гордиться ненавистью к большевикам, а глубже всмотреться в жизнь. «Ненависть к большевикам — как норма жизни — есть духовное рабство в их свите, так как жизнь гораздо шире, чем узкие и неглубокие их о ней представления». Избрав же ненависть как норму жизни, тем самым привязываешь себя к ним.

Сам же Вернадский воспринимает большевиков как «несчастье, связанное с глубоко гуманным исканием выхода из бедствий окружающей жизни». Главный их недостаток он видит в попытках построить жизнь по законам разума и логики, что неизбежно ведет к еще большим несчастьям и лишениям. Благодаря большевикам «открывается редкая в истории возможность влияния на жизнь людей больших преступников и великих грешников. Убийцы, воры, грабители... нашли себе организацию и влияют на жизнь России — да и всего мира — в небывалой почти раньше силе, ...но бороться с ними бесполезно». Эта ненависть и борьба принесет только новые беды России. Он считает, что его поколение, как и часть более старых и молодых, «виновато в том, что произошло, не меньше, а в равной степени с большевиками». Вернадский подчеркивает, что возвращается в Россию из командировки, а не из эмиграции, поскольку задержался по сугубо научным, а не политическим причинам. И возвращается обратно, осознав, что только в России он может реализовать свои научные планы.

Не отрицая рабских условий жизни в России, Вернадский уверен: «Ничто не сломает моего свободного духа и между ним и окружающей рабьей атмосферой останется непроходимая пропасть... » [Там же]. Таким образом, решение вернуться в Россию было принято Вернадским вопреки воле родных и ближайших друзей. Подавлен был сын Георгий, бурно волновалась дочь, неистовствовала Гольштейн. Последняя называла поступок Вернадского безумием, донкихотством, за которое поплатится прежде всего «ни в чем не повинная» его жена Наталья Егоровна [14, с. 411]. Весьма кри-

тически настроенная к науке вообще и к научным занятиям Вернадского в частности, она не желала понять, как ради возможности продолжить занятия наукой можно вернуться к большевикам. Не принимала Гольштейн и ссылок Вернадского на «данное слово вернуться». Более того, она боялась, что «его там прижмут за долгое пребывание за границей и за позднее возвращение. Никто не поверит, что он вернулся, выполняя данное слово, объяснят это тем, что не удалось ему устроить свою жизнь здесь, и вот там, в Совдепии, его будут кормить» [Там же, с. 412]. Правда, допускалось, что прижимать не будут, а «окажут великий почет».

Но Вернадский уже не слушал никакие пророчества. Он был уверен, что полное погружение в научные изыскания позволило многое пережить «совсем иначе, чем переживается вокруг меня» [28, с. 217]. Более того, он убеждался не раз «в неправильности всех оценок и построений, которые делались по отношению к переживавшимся нами событиям, и не вижу никаких гарантий и никаких указаний на то, что дальнейшие теперешние оценки тех же людей были верны» [Там же]. Себя он сравнивал с тем китайским мандарином, который стал ближайшим помощником Чингиз-хана и «благодаря ему, а не его моральным противникам, Китай не постигла судьба Средней Азии, где все было уничтожено. И этот мандарин был морально прав» [Там же]. Проводя аналогию с миром живого, где из миллионов родившихся выживают единицы, он считал оправданным сотрудничество с большевиками, так как и при них появляются ростки будущего. Таким образом, процесс переоценки «идеалов жизни», начавшийся в годы гражданской войны, завершился выводом не только о возможности, но и необходимости сотрудничать с самыми жестокими правителями, если, в конечном счете, это сотрудничество будет полезно для науки, страны и народа в целом.

С таким настроением 8 марта 1926 г. Вернадский с женой прибывает в Ленинград. О его воодушевлении увиденным и открывшимися перспективами осуществить заветные мечтания свидетельствуют письма к детям в первый год пребывания в СССР [74]. Вот некоторые из его оценок состояния науки в СССР в 1926 г.: «То, что сделано за эти годы в Академии, удивительно! Размах работы совершенно небывалый в русских ученых учреждениях: я думаю, сейчас Минералогический Музей на континенте (не считая Лондона) станет на первом месте и не только по собраниям, но по темпу работы и ее охвату, в этом последнем отношении он выше Лондона. Ничего аналогичного во Франции нет... Почвенный Музей Академии (старый Докучаевский) — единственный в Европе... КЕПС превращен в огромный институт, и сейчас начинается систематическое изучение во всех отношениях республик СССР в Азии... Академия — это целый новый городок последовательных учреждений — будущее их мне представляется огромным». Это писал Вернадский сыну на следующий день после своего возвращения в Ленинград. В последующих сообщениях он подчеркивает образованность и преданность делу научных сотрудников, их серьезное отношение к исследуемым проблемам, всяческую поддержку своих планов со стороны АН СССР и т. д.

Исчезла неуверенность в будущем. Вернадский возглавляет ряд академических учреждений и комиссий, организует масштабное изучение химического состава организмов, результаты которого публикуются в «Трудах Биогеохимической лаборатории», в «Известиях АН СССР», в «Докладах АН СССР», в «Природе», в серии сборников и монографий. Биогеохимические идеи Вернадского разрабатывали не только сотрудники Биогеохимической лаборатории. По его программе проводились исследования живого вещества в Государственном радиевом институте, Петергофском естественно-научном институте, Старосельской, Севастопольской и Мурманской биологических станциях, Шатиловской опытной станции, Государственном океанографическом институте, Институте биохимии АН УССР и многих других. В этих исследованиях участвовали ученые самых различных специальностей: биологи, экологи, почвоведы, геологи, медики и т. д. Интеллектуальное воздействие идей Вернадского шло по возрастающей, захватывая все новые и новые отрасли науки [75]. Именно это позволяло Вернадскому с оптимизмом смотреть в будущее в самые трагический период в истории нашей страны [76, 77]. Таким образом, вернувшись в СССР, Вернадский действительно получил колоссальные возможности воздействовать на ход развития науки. Значение его идей вышло и за пределы России [78]. В том же Йельском университете, где не нашлось места Вернадскому в начале 20-х гг., крупнейший американский эколог Дж. Е. Хатчинсон начал читать в 1946 г. курс лекций по биогеохимии и с гордостью отмечал, что, вероятно, «это был первый курс лекций по этому предмету, прочитанному вне России» [79, p. 249].

Заключительные заметки

Вопросы мифотворчества в истории науки всегда были за пределами моих научных интересов, хотя я до сих пор

продолжаю удивляться, почему модными у нас часто становятся ученые, не оставившие реального следа в мировой науке. Создается впечатление, что бессознательно идет «раскрутка» некоторых героев, чтобы еще раз подтвердить анекдот о «России — родине слонов» и затем приступить к ритуальному сожжению «всего, чему поклонялись, чтобы поклониться тому, что раньше сжигали».

Но мифы не умирают так легко. Они крепко живут в нашем сознании, модифицируясь под влиянием запросов сегодняшнего дня. В основе мифов перестроечной эпохи лежит давняя склонность — патриотизм и гражданское мужество видеть в неподчинении властям, в громких разоблачениях их неблаговидных поступков, в апелляции к так называемому международному общественному мнению. И это понятно. В извечном антагонизме между власть предержащими и народом борцом за народные интересы становился вождь взбунтовавшихся казаков, решивших вместо обычных бесчинств в чужих странах «погулять» на родной земле, и эмигрант, за рубежом звонящий в колокол, пробуждая очередное поколение революционеров. Особенно патриотичным считалось провести семнадцать лет за границей и затем, призвав к поражению собственной страны в мировой войне, развязать братоубийственную бойню.

Перестройка лишь поменяла имена героев. На смену борцам с царским строем ради светлого коммунистического будущего были призваны реальные или мнимые борцы с тоталитарным режимом во имя столь же лучезарного капиталистического завтра. Пример с генералом Власовым показывает, насколько пластична наша мораль в подобном мифотворчестве. Не случайно в период создания перестроечных мифов внимание привлекли не научные достижения Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, Л. А. Орбели и И. П. Павлова, а прежде всего их противостояние режиму. При этом долгое время не задавались вопросом, почему некоторым из них до конца дней удавалось входить в обласканную властями научную элиту. Ведь оппозиция властям обычно, как это было с Вавиловым и Орбели, не оставалась безнаказанной. Так обладали ли эти люди гражданским мужеством?

По-моему, ответ на этот вопрос однозначен. Бесспорно да! В постперестроечное время, когда средства массовой информации ежедневно обрушивают тонны компромата на власть предержащих, «входящих во власть» и выходящих из нее, трудно представить, что только верность научным взглядам и отказ менять их в соответствии с колебаниями

линии партии были актами незаурядного мужества. Такое поведение воспринималось, как вызов режиму, и решившиеся на это знали, что выбирают не только для себя, но и для своих близких «путь на эшафот». Слова Вавилова «на костер пойдем, гореть будем, но от своих убеждений не откажемся» — не красивая фраза, а ясное понимание своего будущего из-за неподчинения официально одобренным доктринам.

Борьба за научные убеждения при сталинском режиме неизбежно приобретала политический характер. Всегда на одной стороне был сам «корифей всех наук» и мощный партийно-правительственный аппарат, а на другой стороне — ученые, отстаивавшие свободу научного творчества, свободу развития науки. И острота борьбы определялась именно этим противостоянием, а не разногласиями вокруг законов Менделя, учения об универсальной адаптивно-трофической функции симпатической нервной системы или же биогеохимической трактовки жизни. И не многие решались использовать свой авторитет для спасения российской науки, как это неоднократно делали упомянутые выше лидеры советской биологии. Были ли они патриотами своей страны?

И на этот вопрос возможен утвердительный ответ, хотя не было в их деятельности противостояния «гениям зла». Российские ученые всегда видели в науке способ служения государству и считали необходимым использовать ее достижения в практических целях для улучшения общества. И в этом их позиция всецело совпадала со взглядами зарубежных коллег, которые были убеждены, что «человеческому благосостоянию более всего содействует систематическое и рациональное приложение объективного знания», и ученые должны подавать пример бескорыстного поведения, «содействуя процессам, направленным на рационализацию жизни» [80, с. 50].

В соответствии с этой главной ценностью научного сообщества того времени интересы Вавилова фокусировались на проблеме использования мировых ресурсов растений на службу человека, на «проблеме хлеба» в самом широком смысле этого слова. А биогеохимические труды Вернадского задумывались прежде всего для выработки стратегии рационального использования материальных ресурсов страны. Развенчиваемые ныне корифеи отечественной науки за встроенность в коммунистический режим видели, что его вожди стремились развивать естественные и технические науки, когда на Западе стало модным в науке видеть причину общенациональных кризисов (как это было в Веймарской Гер-

мании и в США в годы Великой депрессии). Тогда там всерьез обсуждались предложения «устроить науке выходной», объявив многолетний мораторий на научные исследования.

Вернадский на своем опыте убедился, как трудно найти деньги для разработки новых идей. Сегодня вновь модно обвинять науку во всех экономических и социально-политических бедах. Но не столь уж наивными были представления Вернадского о том, что наука сама по себе является важнейшей целью бытия человека, и его искренняя вера в научную деятельность как преобразующий фактор коммунистического режима. Конечно, использование достижений науки в промышленном производстве и обороне способствовало укреплению режима. Но не случайно, что власти во все времена должны были считаться с инакомыслием крупных ученых и именно в научной среде укоренилось диссидентское движение, духовным лидером которого стал академик А. Д. Сахаров. Трудно переоценить и роль трудов самого Вернадского в осознании советской интеллигенцией в 70-80-х гг. неизбежности грядущих перемен в жизни нашего общества и не вина Вернадского, что они оказались далеко не такими, как представлялись на заре перестройки.

Перипетии Вернадского в эмиграции показывают, сколь важна государственная поддержка фундаментальных исследований и как ненадежны упования на развитие отечественных исследований за счет иностранного финансирования. Менталитет научного сообщества в нашей стране и отчасти во всем мире был бы другим, если бы Вернадский не получил на родине возможность реализовать свои творческие планы. Это еще раз доказывает, что история науки мало подходит для нравоучительных жизнеописаний в духе Плутарха. В ней чаще найдешь сюжеты о компромиссах ученого с властями ради осуществления своих идей, воспринимаемых как предназначение свыше. Но об оправданности этих компромиссов может судить только тот, кто осознает, что наука — это главная цель жизни.

И тогда исчезнут причины для придумывания новых мифов.

СПИСОК ЛИТЕАТУРЫ

1. *Lapo A. V.* Traces of Bygone Biospheres. Moscow, 1987; *он же.* Феномен Вернадского // Ноосфера. Духовный мир человека. Л., 1989. С. 13—24.
2. *Мочалов И. И.* Вернадский — человек и мыслитель. М., 1970; *он же.* Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М., 1982.

3. *Вернадский В. И.* Из писем разных лет. Публикации и примечания С. Р. Микулинского // Вест. АН СССР. 1990. № 5. С. 77—125.
4. *Bailes K.* Science and Russian Culture in the Age Revolutions. V. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863—1945. Bloomington; Indianopolis, 1990.
5. *Сорокина М. Ю.* Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX—XX вв.: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 248—255.
6. *Вернадский В. И.* О науке. Дубна, 1997.
7. *Синицына Г. С.* В. И. Вернадский — основатель Радиевого института // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., 1989. С. 302—329; *Таубман Е. И.* Первый центр по изучению радиоактивности в России // Там же. С. 371—377; *Визгин В. П.* Атомный проект в СССР. Предварительные итоги и новые материалы // ВИЕТ. 1996. № 2. С. 86—92; *Трифонов Д. Н.* К истории Комиссии по проблеме урана // Там же. С. 93—99.
8. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.
9. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981.
10. Отчет о деятельности РАН за 1917 г. Пг., 1917.
11. О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Вестн. народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6—8.
12. *Вернадский В. И.* Дневники 1917—1921. Киев, 1994.
13. Цит. по: *Неаполитанская В. С.* В. И. Вернадский и современность // В. И. Вернадский и современность: Сб. ст. М., 1986. С. 11—21.
14. История полувековой дружбы. Публикация А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. Вып. 18. 1995. С. 353—425.
15. Документы по истории Академии наук СССР. 1917—1925 гг. М., 1986.
16. *Петров Ф. Н.* Научно-исследовательские институты СССР // Молодая гвардия. 1925. № 10—11. С. 146—149; *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: история и современность. М., 1990.
17. Columbia University, Bakhmeteff's Archive, Gol'stein's collection. Box 3. Письмо В. И. Вернадского А. В. Гольштейн. 14 марта 1922 г.
18. Ibid. Vernadsky's collection. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну (Г. В. Вернадскому). 1921 г. (без даты).
19. Ibid. Gol'stein's collection. Box 3. Письмо В. И. Вернадского А. В. Гольштейн. 1 мая 1921 г.
20. Ibid. Vernadsky's collection. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 15 июня 1921 г.
21. Ibid. Письмо В. И. Вернадского сыну. 12 июля 1921 г.
22. Ibid. Box 53. Письмо А. И. Петрункевича Г. В. Вернадскому. 25 сент. 1921 г.
23. Ibid. Письмо В. И. Вернадского сыну. 26 марта 1922 г.
24. Ibid. Box 6. Письмо И. И. Петрункевича В. И. Вернадскому. 13 июля 1922 г.

10 Зак. 3008

25. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 13 авг. 1922 г.
26. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 12 июля 1921 г.
27. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 4 янв. 1923 г.
28. «Я верю в силу свободной мысли». Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 204—221.
29 Columbia University, Bakhmeteff's Archive, Vernadsky's collection. Box 85. Письма Я. В. Самойлова В. И. Вернадскому. 20 окт. 1922 и 26 апр. 1923 г.
30. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 9 июня 1923 г.
31. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 21 июня 1923 г.
32. Ibid. Box 6. Письмо И. И. Петрункевича В. И. Вернадскому. 20 февр. 1923 г.
33. Ibid. Box 86. Выписка от 23 мая 1923 г. из протокола № 1047 Президиума РАН.
34. Ibid. Письма В. Г. Хлопина В. И. Вернадскому. 8 июня 1923 г. и 26 нояб. 1923 г.
35. Ibid. Письмо П. П. Сушкина В. И. Вернадскому. 28 нояб. 1923 г.
36. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 24 мая 1923 г.
37. Ibid. Письмо В. И. Вернадского дочери. 29 июня 1923 г.
38. Ibid. Box 86. Выписка из протокола № 1800 заседания Президиума РАН от 12 сент. 1923 г.
39. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 11 дек. 1923 г.
40. Ibid. Box 86. Письмо Ф. Славика В. И. Вернадскому. 23 нояб. 1923 г.
41. Ibid. Box 85. Письмо А. И. Петрункевича В. И. Вернадскому. 21 сентября 1922 г.
42. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 4 нояб. 1923.
43. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 16 фев. 1924 г.
44. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 108. Л. 34—34 об. Письмо В. И. Вернадского С. Ф. Ольденбургу. 6 апр. 1924 г.
45. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. М., 1985.
46. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 173. Л. 31 об.
47. Columbia University. Bakhmeteff's Archive, Vernadsky's collection. Box 86. Письмо А. Е. Ферсмана В. И. Вернадскому. 21 июля 1924 г.
48. Ibid. Письмо А. Е. Ферсмана В. И. Вернадскому. 30 июля 1924 г.
49. Ibid. Письмо А. Е. Ферсмана В. И. и Н. Е. Вернадским. 7 авг. 1924 г.
50. Ibid. Письмо А. Е. Ферсмана В. И. Вернадскому. 8 авг. 1924 г.
51. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 8 авг. 1924 г.
52. Ibid. Box 86. Письмо П. П. Сушкина В. И. Вернадскому. 4 нояб. 1924 г.
53. Ibid. Письмо П. П. Сушкина В. И. Вернадскому. 19 окт. 1924 г.
54. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 30 июня 1925 г.
55. Ibid. Box 87. Письмо П. П. Сушкина В. И. Вернадскому. 21 мая 1925 г.
56. Ibid. Письмо С. П. Тимошенко В. И. Вернадскому. 29 янв. 1925 г.
57. Ibid. Письмо С. П. Тимошенко В. И. Вернадскому. 14 марта 1925 г.
58. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадскому дочери и сыну. 8 мая 1925 г.
59. Ibid. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 14 апр. 1925 г.

60. Ibid. Письмо В. И. Вернадского дочери. 5 мая 1924 г.
61. Ibid. Письмо В. И. Вернадского сыну. 15 апр. 1925 г.
62. Ibid. Письмо В. И. Вернадского сыну и дочери. 8 мая 1925 г.
63. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. М., 1979.
64. Columbia University. Bachmeteff's Archive, Vernadsky's collection. Box 87. Письмо А. Е. Ферсмана В. И. Вернадскому. 1 июня 1925 г.
65. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 21 авг. 1925 г.
66. Ibid. Box 87. Письмо А. П. Карпинского В. И. Вернадскому. 29 июня 1925 г.
67. Ibid. Письмо В. Г. Хлопина В. И. Вернадскому. 27 июля 1925 г.
68. Ibid. Письмо В. Г. Хлопина Н. Е. Вернадской. 10 авг. 1928 г.
69. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского сыну. 10 нояб. 1925 г.
70. Ibid. Box 87. Письмо П. П. Сушкина В. И. Вернадскому. 4 нояб. 1925 г.
71. Ibid. Box 87. Письмо Ф. И. Родичева В. И. Вернадскому. 24 янв. 1926 г.
72. Ibid. Письмо Ф. И. Родичева В. И. Вернадскому. 28 авг. 1929 г.
73. Ibid. Box 11. Письмо В. И. Вернадского дочери. 17 нояб. 1925 г.
74. Ibid. Письма В. И. Вернадскому сыну: 9 марта, 20 марта, 24 марта, 5 июля, 12 окт. 1926 г.; Письма В. И. Вернадского дочери: 14 марта, 19 окт., 31 дек. 1926 г.
75. *Колчинский Э. И.* Школа В. И. Вернадского и проблема эволюции биосферы // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. СПб., 1994. Ч. 2, кн. 2. С. 12—22.
76. *Вернадский В. И.* «Я смотрю вперед очень оптимистично...» (письма к сыну и дочери) // ВИЕТ. 1993. № 4. С. 56—67.
77. *Вернадский В. И.* «Я сделал, что мог...» (Письма к сыну и дочери) // ВИЕТ. 1994. № 1. С. 105—113.
78. *Колчинский Э. И.* Эволюция биосферы. Л., 1990.
79. *Hutchinson G. E.* The Kindly Fruit of the Earth: Recollections of an Embrio Ecologist. New Haven; London, 1979.
80. *Коулер Р.* Менеджмент науки в Рокфеллеровском фонде: Уортен Уивер и программа фонда по молекулярной биологии // ВИЕТ. 1996. № 2. С. 48—85.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

SUMMARY

> Neither temptation nor salvation
> Appear out of nowhere.
> Each person carries within oneself
> Their own Jesus and their own Judas.
>
> A. M. Ugolev

The history of biology in the USSR is a popular topic for social historians of science. Mostly, they pay particular attention to Lysenko's activities, and his connections with general party-state policy. The biological community, as a rule, is depicted as a victim of the Lysenkoists. The question arises then, why did these scientists willingly cooperate with the Stalinist regime, often participating in its pseudo-scientific projects? We suggest that Lysenkoism appears as the ugliest result of the Stalinist regime because of its connections with the deformation of biologist's Ethics during the years of the NEP and the «Cultural Revolution». i. e. between 1922 and 1932. During this period it was not only the political leadership, but also, and primarily, the scientists themselves, who initiated the ideologization of natural sciences. Displacement in the consciousness was reflected in the struggle within the biological community: in the reaction of various groups of scientists to the sovietization, proletariatization and dialectization of biology; in the influence of these processes on the themes and language of research; on the rituals of scientific events, on the ideas, values, and traditions of biologists; on their interrelationship with the authorities, and on the style of scientists behaviour.

In the historical literature these events are usually described from the perspective of some group that participated in the biological discussions during that period. This research does not

reveal the ethical and social-psychological motives of the activities of individuals, but rather, automatically evaluates them as right or wrong. Although, many scientists, having been submitted to the terrors of World War I and the Civil War; and the deaths of close-ones from cold, hunger, pogroms and executions, were inevitably demoralized. This condition is manifested in their later scientific behaviour. Biologists, as well as the suppressed majority of the scientific intelligentsia, evaluated the Bolsheviks seizure of power as a national catastrophe. S.F.Oldenburg, the Permanent Secretary of the Academy of Sciences, reported that: «Russia stands on the edge of destruction». Galls were soon heard from the government organs for the quick destruction of previous scientific institutions seeing them as «the completely unnecessary survivors of the pseudo-classical epoch in the development of class society».

Biologist's feelings about these conditions are exemplified by V. I. Vernadsky's statement in 1921: «Everything is befouled and deteriorating, nothing can be done to succeed... Higher education has long been crippled and is now suffering through a terrible crisis». The situation in the Academy of Sciences (AN) was evaluated as such: «...in general, there is the strongest feeling of slavery, and a complete absence of improvement of any kind». During the Civil War, of the great biologists only K. A. Timiryazev demonstrated the compatibility between Darwinism and Marxism. As a result of the arrests and searches, the future Coryphaei of Soviet biology (V. I. Vernadsky, physiologist A. A. Ukhtomsky, geneticist N. K. Kol'tsov, hydrobiologist K. M. Deriugin, and others) trained themselves to be loyal to the Soviet authorities and their ideology.

This loyalty was necessary to the communist leaders, whose faith in the possibilities of science induced them to create new institutes and universities at a level that preRevolutionary scientists could never have dreamed of.

The Bolsheviks' pro-science policy was also embodied in the organization of departments for new branches of biology, in the creation of journals, and in the translation of the essays of classical biology scholars and Western scientists. Close attention was devoted to evolutionary biology and genetics, in which there were great hopes for the transformation of society, agriculture and nature. It was not happenstance that geneticist and biologist N. I. Vavilov became the first president of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences (VASHNIL). The Bolsheviks, in the beginning, allowed almost all biologists, independent of their origins and political views, to continue their previous research; head laboratories, departments, and institutes,

and to train the next generation of scientists. As a result, great biologists such as I. P. Pavlov refused to emigrate. Realizing their dependence on the government, biologists strove to collaborate with the authorities, and to find patrons in the party leaders using them to solve organizational and financial problems.

The Bolsheviks, needing in a scientific intelligentsia, but not trusting the current one, started creating new establishments by the time of the Civil War. The new Communist Academy (Komakademia), Communist Universities (Komvuz), and the Institute of the Red Professors (IKP) trained party personnel in the natural sciences and other fields. Subsequently, instructors found themselves without enough work. Yet, in the words of the future Nobel Prize laureate I. E. Tamm, all that was required to receive «rations, board, salary, and the general material provisions needed to pursue our scientific work» was a declaration of adherence to materialism.

The ideologization of biology, which also began during the NEP, was originally carried out by Marxists who had a confused understanding of biology. They indiscriminately divided it into dialectical and metaphysical concepts, supporting their ideas with the laws of dialectics: A. N. Bartenev, L. Bogolepov, G. A. Gurev, M. Popov-Podolsky, V. Sarabianov, and others. Blamed for vulgarizing Marxism they were forced to relinquish their positions to professional biologists. In 1925 botanist B. M. Koso-Polyansky, systematist A. A. Liubishchev, psychoneurologist V. M. Bekhterev, geneticist A. S. Serebrovsky, and embryologist M. M. Zavadovsky, published works in which they desired to demonstrate to the authorities their devotion to the official philosophy.

The discussions became politicized when young biologists and philosophers, having received an often accelerated education in the RabFacs (Department of Young Worker's Education), IKP, and Komvuz's, began to participate. Right from the very beginning these new biologists discussed scientific problems from a dialectical materialist perspective. They include: botanist I. M. Poliakov, physiologist B. M. Zavadovsky, and geneticist N. P. Dubinin. Especially telling are the activities of I. I. Agol, S. G. Levit, V. N. Slepkov, and E. A. Finkelstein. At the close of the NEP they were heading organizations directed at the solving of biological problems using dialectical materialism. Having learned from their experiences during the Civil War and the party and student purges, they actively used political arguments. They introduced a spirit of irreconcilability to their opponents' views, accusing them of vitalism, mysticism, idealism,

and teleology. The ideological uncompromisingness of this generation of biologists was largely adopted from their German teachers, amongst who were M. L. Levin and Ju. Schaxel; «erster Marxist unter den Biologen und erster Biologe unter den Marxisten». Other participants in the discussion also adopted a similar style. Aggressiveness increased in the formulaic language. Speaking at the Communist Academy on November 20, 1926 geneticist A. S. Serebrovsky invoked those present to «disperse the fog of Lamarckism» and called for an uncompromising war «in the name of revolutionary Marxism everywhere, starting here in the camp of our own Communist Academy». Th. Dobzhansky writes in his reminiscences that by 1926 the arguments in the biological debate often appealed to dialectical materialism.

Arguments concerning the practical significance of scientist views to the construction of a new world, also became common. For example, M. Volotskoi maintained that the violent prevention of the birth of individuals with undesirable genes (including using sterilization) would allow for the improvement of human populations, and hasten the construction of socialism. Sterilization, in his opinion, would stop the reproduction of offspring with pathological-anatomical deviations, would lower the intensity of the struggle for existence in society, would put an end to anarchy in reproduction, and would add a systemic organization to social processes. Another example of this concern is N. I. Vavilov's many foreign expeditions, which were financed during a state of severe crisis. During these expeditions Vavilov searched for the materials which would enable the quick breeding of the highly productive and stable sorts of plants he had promised.

Under the forming totalitarianism, ideological discussions resulted in personnel shifts and department rearrangements (Orgvyvody). Open careerism was often masked with ideology, which is why it is now so difficult to establish the original motives of particular individuals' actions. Young biologists objectively perceived the traditional scientific schools as competitors, and, attempting to hasten their professional careers, accused their own teachers and colleagues of devotion to «bourgeois» science. But, many biologists of the older generation participated in Marxist organizations and journals, attempting to preserve or raise their status, to receive financial support, to overthrow competitors, and to defend themselves against malicious attacks.

The first stages of the stalinization of biology occurred on the background of an ideological struggle between the repre-

sentatives of various trends in biology, for example, between the proponents of Darwinism and Lamarckism, the adherents of V. A. Wagner, I. P. Pavlov, A. A. Ukhtomsky, and V. M. Bekhterev in physiology and psychology. In the absence of clear notions of dialectical methodology they could declare that the conceptions dear to them corresponded to Marxism, while the views of their opponents and competitors did not. There are instances during the course of the discussions when a scientist's views did change, but each time it appeared that they were based on Marxism. For example, the future director of the medical-genetics institute S. G. Levit was, at first, certain that it was essential for Marxists to recognize the inheritance of acquired characteristics. But his later acquaintanceship with geneticists changed his views. He then argued that only natural selection and the chromosomal theory of inheritance corresponded to dialectical materialism.

In an environment of bitter discussions on the general theoretical problems in biology, and in the struggle with «pavlovism», «bekhterevism», «raikovism», and «kornilovism» the practice was formed of labelling opponents, and ostracizing them as reactionaries and accomplices of the world bourgeoisie. These aspirations took the form, not so much of convincing one's opponents, but rather of pointing out to the powers the harmfulness of their views. Not many dared to speak out openly against the dialecticalization of biology. The majority of scientists limited themselves to statements concerning the materialistic direction of their research.

In the years of NEP Moscow was the centre of ideological storms in biology, for there were situated major Marxist institutions there, and closeness to the Party and government circles intensified the struggle for their patronage. Dialectization of biology in Leningrad acquired no serious support of scientists. Before the cultural revolution there were no branches of the Komakademy. Up to 1928 only a few people were members of the natural science section (organized in 1923) of the Scientific Society of Marxists (NOT), Among these members physiologist A. A. Ukhtomsky (a descendant of the Duke Riurik) and ornithologist P. V. Serebrovsky (who had served in Vrangel's white army) only had authority with the scientific community. Section sessions were attended by 10 to 15 people. The NOM plenary sessions were also attended by 8 to 12 of its members, and the University hall was filled by students and military men on duty.

From 1925 on I. I. Prezent took part in the natural science section's work. He assembled a group of students and often

tried together with them to destabilize the work of the section, but he was stopped by its leaders and the NOM officials. In spring 1928 Prezent joined the philosophical section of the Leningrad Research Institute for Marxism-Leninism Studies (LIM), just created by the staff of the Leningrad Communist University. In correspondence with Deborin's ideas Prezent considered his task to consist in «building the immanent logic of biological process».

Up to the end of 1927 it was clear that the NOM did not succeed in propaganda of Marxism among scientists and in introducing Marxist methodology into science. The NOM got into a serious situation after foundation of the Institute for Marxism-Leninism Studies. The Institute officials' intention to incorporate the NOM into their organization was backed up by the Regional Party Committee. One year and a half were spent in efforts to show to various officials the difference of the society's and the institute's tasks, but in vain. The NOM was closed and only two of its members, P. N. Ovchinnikov and I. I. Prezent, actually took part in subsequent dialectization of biology. Liquidation of the NOM was connected with the beginning of «the great break» and «the cultural revolution».

The beginning of the «Cultural Revolution» and the «Great Break», which were called upon to definitively subordinate science to the problems of the construction of socialism, changed sharply the whole situation. Before this the authorities had not interfered in the discussions, using internal scientific competition to carry out its policies. But it seems that the system of preparing proletarian personnel in the Komakademia, the IKP, and the Komvyz's, created by the authorities, had not succeeded in displacing «bourgeois» specialists. For example, in the natural sciences the party layer made up an insignificant minority. The desire to quickly change that situation is one of the causes of the «Cultural Revolution».

In April of 1929 the director of the Komakademia M. N. Pokrovsky called for ending the peaceful existence with non-Marxist-naturalists and the overcoming of «fetishism before bourgeois scientists» Shortly after, at the 2nd All-Union Conference of the Marxist-Leninist Organizations, the mechanists were condemned for having demonstrated that contemporary natural science was, in and of itself, dialectical. Rather, A. M. Deborin's ideas, concerning the restructuring of natural science on the basis of materialist dialectics, received official support. It had now become possible to reject any scientific conception for not corresponding to Marxism, and Deborin's opponents suffered under steady criticism.

In just two years time the «deborinists» themselves were accused of capitulating before bourgeois science, alienating theory from practice, political indifference, and academism. The requirement of relating science to the problems of the construction of socialism allowed for both the liquidation of any biological trend, and the accusation of alienating practical work.

In order to ideologically control scientists all plans for scientific work and educational programs were required to be presented to the Association of Natural Science of the Communist Academy. The previous organizer of the worker's militia in Germany, E. Kol'man, became the Association's director at the beginning of 1931. Kol'man was even ready to rework Newton's Laws, and Boyle's Law from the perspective of dialectical materialism. He asserted that biology in the USSR was swarming with saboteurs; geneticists were supporting eugenic measures, zoologists and botanists were resisting the creation of giant Soviet farms, ichthyologists were unnecessarily lowering the capacity of ponds and rivers. The works of Deborin's followers in biology (I. I. Agol, S. G. Levit, M. L. Levin, A. S. Serebrovsky, and others) were declared anti-Marxist. Their places at the heads of the Komakademia, and Marxist societies and journals were occupied by the subsequent cohort of biology dialecticizators lead by B. P. Tokin. Included in their number were several representatives of the old intelligentsia (A. N. Bax, B. A. Keller, B. P. Williams, A. I. Oparin, A. B. Nemilov, and B. P. Bushinsky). All scientists were subjected to verification and «scrutiny», but the overthrown leaders of «dialectical biology» were first compelled to repent their «political and philosophical mistakes».

Thus, it was not so much a struggle with «bourgeois» scientists, as much as it was a competition for leadership posts, patronage of the Party elite, finances, and greater influence, that were the driving forces in the sovetization of biology. The victors occupied the liberated positions with clear consciences, often having assisted in the overthrow of their predecessors. After directing biology in the Komakademia B. P. Tokin was prepared to battle with Vavilov. But Tokin did not succeed in dealing with the «mechanist materialists and the Menshevist idealists» as is shown by O. B. Lepeshinkaya's (the future author of the concept of «living matter») proposal to the Commission of Part Control to begin an investigation of Tokin's own actions. There are many documents in the archives, which show that the future inexorable champions against Lysenkoism were not squeamish to use Marxism to discredit their scientific opponents.

At every stage of the «Cultural Revolution» increasingly aggressive groups came to leadership, and the ideological terrorizing of biologists became stronger. The rivalry was especially cruel between people who were aspiring to cooperate with the authorities. The activity of Leningrad Marxist organizations in the years of the cultural revolution was an important premise of a Lysenkoist variant of the «Soviet biology». These organizations were led by I. I. Prezent, who then became the main assistant and ideologist of T. D. Lysenko. With the help of earlier uncovered archive documents it was showed Prezent's and his collaborators' activities in sovietization, what led him to the alliance with Lysenko and the like.

In the end, the future Lysenkoist, I. I. Prezent became a victor in the struggle. He left Deborin's sinking boat just in time. Prezent opportunely adopted the idea that, readiness to blindly follow Stalin's politics, and to alter one's views accordingly, had become the single criteria of truth in biology. This allowed for Prezent's «success» all the way up to his «golden hour» at the August session of the VASKHNIL in 1948.

Just after Deborin's crush, in the years of the «Cultural Revolution» Prezent directed the natural science sections of both the Society of Militant Materialist-Dialecticians (OBMD), and the Society of Biologist-Marxists (OBM); the Biological Section in the Leningrad Branch of the Komakademia (LOKA), which appeared in 1931 at the Institute of Natural Science, the department of dialectic nature and general biology at the university, and a series of other organizations. These organizations were created to carry out Party policies amongst biologists and to eradicate all pretensions of nonconformism. Prezent, like no other, was able to impart to any discussion a character of intense class struggle whether it be on teaching methods or environmental protection. In March of 1931, at the first meeting of the Biological Section (LOKA) he prophesied: «The October Revolution has just begun to reshape the theoretical environment... We need to scrutinize everything. We should conduct a general survey and gather material widely and massively from all establishment».

Originally it was proposed: to study the reactionary flows in genetics and botany and to explain their harmful influence on the work of applied establishments, to study the preparations of the All-Union congresses with the goal to seize the leadership of scientific societies; and a methodological survey of all biology departments in the high schools, and their works from the entire period after the revolution. References to party documents were demanded from all scientists, declaring that in biology there

were no scientific schools, there were only party schools and anti-party schools.

A clear manifestation of these new tendencies in Stalinist biology was the shattering of the traditional schools. The All-Union congresses in genetics, zoology, botany, physiology, and environmental protection showed that many scientists were ready to enter «the avantgarde in world science» and conduct scientific research in agreement with party directives. For example, in the first All-Union congress in genetics, selection, seed-growing, and pedigree animal-husbandry, genetics was accepted as a model of science. It was not simply capable of miracles; but was already working wonders in the shortest time and was able to transfer its achievements to the field. Likening the geneticist to a creator, Vavilov said that the geneticist «should act as an engineer, he is not only obliged to study the materials for construction, but he can and should build new types of living organisms». Vavilov included the Genetic-Selection Institute in Odessa, where T. D. Lysenko was already working, in the number of establishments, which «were ahead of the scientific organizations of the entire world».

Thus, geneticists themselves began to cultivate a faith in the quick acting methods of agricultural development. Although, the harvest of that faith from the Stalinist fields was reaped by the Lysenkoists. The geneticist A. S. Serebrovsky suggested switching to socialist eugenics, or as he referred to it anthropotechnics. The essence of which consisted of increasing the number of offspring with desirable traits by way of artificially fertilizing females with sperm taken from talented and valued males. In his opinion, this would allow for completing the Five Year Plan in two and a half years.

Recently it was shown that competition between applied fisheries science and the State Oceanographic Institute resulted in the liquidation of the Murmansk Biological Station and the arrest of its workers. These scientists were accused of insufficiency in economic knowledge of catching herring in the Barents Sea and in advocating harmful theories of happenstance herring migrations to the shore.

The «Cultural Revolution» was supported by emigrants from new sections of society who did not have sound professional knowledge, but who were striving to quickly raise their own status. Young people aspired to eliminate the exclusivity of science by drawing the broad masses into the discussions of scientific problems and by the exposure of «reactionary» professors. In reward for their participation in the struggle with «bourgeois» specialists they were promised a fast career. They

conducted their operations keeping a steady eye on the party leadership. Prezent's wife B. G. Potashnikova, referring to the struggle with Vavilov, noted: «Vavilov's case should have been discussed with the ObKOM (Regional Party Committee)» and concluded that, «...regarding the scrutinization of Vernadsky, Pavlov and others, we can no longer touch them».

Brigades were formed from such «specialists», who were bursting to go into action, «scrutinizing» the theories of the leaders of scientific schools in genetics, biogeochemistry, ecology, and forestry. The brigades arranged lectures, debates, audited the study plans of students and graduate students, prepared themselves for the All-Union conferences of the various biological fields, and discussed plans to reorganize scientific societies. The caste character of which, especially aimed at stirring up the youth who did not have printed work. The activities of these brigades made it very unpleasant for the biologists who fell under scrutiny. Others were arrested and sent to remote cities: a third were condemned and spent many years in the work camps. Executions also began.

The main goal of the «Cultural Revolution» — to attract a large number of scientists to Marxist organizations and to «stratify» the specialists — failed. Part of the biological community, outwardly adopting the new terminology and rituals of scientific measures, continued to work as before. Others openly came out against the attempts to ideologize biology, calling it demagogy and phrase-mongering (V. I. Vernadsky, M. G. Popov, V. I. Taliev, B. E. Tishchenko, I. N. Filipjev). The scientists recognized the danger and repulsed the critics. The largest societies, created for the control of biologists, numbered not more than two hundred members, and that was the official tally. The mobilized communists requested them «to fill out all cards upon entrance to the societies, not aspiring to even know their names». From the application forms it is apparent that the majority of people simply mechanically filled them out and, most likely, did not even know they had enrolled in the society. Complaints about the absence of the scientific public's support, and the passivity of their own cells soon became the main leitmotif of the speeches at the innumerable meetings of the presidiums, boards and bureaus.

The crash of this cavalry attack on biology was also due to the lack of any variant of «soviet biology», using which one could regulate researches. While carelessly prepared graduate students could not seriously criticize biologists the struggle against them was more successfully conducted by both the Commission for «Purging» the Academy of Sciences, VASHNIL, and

the universities; and later, also by the OGPU (The Secret Police), which arrested and exiled disagreeable biologists.

Prezent, aware of his failure, decided to find a patron, who was popular with the Party leadership and on behalf of whom a theoretical basis for new efforts in sovietization of biology could be created. Prezent already knew that he could not find such a person in Leningrad, and no one of the local scientists would collaborate with him. That was why Prezent composed in April 1932 a report for the heads of the Institute of natural science on the necessity for a group of postgraduates and researchers from biological department to visit T. D. Lysenko at the Genetics and Selection institute (Genetiko-selektsionnyi institut) in Odessa, Askania-Nova reserve and I. V. Michurin. The object of a trip was to make a collection of papers on new methods in experimental transformation of organisms.

This proposal was delightedly received by Lysenko. His letter to Prezent of 22 May 1932 was evidently one of their first contacts. Lysenko did not yet know the right name of his future main assistant and called him «Isay Isaevich». Lysenko considered the visit of the brigade from the Komakademy to be «very desirable... at least for a month». Mutual readiness to collaborate proved to be very fruitful. One can read out from a letter of 6 November 1932 from Lysenko to Prezent, that they had already begun to write papers together. Lysenko asked him to finish a paper and considered it to be «a result of the Komakademy brigade's work». That was how the long-lasted Lysenko-Prezent collaboration began, and its consequences played so sinister a role in the whole soviet biology.

Before Prezent came back from his voyage to Lysenko, in the Summer of 1932 the liquidation of organizations and journals, which had been created for the indoctrination of Marxism into biology, began. The Institute of Natural Science at the Leningrad branch of Komakademy (LOKA), being ineffective, was liquidated at the LOKA Presidium session of 11 July 1932. Some days before the Association of Natural Science in Komacademy was liquidated. In a short time «For Marxist-Leninist Natural Science» and «Problems in Marxism» journals were closed, and they had been the main organs in dialectization of biology at that stage. The fate of «Problems in Marxism» journal was defined by one Stalin's phrase: «There are neither problems, nor Marxism there». Soon OVMD, VARNITSO and OBM also vanished, for they did not manage to involve many participants, as they had to do according to the cultural revolution leaders' idea. Many of the leaders perished in repressions of 1930s. Prezent once more managed to leave the sinking boat and find a patron to dialectize biology together with him.

The Stalinist «mass campaigns of revolutionary youth on science» cultivated a generation that was always at the ready to search out enemies of socialism, and which became the basis of Lysenkoism. But in the years of the NEP and the «Cultural Revolution» the goals of the Party policies in biology were not achieved. In comparison to the theoretical and practical aspects of racial hygienics and anthropology in Nazi Germany, the Party policy was not successful in creating a «Proletarian» biology. There were no mass movements controlled by the Party similar to those of the hygienists and eugenicists in Germany. Also, no Marxist biology textbooks were published.

In the subsequent repressions the main dialecticizators of natural science, excluding Prezent, perished. The vacated offices were occupied by the administrative workers who were promoted during the Cultural Revolution. In the end, the «Cultural Revolution» provided quick careers for a new generation of Soviet scientists by hastening the renovation of the biological cadre.

Thus, the events that took place in Leningrad in 1929—1933 made it possible to look at the causes of Prezent and Lysenko alliance, that defined to a considerable extent the process of sovietization in biology for the next decades. Agrobiology, created by Prezent and Lysenko, was presented to the Party leaders as a really proletarian science built from the very beginning on the principles of dialectical materialism to become the tool for carrying out the most imposing plans in agriculture. They succeeded in convincing I. V. Stalin, that only smashing of all competing trends and saving agrobiology from any criticism would yield in using the science to the full strength. It was done at the August session of VASHNIL.

However, the constant changing of campaigns and slogans showed that the most vulnerable people were those who participated in the propaganda of official ideology. These «fluctuations» following the Party line did not guarantee survival. It prompted quick movements, the necessity of which were understood first by the geneticists who took part in the struggle against Prezent and Lysenko in the mid-1930's. After the war biologists from other specialities joined them, and, later in the 1950's, physicists, mathematicians, and chemists. They all used the methods that were worked out during the previous debates, coming out in the name of dialectical materialism and appealing to the authorities as the supreme arbiter in the scientific discussions.

Эдуард Израилевич Колчинский

В ПОИСКАХ СОВЕТСКОГО «СОЮЗА» ФИЛОСОФИИ И БИОЛОГИИ

(дискуссии и репрессии в 20-х—начале 30-х гг.)

Утверждено к печати
С.-Петербургским филиалом
Института истории естествознания и техники
Российской Академии наук

Редактор издательства *В. С. Волкова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *К. Д. Буланина*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98
Сдано в набор 20.07.98. Подписано к печати 25.12.98.
Формат 60 × 84$^1/_{16}$. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 17,5. Уч.-изд. л.18
Тираж 600. Заказ 3008

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Единственное в своем роде серийное издание, включающее статьи по вспомогательным историческим дисциплинам, — генеалогии, дипломатике, сфрагистике, нумизматике, филигранологии, статистике и т. д. Книги серии готовятся в С.-Петербургском отделении Археографической комиссии и в С.-Петербургском филиале Института российской истории Российской Академии наук под редакцией члена-корреспондента В. А. Шишкина. Т. I—XXIV «Вспомогательных исторических дисциплин» были выпущены издательством «Наука», начиная с т. XXV серия выходит в издательстве «Дмитрий Буланин».

Вышли в свет:

Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXV. СПб., 1994, 320 стр., переплет. Тираж 1100.

Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI: Памяти Н. П. Лихачева. СПб., 1998, 368 стр., переплет. Тираж 1100.

Готовится к выходу:

Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVII.

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Продолжающееся издание, посвященное истории и культуре Новгорода, от древнейшей эпохи до наших дней. Серия готовится в С.-Петербургском филиале Института российской истории Российской Академии наук под редакцией академика В. Л. Янина. Вып. 1 (11)—3 (13) сборника были выпущены издательством «Наука», вып. 4 (14) — Новгородским музеем-заповедником. Начиная с вып. 5 (15) серия выходит в издательстве «Дмитрий Буланин».

Вышли в свет:

Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб., 1995, 304 стр., переплет. Приложение со схемами. Тираж 1000.

Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997, 368 стр., переплет. Тираж 1000.

Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999, 392 стр., переплет. Тираж 1000.

Готовится к выходу:

Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18).

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Единственное в мире продолжающееся издание, посвященное исследованию литературного наследия Древней Руси. «Труды» готовятся Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук под редакцией академика Д. С. Лихачева. Т. I—XLV «Трудов» были выпущены издательством «Наука» в 1934—1992 гг. Начиная с т. XLVI серия выходит в издательстве «Дмитрий Буланин».

Вышли в свет:

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVI. СПб., 1993, 540 стр., переплет. Тираж 1500.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVII. СПб., 1993, 464 стр., переплет. Тираж 1500.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993, 500 стр., переплет. Тираж 1500.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIX. СПб., 1996, 544 стр., переплет. Тираж 1200.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. L: К 90-летию академика Д. С. Лихачева. СПб., 1996, 864 стр., переплет. Тираж 1200.

Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LI. СПб., 1999, 512 стр., переплет. Тираж 1100.

Готовится к выходу:

Труды отдела древнерусской литературы. Т. LII.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

«Православный Палестинский сборник» является одним из старейших отечественных изданий по медиевистике и по истории Ближнего Востока. Серия была основана В. Н. Хитрово в 1881 г. и вскоре стала основным печатным органом Православного Палестинского общества, много сделавшего для ознакомления русских с прошлым и настоящим Святой Земли. Серия продолжала выходить и в советскую эпоху, оставаясь в ведении Палестинского общества (сейчас вновь Православного Палестинского общества). Начиная с вып. 96 (33), серия выходит в издательстве «Дмитрий Буланин».

Православный Палестинский сборник. Вып. 96 (33): **Грушевой А. Г.** Исследования по источниковедению и истории Палестины и Синая: Нессанские папирусы. Синайские набатейные надписи. СПб., 1998, 256 стр., илл., обложка. Тираж 500.

Православный Палестинский сборник. Вып. 97 (34): **Пиотровская Е. К.** Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славянорусской письменности. СПб., 1998, 192 стр., обложка. Тираж 500.

Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35): Сб. статей, посвященный Н. В. Пигулевской. СПб., 1998, 288 стр., обложка. Тираж 500.

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

НЕМЦЫ В РОССИИ

Сборники основаны на материалах научных конференций, проходящих в С.-Петербурге, начиная с 1990 г., и включают статьи ученых разной специальности — лингвистов, литературоведов, историков, этнографов, краеведов. Их объединяет «немецкая тема», которая предстает в разных аспектах: это своеобразие русско-немецких контактов и культурных влияний, судьба немцев в России как живых носителей этих влияний, наконец, история русских немцев как этнической общности со своей особой культурной традицией.

Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. Сб. статей. СПб., 1998, 328 стр., илл., переплет.

Немцы в России: Люди и судьбы. Сб. статей. СПб., 1998, 312 стр., илл., переплет.

Немцы в России: Петербургские немцы. Сб. статей. СПб., 624 стр., илл., переплет.

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net